

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	153—189
Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). Свящ. Т. Вуткевича	184—215
Западная средневѣновая мистина и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе (продолженіе). А. Вертеловскаго	216—236
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Задачи метафизики. (По В. Вовпе'у) (продолженіе). Архимандрита Бориса „Теодицея“ Лейбница (продолженіе). Б. Истомина	95—111 112—136
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи установленной X епархіальнымъ съѣздомъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, нѣмецкая, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторій философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ливні; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлыя 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πιστεὶ νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

В

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

IV.

На дипломатическомъ поприщѣ австрійцы понесли полное пораженіе; но руководство военными операціями, по крайней мѣрѣ, въ главной арміи оставалось всецѣло въ ихъ рукахъ. Князь Шварценбергъ и его методическіе совѣтники одни распоряжались движеніями союзныхъ войскъ и неуклонно слѣдовали при этомъ стратегическимъ правиламъ, установленнымъ старою школою. Отъ Базеля до Лангра насчитывается всего лишь девять умѣренныхъ переходовъ, но это незначительное разстояніе австрійскіе вожди предполагали пройти въ теченіе тридцати четырехъ дней. Передъ ними не было въ сущности никакого непріятеля. Маршалы Мортъе и Викторъ, не имѣвшіе въ своемъ распоряженіи даже и 10,000 солдатъ, не могли думать о противодѣйствіи движенію союзныхъ массъ. Но за то передъ австрійскими стратегами лежало не мало крѣпкихъ природ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 1.

ныхъ позицій, холмистыхъ возвышенностей и рѣкъ. Каждое изъ такихъ географическихъ условій казалось имъ серьезнымъ, почти непреодолимымъ препятствіемъ. За каждымъ пригоркомъ мерещились имъ многочисленныя полчища Наполеона и они ломали себѣ по нѣсколько дней голову, какими искусственными маневрами могутъ преодолѣть они воображаемую преграду. Какъ ни странны, какъ ни не вѣроятны подобныя факты, но они слишкомъ хорошо засвидѣтельствованы вполне компетентными, всецѣло посвященными въ тайны главной квартиры, очевидцами и не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. „Передъ нами не было нигдѣ непріятеля“, пишетъ англійскій военный агентъ лордъ Бургершъ, „но наши вожди не могутъ обойтись безъ сложныхъ движеній и ученыхъ маневровъ. Они то и дѣло прибѣгаютъ къ нимъ, для того, чтобы обойти ни кѣмъ не занятая позиція, и переправиться безопасно черезъ никѣмъ не защищаемыя горы и рѣки“.—„Находясь по распоряженію государя императора постоянно при князѣ Шварценбергѣ“, пишетъ Толль, „я былъ ежедневно свидѣтелемъ опасеній и заботъ, волновавшихъ офицеровъ его главной квартиры. Если съ форпостовъ приходило извѣстіе, что непріятель показывался вблизи, или усиливался на какомъ нибудь пунктѣ, то господа эти, не смотря на всѣ мои возраженія и доводы, убѣждали князя остановить движеніе нашихъ колоннъ и предписать имъ коцентрическое направленіе. Если-же затѣмъ оказывалось, что донесенія съ форпостовъ были неосновательны, тогда князя уговаривали дать нашимъ колоннамъ эксцентрическое направленіе. Въ этихъ-то бесполезныхъ маршахъ проходило время. Ни разу не случилось, чтобы диспозиція, составленная австрійскими генералами, направляла наши войска кратчайшимъ путемъ на непріятеля, а между тѣмъ извѣстно, что быстрота въ движеніяхъ есть первое ручательство успѣха“¹⁾.

Быть можетъ, австрійскіе генералы никогда не довели-бы

¹⁾ Свидѣтельства Бургерша и Толля см. у Бернгарди Tolle's Denkwürdigkeiten, T. IV, I половина, стр. 139 и 140.

союзную армію до Лангра, если-бы имъ встрѣтился на пути дѣйствительный, а не воображаемый непріятель, но такъ какъ такового непріятеля нигдѣ не оказывалось, за исключеніемъ небольшихъ патрулей и кавалерійскихъ разѣздовъ, быстро отступавшихъ при первомъ появленіи союзниковъ, то колонны большой арміи, хотя и медленно, но все-же подвигались впередъ. Колонна графа Бубны заняла безъ сопротивленія Женеву и приблизилась къ Безансону. Гіулай, достигнувъ Биля, на швейцарской границѣ, безпрепятственно двинулся черезъ Везуль на Лангръ. Колонна наслѣдника принца гамбургскаго, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, достигла Дижона. Войска графа Вреде, обложивъ нѣсколько пограничныхъ крѣпостей, заняли Сень-Дье и выступили на Нешато. Графъ Витгенштейнъ, перейдя черезъ Рейнъ у Форъ-Луи, и обложивъ нѣсколько крѣпостей, выслалъ кавалерію своего корпуса, подъ начальствомъ графа Палена, къ Нанси. Наконецъ, русско-прусская гвардія, переправившись черезъ Рейнъ 13 (1-го) января, дошла 22-го января (10 января) до окрестностей Лангра ¹⁾.

Союзники проходили по странѣ совершенно не живописной, мало плодородной и бѣдной. Наши молодые офицеры, мечтавшіе такъ давно ознакомиться со всѣми прелестями *La belle France*, были видимо разочарованы. Обнаженные, безлѣсные возвышенности, каменистыя долины смѣняли безпрестанно другъ друга. Лишь изрѣдка попадались на пути селенія и города. Повсюду бросались въ глаза бѣдность и неопрятность. Города и деревушки утопали въ грязи, точь въ точь какъ въ Польшѣ. Невозможно было найти удобныхъ квартиръ. Дома были построены дурно, каминны дымили, комнаты и мебель наполнены клопами. Вездѣ отвратительная грязь и нечистота. Жители этихъ домовъ производили столь-же невыгодное впечатлѣніе, какъ и ихъ жилища. О красивыхъ женщинахъ не было и помину. Обыватели выглядывали крайне невзрачно. Молчаливые, подавлен-

¹⁾ Подробности о движеніи къ Лангру см. въ особенности Беригарди, т. IV, 1-я полов. стр. 134—187.

ные они оживлялись только тогда, когда заходила рѣчь о Наполеонѣ. О своемъ великомъ императорѣ они не могли говорить иначе, какъ съ ругательствами и проклятіями. Всѣ жаловались на бѣдственныя времена, на невыносимую тяжесть налоговъ и конскрипціи. Живые рассказы Бернадота о страшномъ національномъ одушевленіи, долженствующимъ охватить всю Францію при первомъ-же появленіи союзниковъ, обнаружались во всей своей наготѣ. О народной войнѣ, о возстаніи населенія не было и рѣчи. Всѣ напротивъ смотрѣли на появленіе союзниковъ, какъ на вѣрный признакъ скорого освобожденія отъ невыносимаго ига и не скрывали своей радости. По свойству своего національнаго характера, французы начинали уже острить и подшучивать надъ своимъ грознымъ властелиномъ. Въ Лангрѣ обыватели придумали особую партію бостона. Игроками являются императоръ Александръ, король прусскій и Наполеонъ. Александръ говоритъ: я играю; король прусскій: я поддерживаю; Наполеонъ беретъ большое левѣ (т. е. levee en masse поголовное возстаніе) и проигрываетъ партію. Среди обитателей попадались кое-гдѣ и сторонники Бурбоновъ, но надъ всѣми симпатіями и настроеніями господствовало одно общее, неудержимое, страстное стремленіе къ миру, къ миру во чтобы то ни стало ¹⁾).

Какъ ни замѣчательны были эти признаки, но князь Шварценбергъ и его учевые стратеги, поглощенные всецѣло своими глубокомысленными маневрами, направленными противъ воображаемаго непріятеля, не имѣли ни времени, ни охоты обращать на нихъ должное вниманіе. Ихъ волненіе и тревога возростали по мѣрѣ приближенія къ Лангрѣ. Они были твердо убѣждены, что Наполеонъ не уступитъ имъ безъ самого упорнаго боя стратегическаго ключа Франціи, этого грандіознаго плато, воздымающагося и господствующаго надъ всею стравою. Лазутчики доносили, что въ Лангрѣ и его окрестностяхъ находятся значительныя массы французской пѣхоты, съ форпостовъ приходили извѣстія о сильныхъ не-

¹⁾ Всѣ эти подробности у Перца Stein's Leben, т. III стр. 511—512.

пріятельскихъ разбѣздахъ, появляющихся въ различныхъ направленіяхъ. Эти грозныя вѣсти усугубили тревожное настроеніе и лихорадочную дѣятельность австрійской главной квартиры. Ежедневно и ежечасно предлагались и обсуждались новыя диспозиціи, предписывались то эксцентрическіе, то концентрическіе марши. Медленно и съ величайшими предосторожностями подступали союзныя колонны къ Лангру, поминутно останавливаясь на своемъ пути и готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ съ многочисленнымъ непріателемъ. Но дни и часы проходили, а о непріателѣ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, передовой отрядъ подъ начальствомъ Гіулая отважился подойти къ самому Лангру. На небольшой возвышенности виднѣлся городъ, обнесенный старою стѣною и укрѣпленный сверхъ того нѣсколькими земляными шанцами. Мертвая тишина господствовала въ городѣ и безжизненной окрестности; ни одинъ выстрѣлъ, ни одно движеніе не обнаруживало присутствія непріателя. Само собою возникало предположеніе о засадѣ, о военной хитрости, но загадка не замедлила разъясниться инымъ образомъ.

Князь Шварценбергъ случайно отправилъ въ этотъ самый день 17 января (5 января) парламентаромъ въ Лангръ подполковника Войну; къ Войнѣ присоединились изъ любопытства два русскихъ офицера генеральнаго штаба: Ф. Дистъ и Тряскинъ. Всѣ трое въ сопровожденіи трубача подъѣхали къ воротамъ Лангра и трубачъ подалъ парламентарскій сигналъ. Только теперь обнаружился первый признакъ жизни въ крѣпости. Раздался пушечный выстрѣлъ, но ядро, по счастью, пролетѣло мимо, не задѣвъ никого. Трубачъ протрубилъ во второй разъ. Тогда изъ города вышелъ офицеръ, оказавшійся полковникомъ Симономъ и комендантомъ Лангра. Пока полковникъ принималъ письмо и давалъ росписку въ его полученіи, русскіе офицеры съ любопытствомъ разсматривали городъ и легко убѣдились, что онъ покинутъ непріателемъ и что въ немъ находится лишь нѣсколько десятковъ солдатъ. Поспѣшно поскакали они назадъ и увѣдомили Гіулая о своемъ неожиданномъ открытіи. Австрійскій генералъ тотчасъ-же подошелъ къ самой крѣпости и при-

казалъ направить нѣсколько орудій на ворота. Но полковникъ Симонъ не въ состоянїи былъ обороняться. Въ его распоряженіи было всего лишь 180 человѣкъ солдатъ; къ шестифунтовымъ орудіямъ, составлявшимъ всю его артиллерію, имѣлись только двѣнадцатифунтовые заряды, а національная гвардія, на содѣйствіе которой онъ рассчитывалъ, отказывалась принять участіе въ защитѣ и настойчиво требовала сдачи города. Симонъ принужденъ былъ сдать безусловно съ своимъ маленькимъ отрядомъ. Вечеромъ того-же 17 числа Гіулай занялъ Лангръ и событіе, ожидаемое всѣми съ такою тревогою и опасеніями, окончилось комическимъ образомъ. Гора родила, по пословицѣ, мышъ! ¹⁾

Князь Шварценбергъ былъ крайне обрадованъ, но въ то-же время чрезвычайно изумленъ, получивъ извѣстіе, что Лангръ занятъ безъ боя. Подобное событіе вовсе не входило въ соображеніе ученыхъ стратеговъ, наполнявшихъ его главную квартиру и должно было сбить ихъ окончательно съ толку. До Лангра и не далѣе шель австрійскій операціонный планъ; въ занятіи этого пункта заключалась вся цѣль похода. Теперь эта цѣль была достигнута; центральная позиція, господствующая надъ всею Франціею, взята безъ боя. Идти дальше не было, слѣдовательно, никакой надобности. Необходимо было расположиться на плато и ожидать, что предприметъ теперь непріятель.

Такъ разсуждали князь Шварценбергъ и его штабные офицеры, вѣзжая въ улицы стараго города, такъ и порѣшили они дѣйствовать, или лучше сказать, бездѣйствовать и выжидать. Лишь одно обстоятельство нѣсколько беспокоило ихъ. Изъ показаній Симона и другихъ плѣнныхъ они узнали, что Лангръ былъ занятъ до послѣднихъ дней маршаломъ Мортье съ 6,000 войска. Далѣе они узнали, что мар-

¹⁾ Подробности у Бергарди, т. IV, стр. 186—187. Первоначально Наполеонъ хотѣлъ сосредоточить въ Лангрѣ значительныя силы и направилъ туда съ этою цѣлью маршала Мортье съ старою гвардіею, но планъ этотъ въ скоромъ времени былъ оставленъ имъ. См. между прочимъ *Correspondance de Napoleon*, т. 27, стр.—9, письмо къ маршалу отъ 3 января Келлерману, гдѣ Наполеонъ говоритъ: я хочу соединить въ Лангрѣ 80,000 человѣкъ.

шалъ, оставивъ Лангръ, отступилъ къ Шомону и укрѣпился на высотахъ по ту сторону Мааса. Нельзя было оставлять непріятеля въ такой близости, тѣмъ болѣе что ходили слухи о сильныхъ подкрѣпленіяхъ, ежедневно получаемыхъ маршаломъ. И вотъ, Шварценбергъ выдвинулъ по направленію къ Шомону корпуса кронъ-принца виртембергскаго и Гіулая. Оба союзные генерала дѣйствовали крайне вяло и нерѣшительно; духъ австрійскаго генеральнаго штаба видимо парилъ надъ ними. Не смотря на громадное превосходство силъ, они не рѣшились атаковать непріятеля въ его крѣпкой позиціи по ту сторону Мааса и прибѣгли къ излюбленнымъ обходнымъ движеніямъ и маневрамъ. Но маршалъ Мортъе во-время замѣтилъ грозившую ему опасность. Ночью съ 18 на 19 января онъ снялся съ своей позиціи при Шомонѣ, и ни кѣмъ не преслѣдуемый, отошелъ къ Бару на Обѣ. Онъ расположился здѣсь въ ожиданіи дальнѣйшихъ движеній союзниковъ. Его силы возросли въ это время до 8,000 человекъ, вслѣдствіе прибытія второй дивизіи старой гвардіи ¹⁾.

Шварценбергъ съ своей стороны не собирался пока беспокоить маршала. Довольный достигнутыми результатами, онъ расположилъ свои корпуса въ окрестностяхъ Лангра, рассчитывая не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не приблизится силезская армія и не съѣдутся въ Лангръ монархи и дипломаты, отъ рѣшенія которыхъ должны были зависѣть всѣ дальнѣйшія операціи.

Движенія Блюхера представляли полнѣйшую противоположность операціямъ главной арміи. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ старый фельдмаршалъ назначеннаго дня для его переправы черезъ Рейнъ. Приготовленія къ переправѣ совершались въ величайшей тайнѣ. Самъ Блюхеръ велъ себя такъ, какъ будто ему и его арміи предстояло продолжительное бездѣйствіе. Онъ жаловался всѣмъ и каждому на скуку и

¹⁾ Подробности объ этихъ движеніяхъ см. *Plato der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 и 1814*, т. III, 39—41. Бернгарди, *Tolle's Denkwürdigkeiten*, т. IV, 1-я полов. стр. 188—192.

бездѣйствіе, ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ дипломатовъ, называя ихъ, по обыкновенію, проклятыми собаками. За нѣсколько дней до переправы, Блюхеръ поѣхалъ во Франкфуртъ отдохнуть и отпраздновать 71 годовщину своего рожденія. „Если уже пришлось мнѣ отдохнуть“, говорилъ онъ при этомъ, „то отдохну во Франкфуртѣ“. Отдыхъ Блюхера отличался впрочемъ чисто гусарскимъ характеромъ. По вечерамъ, онъ игралъ въ карты и истреблялъ въ большомъ количествѣ вино. Въ день своего рожденія онъ танцевалъ на балу, данномъ въ честь его, какъ говорится до упаду, и изумилъ всѣхъ присутствующихъ своею шумною веселостью, неутомимостью и бодростью. Казалось, сами лѣта не имѣли значенія для этого героя.

Между тѣмъ наступилъ давно желанный моментъ. Блюхеръ тайно оставилъ Франкфуртъ, и поспѣшилъ въ городъ Каубъ на самомъ берегу Рейна. Всѣ окрестности городка наполнены были русскими и прусскими войсками. Корпуса Горка и Ланжерона должны были переправиться въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку. Была ясная, но холодная и звѣздная ночь, ночь подъ новый 1814 годъ, когда къ берегу Рейна подѣхалъ всадникъ, окутанный въ плащъ и покуривавшій спокойно изъ маленькой трубки. На берегу кипѣло самое дѣятельное, хотя и не шумное, сдержанное движеніе. Въ мѣстѣ, назначенномъ для переправы, собраны были всѣ, оказавшіяся вблизи рыбацьи лодки. Тутъ же стояли, готовые къ работѣ, русскіе пионеры съ своими понтонными мостами. 200 бранденбургскихъ фюзельеровъ должны были первые переѣхать на лодкахъ черезъ Рейнъ и укрѣпиться на противоположномъ берегу. Блюхеръ подѣхалъ къ этимъ смѣльчакамъ, добровольно вызвавшимся на опасный подвигъ. „Ребята! сказалъ фельдмаршалъ солдатамъ, теперь пойдемъ поздравлять съ новымъ годомъ Бонапарте! Не правда-ли ребята?“ Солдаты отвѣчали одобрительнымъ шопотомъ. Еще моментъ и лодки съ фюзельерами отчалили отъ берега. Наступила глубокая тишина; слышался только плескъ воды, разбиваемой веслами. Прошло четверть часа и громкое ура послышалось съ противоположнаго берега. То фюзельеры вступили на фран-

цузскую землю. Еще минута и пушечный выстрѣлъ прогремѣлъ надъ долиною Рейна. Французскія войска замѣтили переправу и спѣшили сбить въ воду горсть фюзельеровъ. Но было уже поздно. Пруссаки встрѣтили французовъ ружейнымъ огнемъ и оборонялись штыками и прикладами. А между тѣмъ лодки подвозили все новыя и новыя отряды русскихъ и прусскихъ солдатъ. Французы, атакованные превосходными силами, припуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ. Къ утру наведены были мосты и корпуса Йорка и Ланжерона беспрепятственно переправились на лѣвый берегъ Рейна ¹⁾.

Въ тотъ же день и съ такимъ же успѣхомъ переправился черезъ Рейнъ у Маннгейма съ своимъ корпусомъ и генералъ Сакенъ. Блюхеръ быстро повелъ впередъ свои войска. Узнавъ изъ перехваченной депеши, что маршалъ Мармонъ спѣшитъ сосредоточить войска свои у Кайзерслаутерна, онъ рѣшился предупредить его тамъ. Оставя корпуса Ланжерона подъ Майнцомъ, а отрядъ генерала Сенъ-При въ Кобленцѣ, Блюхеръ двинулъ войска Йорка и Сакена на позиціи Мармона, но маршалъ уклонился отъ удара и поспѣшно отошелъ сначала къ Мецу, а оттуда за Маасъ. Блюхеръ не преслѣдовалъ его. Оставя на Мозелѣ корпусъ Йорка для наблюденія за крѣпостями Медомъ, Тіонвилемъ и Верденомъ, онъ двинулся съ одними русскими войсками Сакена и Олсуфьева на Нанси и 17 (5) января вступилъ безъ сопротивленія въ этотъ городъ. „Считаю себя счастливымъ“, писалъ фельдмаршалъ императору Александру, „повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества ключи Нанси перваго изъ занятыхъ союзными войсками добрыхъ городовъ старинной Франціи, пользующагося правомъ посылать своего мера на коронацію французскихъ королей“. Императоръ отвѣчалъ: „Очень радъ, что именно вамъ была предоставлена слава первымъ занять одинъ изъ добрыхъ городовъ старинной Франціи. Быстротою вашихъ движеній вы приобрѣли по-

¹⁾ О переправѣ Блюхера черезъ Рейнъ см. Шахъ, Tagebüch стр. 20, Рѣхеръ, der Rheinübergang des Feldmarschall's Blücher bei Kaus, а также Шерръ, Blücher, seine Zeit и sein Leben. Т. III, стр. 321--22.

выя права на признательность союзныхъ монарховъ. Вамъ извѣстно всегдашнее мое участіе въ вашихъ успѣхахъ и мнѣ пріятно повторить вамъ нынѣ изъявленіе моихъ чувствованій“ ¹⁾).

Старый фельдмаршалъ не любилъ покоиться на лаврахъ. Неутомимо стремился онъ впередъ, пользуясь каждою оплошностью своего противника. Маршалъ Викторъ, отступая передъ Блюхеромъ, оставилъ въ цѣлости мосты на Маасѣ. Блюхеръ немедленно перевелъ свои войска на лѣвую сторону этой рѣки, повернулъ на Сенъ-Дизье и Жуанвиль и уже 25 (13) января передовыя войска его появились въ окрестностяхъ Шомона и Лангра и вошли въ связь съ войсками главной арміи ²⁾).

Между тѣмъ въ Лангръ начали прибывать одинъ за другимъ союзные монархи и столь ненавистные для Блюхера дипломатики, т. е. министры и дипломаты. Одинъ изъ первыхъ уже 22-го января (9-го стар. ст.) прибылъ императоръ Александръ. Кромѣ обычной свиты его сопровождали баронъ Штейнъ, графъ Разумовскій и Нессельроде. Нѣсколькими днями позже пріѣхалъ король прусскій въ сопровожденіи Кнезебека и Гарденберга. Пріѣхалъ императоръ Францъ въ сопровожденіи Меттерниха и всего дипломатическаго хвоста. Особенно велико было число англійскихъ дипломатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, лордъ Эбердинъ, уполномоченный посоль при особѣ императора австрійскаго, Джаксонъ и Стюартъ, состоявшіе послами при королѣ прусскомъ и лордъ Каткартъ, акредитованный при особѣ императора Александра, давно уже сопровождали главную квартиру союзниковъ, тогда какъ другіе и притомъ главные руководители британской политики только что теперь явились на театръ военныхъ дѣйствій. Такими заправилами были графъ Мюнстеръ, отстаивавшій ганноверскіе интересы англій-

¹⁾ Письмо Блюхера и отвѣтъ Александра у Богдановича, Т. IV, стр. 355.

²⁾ Подробности о движеніяхъ силезской арміи отъ Рейна до Шомона см. у Плото, Т. III, стр. 43—96; Беригарди, Т. IV, 1-я пол. стр. 159 и слѣд. Мармонъ, мемуары, Т. VI, стр. 17 и слѣд.

ской династїи и лордъ Кестльри, статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ британскаго величества, державшій въ своихъ рукахъ всѣ сложныя и занутанныя нити внѣшней политики торїйскаго кабинета ¹⁾. Нельзя сказать, чтобы прежніе представители британскаго правительства при союзныхъ монархахъ отличались особеннымъ тактомъ, прозорливостью или самостоятельностью, напротивъ, всѣ они давно уже попали въ сѣти австрійскаго канцлера и слѣпо слѣдовали его указаніямъ. Несостоятельность этихъ представителей британскихъ интересовъ и вызвала, подъ конецъ, такую чрезвычайную мѣру, какъ поѣздка самого статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ въ главную квартиру союзниковъ.

Лордъ Кестльри выѣхалъ на континентъ, снабженный чрезвычайно широкими полномочіями. Въ его инструкціи прямо говорилось: Въ высшей степени серьезный моментъ настоящаго кризиса требуетъ наивозможно скорѣйшихъ и опредѣленныхъ рѣшеній со стороны Англіи, а такія рѣшенія почти невысказаны при письменномъ способѣ сношеній

¹⁾ О Кестльри, его поѣздкѣ въ главную квартиру союзниковъ и объ его участіи въ лангрскихъ конференціяхъ появилась въ недавнее время чрезвычайно интересная статья Онкена въ *Historisches Taschenbuch* за 1885 г., основанная на неизвѣстномъ до сихъ поръ архивномъ матеріалѣ, преимущественно на донесеніяхъ Кестльри лорду Ливерпулю. Къ сожалѣнію, авторъ не ограничился одними архивными сообщеніями, а постарался разбавить ихъ своими собственными, крайне тенденціозными разсужденіями, имѣющими цѣлю доказать, что весь прежній взглядъ на дѣятельность Меттерниха въ 1814 г. лишенъ основанія и что австрійскій премьеръ былъ не только образцомъ дипломатической ловкости, но даже прямоты и честности. Само собою понятно, что г-нъ Онкенъ не успѣлъ разрѣшить своей трудной задачи и доказалъ своими документами лишь крайнюю пронырливость своего героя, качество Меттерниха, не подлежащее впрочемъ и прежде ни малѣйшему сомнѣнію. Столь-же неудачна и другая попытка Онкена доказать, что Генцъ вовсе не былъ близокъ къ Меттерниху въ это время и что, слѣдовательно, всѣ его свидѣтельства о тайной дипломатической исторіи этой эпохи лишены основанія. Письма Генца къ Меттерниху, опубликованныя въ самое послѣднее время въ извѣстномъ сборникѣ: *Oesterreichs Theilnahme etc.* доказываютъ, наоборотъ, до очевидности, что Генцъ посвященъ былъ и въ это время во всѣ интриги и тайны Меттерниха и что свидѣтельства его, заключающіяся въ его письмахъ и депешахъ, должны оставаться по прежнему важнѣйшими источниками для дипломатической исторіи эпохи, не смотря на всѣ открытія г-на Онкена.

съ континентальными державами. Важность текущихъ нынѣ вопросовъ до такой степени велика и лежитъ такъ далеко внѣ сферы условій, разрѣшаемыхъ обычными дипломатическими агентами, что представляется необходимость отправить на мѣсто дѣйствія самого статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ и чрезвычайными полномочіями, дабы онъ могъ именемъ его величества вести переговоры какъ съ союзниками вообще, такъ и съ каждою державою въ особенности, и заключать съ ними условія, необходимыя какъ для энергическаго продолженія войны, такъ и для возстановленія мира. Всѣ остальные представители Великобританіи на континентѣ обязаны слѣдовать его указаніямъ и представлять ему свои донесенія ¹⁾.

Личныя способности Кестльри далеко не соответствовали ни его высокому сану, ни широкимъ полномочіямъ. Если второстепенные англійскіе агенты, какъ на примѣръ Каткартъ и Стюартъ, были люди ограниченные и малоспособные, если лордъ Эбердинъ былъ, по мѣткому замѣчанію Меттерниха, — воплощенная простота ²⁾, то и лордъ Кестльри съ своей стороны не былъ звѣздою первой величины на дипломатическомъ горизонтѣ тогдашней Европы. Не отличаясь ни проницательнымъ умомъ, ни широтою воззрѣній, зачатый и ограниченный торій съ головы до ногъ, Кестльри не умѣлъ понимать людей, отстаивать свои убѣжденія и легко поддавалъ подъ вліяніе лицъ, преслѣдовавшихъ въ сущности совершенно инныя цѣли, нежели тѣ, которыя имѣлъ въ виду онъ самъ и его правительство. Торійскій кабинетъ стремился всѣми силами къ низложенію Наполеона съ французскаго престола и къ возстановленію Бурбоновъ; въ такомъ смыслѣ составлены были инструкціи, данныя Кестльри. Какъ-

¹⁾ См. Онкенъ, *Historisches Taschenbuch*, 1885 г. *Lord Castlereagh und die Ministerconferenz zu Langres*, стр. 3 и 4.

²⁾ Слово это Меттернихъ отпустилъ за ужиномъ въ Лапгрѣ въ присутствіи графа Мюнстера и другихъ дипломатовъ. Обращаясь къ Мюнстеру, который хотѣлъ возражать Эбердину на одну изъ его глупыхъ выходокъ, онъ шепнулъ ему: „Lassen Sie ihn doch; er ist die Einfalt als Diplomat“. См. Перцъ, *Stein's Leben*, т. III, стр. 514.

же приступилъ онъ къ ихъ исполненію? 18-го января англійскій министръ прибылъ въ Базель и имѣлъ здѣсь, какъ гласятъ его донесенія, важныя совѣщанія съ Меттернихомъ, Стадіономъ и Гарденбергомъ. Понятно, что важнѣйшими изъ этихъ совѣщаній были конференціи съ Меттернихомъ и неудивительно, что Кестльри уже послѣ первыхъ бесѣдъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе австрійскаго канцлера ¹⁾. Меттернихъ не былъ великій человѣкъ, у него не было даже настоящихъ политическихъ принциповъ, но онъ обладалъ необычайною хитростью и свѣтскостью, онъ отлично понималъ людей, онъ не пренебрегалъ никакими средствами, а потому для него не составляло ни малѣйшаго труда обойти ограниченнаго и неловкаго лорда. Уже въ первой бесѣдѣ съ Меттернихомъ Кестльри позволилъ убѣдить себя, что энергическое продолженіе войны и сверженіе Наполеона съ престола есть вопросъ второстепенной важности, что несравненно важнѣе формулировать точно цѣль войны, и продолжая дѣйствовать

¹⁾ Въ своихъ частныхъ письмахъ къ Генцу Меттернихъ выражалъ свою радость, что ему удалось совершенно забрать въ руки Кестльри. Генцъ съ своей стороны выражалъ полнѣйшее удовольствіе и пѣлъ по этому поводу восторженные дифирамбы канцлеру. См. между прочимъ письма Генца отъ 30-го января и 5-го февраля. Въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ мы читаемъ: „И такъ мои добрыя предчувствія по отношенію къ лорду Кестльри не обманули меня; это для меня важнѣе двухъ выигранныхъ сраженій. Ваша свѣтлость справедливо замѣтили, что дѣло это будетъ имѣть безконечныя послѣдствія для будущаго. Вамъ извѣстно, какъ часто жаловался я на предпочтеніе англійскаго правительства Россіи, какъ на величайшее политическое несчастіе. А между тѣмъ при теперешнемъ положеніи дѣлъ это предпочтеніе было лишь большимъ неудобствомъ; въ новой-же системѣ Европы, возникающей подъ вашимъ руководствомъ, въ той системѣ, при которой только и возможны: равновѣсіе, независимость и спокойствіе, такое предпочтеніе явилось-бы мертвящимъ принципомъ. Желаю Австрія, вамъ ближайшему къ моему сердцу, а затѣмъ и всей Европѣ счастья, чтобы поѣздка лорда Кестльри приняла именно такой, а никакой-либо иной поворотъ. Благодарю небо, что Кестльри нашелъ въ васъ такого министра, который сумѣлъ развить его благопріятное настроеніе и воспользоваться имъ“. Достаточно прочесть это письмо, чтобы убѣдиться насколько правъ г. Оккенъ, утверждая, что своими послѣдними сообщеніями онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что Генцъ не имѣлъ никакого представленія о дѣйствительномъ ходѣ событій и не пользовался довѣріемъ Меттерниха въ эту эпоху. Замѣтимъ еще, что статья г. Оккепа, уничтожающая Генца, явилась въ 1885 г.; тогда какъ обличающія его письма Генца изданы впервые въ 1887 г. въ цитированномъ уже нами сборникѣ *Oesterreich's Theilnahme etc.*

силою оружія, не отвергать въ тоже время мирныхъ предложеній, исходящихъ отъ императора французовъ. Кестльри попробоваль было заговорить о возстановленіи Бурбоновъ, но Меттернихъ отвѣчалъ ему уклончиво, далъ понять, что онъ ничего не имѣетъ противъ такой реставраціи, но что гораздо лучше предоставить это дѣло самимъ французамъ, не поддерживать, но и не противодѣйствовать бурбонской интригѣ, имѣть въ виду только почетный и выгодный миръ съ Франціею, все равно, будетъ-ли она управляться Бурбономъ или Бонапарте ¹⁾).

Съловивъ безъ труда Кестльри на свою точку зрѣнія, Меттернихъ обратилъ вниманіе англійскаго министра на честолюбивые планы императора Александра и старался доказать ему, что главная опасность свободѣ и равновѣсію Европы грозитъ теперь уже не со стороны Франціи и ея императора, а со стороны русскаго царя и полуварварской и колоссальной Россіи. Меттернихъ доказываль Кестльри, что подъ юношескимъ энтузіазмомъ Александра и его воинственнымъ азартомъ скрываются тайныя и въ высшей степени опасныя для остальной Европы цѣли. Александръ стремится во чтобы то ни стало въ Парижъ, онъ отклоняетъ отъ себя всякое сужденіе о цѣли войны, онъ протестуетъ противъ всякихъ переговоровъ съ Наполеономъ, а безумные, бѣшеные люди, стоящіе во главѣ силезской арміи: Блюхеръ, Гнейзенау и вся ихъ шайка, стараются поддержать всѣми силами его стремленія. Пруссаки дѣйствуютъ подъ вліяніемъ чувства мести и злобы. Французы побывали въ Берлинѣ, они хотять побывать въ Парижѣ; ихъ цѣль—грабежи, контрибуціи и веселыя партіи въ Пале-Роялѣ. Не таковы цѣли Александра. Онъ хочеть выступить въ покоренномъ Парижѣ въ роли умиротворителя Европы и вершителя ея судебъ. Онъ хочеть свергнуть Бонапарте лишь для того, чтобы посадить на престолъ Франціи Бернадота ²⁾. При помощи этого гас-

¹⁾ Онкенъ стр. 7—8.

²⁾ Что Александръ хотѣлъ возвести на престолъ Франціи Бернадота,—въ этомъ не сомнѣвается и самъ Онкенъ, хотя всѣ его свѣдѣнія по этому темному вопросу почерпнуты лишь изъ крайне сомнительнаго источника а именно: „Вяльсона, тайной исторіи похода 1812 года“.

конца и пруссаковъ, приступитъ затѣмъ русскій царь къ устроению Европы. Понятно, что онъ произведетъ это устроение въ своихъ интересахъ и для упроченія своей гегемоніи. Онъ думаетъ захватить всѣ польскія земли и раздвинуть границы Россіи до Одера и Карпатовъ; Саксонію онъ предоставитъ своему вѣрному союзнику, королю прусскому; къ интересамъ другихъ державъ онъ отнесется отрицательно, если и не враждебно. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду, что императоръ Александръ проникнутъ самыми опасными революціонными идеями, что онъ находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ бывшаго своего воспитателя, республиканца Лагарпа и прусскихъ якобинцевъ (?), что онъ думаетъ облагодѣтельствовать Францію либеральными учрежденіями, что онъ готовится создать въ возстановляемой имъ Польшѣ революціонный очагъ для всей Европы. Съ благоговѣніемъ слушалъ Кестльри всѣ эти внушенія коварнаго австрійскаго канцлера. Всецѣло подчинился онъ его идеямъ и забылъ о своихъ собственныхъ инструкціяхъ. Онъ явился въ Лангръ съ твердымъ намѣреніемъ отстаивать программу Меттерниха, требовать немедленнаго открытія мирнаго конгресса, протестовать противъ продолженія войны во чтобы то ни стало и противъ безумнаго стремленія на Парижъ, и настаивать прежде всего на точной и опредѣленной формулировкѣ цѣлей войны.

Едва только съѣхались въ Лангръ государи, ихъ министры и уполномоченные, какъ тотчасъ-же начались военныя и дипломатическія конференціи ¹⁾. Положеніе императора

¹⁾ Извѣстія о лангрскихъ конференціяхъ находятся у Генца въ его депешахъ къ Валашскому господарю (см. извѣстное изданіе Прокешъ-Остена, *Depesches inedites du chevalier de Gentz aux Hospodars de Walachie etc.* Парижъ 1876 г.), и въ его письмахъ къ Меттерниху (см. *Oesterreich's Theilnahme etc.*, у Перца, въ его *Stein's Leben*, т. III, стр. 512 и слѣд.; у Бернгарди, т. IV, стр. 206—234, гдѣ изложены подробнѣйшимъ образомъ всѣ военныя совѣщанія и приведены, по большей части дословно, всѣ важнѣйшіе документы, какъ-то: письма Гнейзенау, письменные отзывы Ф. Кнезебека, Лангенау, Дуки, и императора Александра. См. также Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 458 и слѣд.

на этихъ конференціяхъ было въ высшей степени затруднительное. Александръ стоялъ почти особнякомъ. Его собственные министры, и прежде всѣхъ Нессельроде, находились подъ обаяніемъ Меттерниха и готовы были въ тайнѣ содѣйствовать его дѣламъ. Министры его союзника, короля прусскаго, привыкли также смотрѣть на вещи, сквозь очки, надѣтыя имъ Меттернихомъ. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ готовъ былъ слѣдовать за императоромъ до конца. Но и онъ боялся энергическаго продолженія войны, похода на Парижъ и склоненъ былъ въ душѣ къ миру. Англійскіе дипломаты стояли какъ одинъ человекъ противъ Александра. Главнокомандующій и большинство генераловъ не только австрійскихъ, но даже русскихъ и прусскихъ, не совѣтовали идти далѣе Лангра и предпочитали вступить въ переговоры. Только Штейнъ и Разумовскій поддерживали всѣми силами императора въ его тяжелой борьбѣ; только одни вожди силезской арміи и прежде всего Гнейзенау, готовы были отстаивать и оправдывать намѣреніе Александра: не терять время и идти какъ можно скорѣе и всѣми силами на Парижъ.

Уже среди самаго разгара конференцій прибылъ въ Лангръ пламенный корсиканецъ и горячій врагъ Наполеона, Поццоди Борго, состоявшій на русской службѣ. Въ его лицѣ партія войны приобрѣла энергическаго и разумнаго сторонника. Поццо извѣщалъ Штейна въ такихъ словахъ о своемъ прибытіи въ Лангръ: „генераль Поццоди Борго поздравляетъ его превосходительство, барона Штейна, съ тѣмъ, что оба они благополучно встрѣтились въ Лангрѣ, во Франціи, на зло жандармамъ, палачамъ, герцогамъ и шпионамъ парижской полиціи, на зло Наполеону, безумному малому, оставленному Богомъ, какъ должны надѣяться всѣ благомыслящіе люди. Я поздравляю васъ, что мы находимся въ тридцати миляхъ отъ Парижа, въ свитѣ нашего великаго, нашего превосходнаго императора, въ сопровожденіи 200,000 храбрыхъ воиновъ, собравшихся со всей Европы не столько для того, чтобы мстить, сколько для того, чтобы торжествовать великодушно надъ галльскимъ высокоуміемъ и

хвастовствомъ. Ахъ, мой милый другъ! Падемъ на колѣни передъ Богомъ; Его десница очевидна; послѣдуемъ за Его звѣздою; она укажетъ намъ путь“ 1).

Меттернихъ, тщательно скрывая свои затаенныя цѣли, склонившіяся къ удержанію Наполеона и его династіи на престолѣ Франціи, выдвинулъ прежде всего противъ Александра тяжелую артиллерію ученой, кабинетной стратегіи. Знатоки военнаго дѣла должны были убѣдить императора въ несостоятельности его плановъ и доказать ему до очевидности, что всякое движеніе за Лангръ не только рискованно и опасно, но и безумно и безцѣльно. Прусскій генераль Ф. Кнезебекъ, работавшій самъ не сознавая того во вредъ своему отечеству и на пользу Австріи, Лангенау, извѣстный намъ географическій стратегъ и тупоумный Дука, любимецъ императора Франца, представили на усмотрѣніе союзныхъ государей и ихъ министровъ обширные мемуары, въ которыхъ силились доказать, что Лангръ долженъ быть рубикономъ для союзныхъ армій, что стремиться на Парижъ ради одной славы есть чуть не преступленіе, что союзники заняли уже тѣ провинціи, которыя они намѣреваются отторгнуть отъ Франціи, что крайне опасно удаляться съ плато, представляющаго естественную и неприступную крѣпость, что всякій шагъ впередъ удалить союзниковъ отъ ихъ базы, затруднить полученіе подкрѣпленій и подвозъ припасовъ, что невозможно двигать впередъ одинъ центръ союзныхъ силъ и оставлять далеко позади оба фланга и что не слѣдуетъ пренебрегать противникомъ, средства котораго неистощимы, а энергія и геніальная изобрѣтательность, окрыляемые нынѣ отчаяніемъ, достаточно извѣстны изъ прежнихъ печальныхъ опытовъ 2).

Основываясь на всѣхъ этихъ не подлежащихъ, по ихъ словамъ, никакому сомнѣнію данныхъ, ученые стратеги еди-

1) См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 517.—518; тутъ-же приложено и факсимиле самаго письма.

2) Мемуары Ф. Кнезебека и Лангенау см. у Бернгарди, т. IV, 1-я половина, стр. 218—230.

ногласно полагали, что благоразуміе, осторожность и вѣрное пониманіе собственныхъ интересовъ одинаково требуютъ, чтобы союзники остановились на занятыхъ ими позиціяхъ и не отвергали мирныхъ предложеній, исходящихъ отъ Наполеона. Императору Александру не стоило большаго труда разорвать сѣть этихъ то завѣдомо фальшивыхъ, то боязливыхъ и тупоумныхъ хитросплетеній. Для этой цѣли онъ располагалъ вполне достаточнымъ матеріаломъ. Баронъ Штейнъ представилъ ему цѣлый рядъ писемъ генерала Гнейзенау ¹⁾, въ которыхъ доводы кабинетныхъ стратеговъ подвергнуты были самой беспощадной критикѣ, а идея Александра,—идти прямо на Парижъ,—доказана какъ единственный путь къ скорому и побѣдоносному окончанію войны. По порученію Александра составленъ былъ, на основаніи этихъ писемъ и другихъ данныхъ, отвѣтъ на мемуары Ф. Кнезебека, Лангенау и Дуки и представленъ на разсмотрѣніе конференціи. Отвѣтъ опровергаетъ прежде всего курьезное мнѣніе Ф. Кнезебека, что цѣль войны достигнута занятіемъ пограничныхъ провинцій Франціи и что дальнѣйшее движеніе во внутрь непріятельской страны не имѣетъ смысла. „До окончанія войны“ говорится въ отвѣтѣ отъ имени императора Александра, „невозможно рѣшить, достигнута-ли ея цѣль. Напротивъ, до тѣхъ поръ пока война продолжается, результаты ея зависятъ отъ успѣха оружія. Союзные монархи лишь въ томъ случаѣ могутъ рассчитывать на достиженіе своихъ намѣреній, если они будутъ дѣйствовать согласно съ этимъ принципомъ. Они должны стараться уничтожить военную силу непріятеля. Настоящая слабость противника обусловливается деморализаціею большей части его войскъ, неопытностью только что набранныхъ конскриптовъ, упадкомъ дисциплины, происшедшимъ вслѣдствіе неудачъ послѣднихъ пятнадцати мѣсяцевъ недостаткомъ времени для ея восстановленія. Само собою однакоже понятно, что непріятель съ каждымъ днемъ старается уменьшить сумму этихъ неблагоприятныхъ для него условій. Если союзники будутъ мед-

¹⁾ Письма Гнейзенау см. у Бернгарди, т. IV, 1-я полон. стр. 210 и слѣд.

лить, то легко можетъ случиться, что военныя операціи возобновятся въ тотъ моментъ, когда противникъ успѣетъ устранить всѣ невыгоды своего теперешняго положенія. При такихъ обстоятельствахъ лишь одно рѣшеніе можно считать единственно мудрымъ. Необходимо продолжать войну съ величайшею энергіею, дабы истребить войска, выставленныя Наполеономъ въ поле и лишить его средствъ къ образованію новыхъ армій“¹⁾).

Доказавъ такимъ простымъ, но въ то же время убѣдительнымъ способомъ необходимость и неизбежность энергичскаго продолженія войны, отвѣтъ Александра обращался за тѣмъ въ частностямъ и не менѣе убѣдительно доказывалъ неосновательность старой географической стратегіи, опровергалъ мнимое значеніе лангрскаго плато и развивалъ всѣ преимущества смѣлой наступательной войны передъ системою пассивнаго выжиданія и обороны, которая можетъ послужить лишь въ пользу противника.

Стратегическіе сторонники Меттерниха не въ состояніи были серьезно возражать противъ мнѣнія русскаго императора. Тогда австрійскій канцлеръ рѣшился перенести борьбу на болѣе удобное для него дипломатическое поприще. Военное бездѣйствіе должно было быть оправдано глубокими и неопровержимыми политическими основаніями. Прежде всего, заявилъ Меттернихъ, слѣдуетъ рѣшить вопросъ, для какой цѣли будемъ мы продолжать войну и не слѣдуетъ ли предпочесть миръ войнѣ въ томъ случаѣ, если Наполеонъ согласится на условія, предложенныя союзниками, т. е. на введеніе Франціи въ ея старыя до-революціонныя границы 1792 г. Кестльри, повидимому, совершенно забывшій и о своихъ инструкціяхъ и о дѣйствительномъ настроеніи англійской націи, въ которой негодованіе противъ Наполеона достигло въ это время до высшей степени, открыто сталъ на точку зрѣнія австрійскаго канцлера и старался дѣйствовать

¹⁾ Записка, представленная отъ имени императора Александра, была составлена, какъ предполагаетъ это Бернгарди, Поццо-ди Борго. См. Бернгарди, т. IV, 1-я пол. стр. 232.

въ его смыслѣ на императора Александра. Онъ доказывалъ императору, что обѣщаніе, оффиціально данное союзными державами, начать съ Наполеономъ переговоры, ставить ихъ теперь въ весьма затруднительное положеніе передъ Европою, что у нихъ нѣтъ никакого основанія возставать противъ открытія мирнаго конгресса въ Шатильонѣ на французской территоріи, какъ предлагаетъ это теперь Наполеонъ, уступая въ этомъ случаѣ требованію Александра, настаивавшаго, чтобы конгрессъ открытъ былъ непременно во Франціи, а не въ Германіи. Въ Англіи, добавилъ Кестльри, новый отказъ произведетъ весьма невыгодное для коалиціи впечатлѣніе. На предстоящемъ конгрессѣ союзники должны настаивать на восстановленіи старыхъ границъ Франціи; если Наполеонъ не приметъ этого предложенія, то переговоры должны быть немедленно прерваны и военныя дѣйствія возобновлены. А если, вопреки ожиданіямъ, Наполеонъ приметъ условія союзниковъ, то этимъ самымъ онъ докажетъ, до какой степени онъ обезсиленъ и униженъ. Кестльри полагалъ, что союзники не въ правѣ требовать отъ Наполеона большаго удовлетворенія и что онъ твердо знаетъ, что Англія будетъ вполне удовлетворена такою его уступкою. Благородный лордъ далъ вслѣдъ затѣмъ понять, что британское правительство сочтетъ въ такомъ случаѣ неудобнымъ платить далѣе субсидіи континентальнымъ державамъ ¹⁾.

Касаясь этого больного мѣста и хорошо понимая, что Россія и Пруссія не въ состояніи вести войны безъ помощи англійскихъ субсидій, Кестльри думалъ тѣмъ самымъ произвести давленіе на русскаго императора, но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Александръ былъ знакомъ съ дѣйствительнымъ настроеніемъ англійской націи и не могъ принимать слишкомъ серьезно угрозы британскаго министра. Столь же уклончиво отнесся императоръ и къ другимъ запросамъ Кестльри. Британскій министръ пытался вывѣдать его настоящія намѣренія относительно будущей судьбы Франціи. Онъ завелъ разговоръ о кандидатурѣ Бернадота на фран-

¹⁾ См. Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ. Т. IV, стр. 458—459.

цузскій престолъ и спросилъ Александра справедливо-ли, что овъ сочувствуетъ такой кандидатурѣ и намѣренъ поддерживать ее всѣми средствами. Отвѣтъ русскаго государя далеко не удовлетворилъ лорда. „Императоръ“, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, „заявилъ, что онъ никогда не обнаруживалъ желанія предпринять какой-либо шагъ въ пользу притязаній кронпринца уже по одному тому, что подобный шагъ противорѣчилъ-бы его основному принципу: ни въ какомъ случаѣ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла чуждаго государства. „И такъ“, замѣчаетъ со вздохомъ Кестльри, „Александръ отказывается только отъ дѣяній и фактовъ, но не отъ намѣреній“.

Кестльри попробовалъ заговорить съ императоромъ о реставраціи Бурбоновъ, но тутъ ему пришлось услышать еще болѣе непріятныя вещи. „Его величество, доносилъ онъ въ Лондонъ, говоритъ о Бурбонахъ, какъ о такой фамиліи, въ средѣ которой нѣтъ ни одного члена, способнаго къ подобной задачѣ. Рѣшительно требуетъ онъ низложенія Наполеона, но даетъ видъ, что ни мало не заинтересованъ тѣмъ, въ чьи руки перейдетъ власть надъ Франціею. Пусть, говоритъ онъ, нація изберетъ того, кого она пожелаетъ“ ¹⁾.

Эта послѣдняя мысль дѣйствительно занимала Александра, а его бывшій воспитатель Лагарпъ, прибывшій въ это самое время въ Лангръ на обратномъ пути изъ Швейцаріи въ Парижъ, еще болѣе утвердилъ его въ ней. Александръ чувствовалъ самую живѣйшую любовь къ Лагарпу и относился съ большимъ уваженіемъ къ его политическимъ мнѣніямъ. Лагарпъ передалъ императору свои парижскія впечатлѣнія. Онъ увѣрялъ его, что въ столицѣ Франціи господствуетъ самое враждебное настроеніе противъ Наполеона. Паденіе деспота близко и неизбежно, такъ какъ большинство сената и законодательнаго корпуса ждуть только случая, чтобы объявить себя противъ него. При такихъ обстоятельствахъ Лагарпъ совѣтовалъ Александру какъ можно скорѣе идти на Парижъ, завладѣть столицею Франціи, со-

¹⁾ См. Овкенъ, стр. 10—11.

братъ конгрессъ изъ выборныхъ представителей французскаго народа и предоставить ему всецѣло рѣшеніе вопроса о формѣ правленія во Франціи и о личности правителя. Александръ былъ чрезвычайно увлеченъ этою мыслью. Она соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе и его благороднымъ, безкорыстнымъ намѣреніямъ и завѣтнымъ либеральнымъ идеямъ его юности. Императоръ не думалъ скрывать зародившагося въ душѣ его намѣренія отъ своихъ союзниковъ, онъ сообщилъ свой планъ даже Меттерниху при первомъ-же личномъ разговорѣ съ нимъ ¹⁾. Александръ замѣтилъ прежде всего, что, по его личнымъ наблюденіямъ, французская нація настроена противъ Бурбоновъ. При такомъ условіи реставрація Бурбоновъ, говорилъ онъ далѣе, представитъ особенныя затрудненія и подвергнетъ Францію и Европу опасности новыхъ потрясеній. Избраніе-же новаго правителя есть дѣло самихъ французовъ, а не чужихъ. Въ виду всего этого онъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: „Операціи противъ Парижа должны быть продолжаемы съ энергіею; мы завладѣемъ городомъ. При приближеніи этого событія, долженствующаго увѣнчать военные успѣхи союзниковъ, мы должны обратиться къ французскому народу съ объявленіемъ, что мы твердо намѣрены не мѣшаться ни въ вопросъ его будущей формы правленія, ни въ избраніе ихъ государя. Одновременно съ этимъ мы созовемъ первичныя народныя собранія и предложимъ имъ отпратить необходимое число депутатовъ въ Парижъ, каковыя и должны будутъ рѣшить, именемъ и полномочіемъ народа, и тотъ и другой вопросъ“.

При этихъ словахъ императора Меттернихъ пришелъ въ ужасъ. „Да вѣдь это значитъ“, воскликнулъ онъ, „выпустить второе изданіе конвента, спустить съ цѣпей революцію, обузданную Наполеономъ“. — „Успокойтесь“, прервалъ его Але-

¹⁾ Единственное свидѣтельство объ этомъ разговорѣ принадлежитъ самому Меттерниху, помѣстившему его въ отрывкѣ своихъ воспоминаній написанныхъ въ 1829 г. Принимая во вниманіе хорошо извѣстную недобросовѣстность Меттерниха и его обычное легкомысліе, историкъ обязанъ пользоваться этимъ свидѣтельствомъ лишь съ большею осторожностью.

Александръ. Мы находимся во Франціи, наши арміи многочисленны, мы будемъ держать въ рукахъ избирателей. Депутаты должны будутъ высказаться лишь по двумъ вопросамъ: формѣ правленія и избранія государя. Время республики прошло. Она пала вслѣдствіе своихъ ошибокъ и увлеченій. Государь, котораго избереетъ себѣ сама нація, встрѣтитъ менѣе затрудненій при утвержденіи своего авторитета. Власть Наполеона сломлена, и никто не хочетъ слышать о ней болѣе. Важнѣе всего руководить собраніемъ. Я имѣю въ виду для этой цѣли человѣка, наиболѣе способнаго къ такому дѣлу и не новичка. Мы поручимъ Лагарпу руководить собраніемъ“.

Меттернихъ поспѣшилъ заявить, что онъ не согласенъ участвовать въ подобномъ экспериментѣ съ народнымъ самодержавіемъ, что императоръ Францъ скорѣе отзоветъ свою армію изъ Франціи, нежели дастъ свое согласіе на аппеляцію къ народу. Тщательно скрывая свои настоящіе замыслы, клонившіеся къ удержанію Наполеона, или въ крайнемъ случаѣ, его сына на престолѣ Франціи, австрійскій канцлеръ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ гораздо лучше возстановить Бурбоновъ, и что онъ не видитъ вопроса, подлежащаго рѣшенію конгресса, такъ какъ законный король есть и безъ того уже на лицѣ.

Не безъ ироніи отнесся Александръ къ горячимъ заявленіямъ Меттерниха. Онъ видѣлъ насквозь своего противника и отлично понималъ сокровенный источникъ его тревоги. Онъ объявилъ, что онъ вовсе не намѣренъ настаивать на своемъ планѣ и ссориться ради его съ своими союзниками, хотя онъ убѣжденъ въ основательности своихъ идей и глубоко увѣренъ, что ближайшее будущее не замедлитъ оправдать на дѣлѣ его взгляды ¹⁾. Впрочемъ, далъ понять императоръ Меттерниху, сущность дѣла заключается вовсе не

¹⁾ Печальная исторія Бурбонской реставраціи не замедлила подтвердить и оправдать мнѣнія Александра. Отсюда, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы идея императора, развитая имъ въ бесѣдѣ съ Меттернихомъ, была осуществима на дѣлѣ.

въ этихъ вопросахъ о будущей судьбѣ Франціи. Предстоитъ рѣшить вопросъ чисто военный, необходимо двинуть впередъ союзныя арміи; всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ повлечь за собою самыя печальныя послѣдствія.

По настоянію императора Александра, вопросъ военный подвергнутъ былъ, наконецъ, окончательному обсужденію. Въ совѣщаніи принимали участіе всѣ три союзныя монарха, всѣ министры, дипломаты и генералы главной квартиры. Огромное большинство голосовъ: императоръ Францъ, Меттернихъ, Кестльри и всѣ англійскіе уполномоченные, Шварценбергъ, Ф. Кнезебекъ и всѣ австрійскіе генералы, высказались противъ продолженія наступательныхъ дѣйствій, совѣтовали оставаться на занятыхъ позиціяхъ и выжидать результата мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Въ пользу энергическаго продолженія войны высказались только Штейнъ, Разумовскій, Поццо-ди Борго и императоръ Александръ. Что же касается до короля прусскаго и его министровъ, а равно Нессельроде, то они видимо колебались и не рѣшались высказать опредѣленнаго мнѣнія. Императоръ Александръ не намѣренъ былъ, однако-же, подчиняться рѣшенію большинства. Истошивъ всѣ доводы, онъ заявилъ рѣшительно, что военныя дѣйствія должны быть возобновлены немедленно. Если-же, добавилъ онъ, союзники мои рѣшительно отказываются принимать въ нихъ участіе, то я буду продолжать войну одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Вслѣдъ затѣмъ императоръ обратился къ королю прусскому съ вопросомъ, какъ намѣренъ онъ поступить въ такомъ случаѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, не колеблясь ни минуты, что онъ никогда не оставитъ императора и что его арміи послѣдуютъ за русскими войсками ¹⁾.

Единодушное заявленіе двухъ друзей монарховъ произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на собраніе. Меттернихъ понялъ, что дѣло его было проиграно окончательно. Ни онъ, ни князь Шварценбергъ, ни самъ Францъ не могли допустить дѣла

¹⁾ Объ этой заключительной сценѣ свидѣтельствуетъ Штейнъ въ своей автобіографіи. См. Церцъ, Т. VI, приложение, стр. 192.

до открытаго разрыва между союзниками. Еще болѣе боялись такого разрыва англійскіе министры и дипломаты. Никто изъ присутствующихъ не рѣшался настаивать далѣе на бездѣйствіи союзныхъ армій. Сторонники мира измѣнили свою тактику: они соглашались на энергическое продолженіе войны, но требовали, чтобы открыты были въ то же время мирные переговоры въ Шатильонѣ. Александръ не нашелъ удобнымъ противиться этому требованію австрійцевъ и англичанъ¹⁾. Глубоко убѣжденный, что Наполеонъ никогда и ни за что не согласится на основное требованіе союзниковъ: введеніе Франціи въ ея до-революціонные предѣлы, онъ далъ свое согласіе на открытіе мирнаго конгресса въ Шатильонѣ. Для него было вполне достаточно, что на ряду съ переговорами рѣшено было возобновить со всею энергіею военныя операціи.

Въ какомъ духѣ предполагалъ вести Александръ переговоры, на это указывалъ ясно уже одинъ выборъ его уполномоченнаго. Этотъ выборъ палъ не на Нессельроде, а на графа Андрея Кирилловича Разумовскаго. Изъ всѣхъ русскихъ дипломатовъ одинъ Разумовскій былъ отъ начала и до конца принципиальнымъ врагомъ Наполеона. Онъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, даже въ эпоху Тильзита и Эрфурта. „Русскій уполномоченный, говоритъ Генцъ, всегда былъ извѣстенъ какъ самый непримиримый и неукротимый врагъ Наполеона“. Александръ, хорошо знакомый съ образомъ мыслей графа, въ продолжительномъ разговорѣ

¹⁾ Окончательная формулировка рѣшеній лангрской конференціи состоялась въ засѣданіи министровъ 29 января, т. е. въ то время, когда императоръ Александръ выѣхалъ уже изъ Лангра. Къ этому же засѣданію относится та рѣчь лорда Кестльри, которой придаетъ такое значеніе Оккенъ. Основная мысль этой рѣчи заключается въ томъ, что военныя операціи должны продолжаться одновременно съ мирными переговорами, т. е. другими словами, она заключала въ себѣ лишь повтореніе того, что рѣшено было раньше въ присутствіи союзныхъ монарховъ. Если затѣмъ Кестльри требуетъ осторожнаго образа дѣйствій, совѣтуетъ обождать прибытія резервовъ и выражаетъ опасеніе, что даже занятіе Парижа можетъ повести къ новымъ осложненіямъ, напр. къ якобинскому взрыву, или къ попыткѣ возвести на престолъ Бернадота, то въ этомъ онъ лишь повторяетъ слова Меттерниха и самъ, слѣдовательно, опровергаетъ ту самостоятельность, которую старается приписать ему Оккенъ. См. Оккенъ стр. 29—30.

съ нимъ, не скрылъ отъ него, что онъ начинаетъ переговоры съ Наполеономъ, непримиримымъ врагомъ своимъ, противъ желанія. Онъ, графъ, долженъ вести переговоры такъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не окончились миромъ. Миръ долженъ быть заключенъ въ Парижѣ, а не въ Шатильонѣ, и я твердо надѣюсь, при помощи Бога, достигнуть съ оружіемъ въ рукахъ столицы Франціи, добавилъ императоръ, прощаясь съ своимъ уполномоченнымъ ¹⁾).

Съ такими же чувствами и намѣреніями какъ Разумовскій отправился въ Шатильонъ и уполномоченный короля прусскаго, баронъ В. Ф. Гумбольдтъ. Генцъ такими словами характеризуетъ этого великаго ученаго и политика. „Гумбольдтъ, по своему уму и познаніямъ, несомнѣнно одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего времени; у него холодный и безстрастный характеръ, неспособный ни къ любви, ни къ ненависти; онъ презираетъ свѣтъ и людей, но готовъ поддерживать во всемъ графа Разумовскаго, только по увѣренности, что послѣ мира при прусскомъ дворѣ будетъ во власти именно та партія, которая требуетъ теперь самыхъ крайнихъ мѣръ, и во главѣ которой онъ намѣренъ стать самъ“. Уполномоченнымъ Австріи былъ назначенъ графъ Стадіонъ, выборъ во многихъ отношеніяхъ странный и совершенно не соотвѣтствовавшій затаеннымъ цѣлямъ Меттерниховской политики. Графъ Стадіонъ былъ, безъ сомнѣнія, искусный и ловкій дипломатъ, онъ связанъ былъ инструкціями своего правительства, но, по своимъ убѣжденіямъ и образу мыслей, онъ походилъ какъ нельзя болѣе на уполномоченныхъ Россіи и Пруссіи. „Графъ Стадіонъ“, замѣчаетъ Генцъ, „хотя и слишкомъ честенъ и слишкомъ добросовѣстно исполняетъ свой долгъ, чтобы дѣйствовать на конгрессѣ противъ истинныхъ намѣреній своего правительства, однако въ глубинѣ души питаетъ какое то тайное отвращеніе ко всему тому, что могло бы продолжить дальнѣйшее царствованіе Наполеона, котораго онъ всегда ненавидѣлъ, хотя и съ большимъ

¹⁾ См. Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ, Т. IV, стр. 461. Тамъ же на страницахъ 463—465, напечатана инструкція, данная Разумовскому.

разумомъ и осторожностію, но почти такъ-же сильно какъ и графъ Разумовскій“¹⁾. Александръ могъ только радоваться подобному назначенію; что-же касается до представителей Англии на конгрессѣ, то и они не могли внушить ему особенно серьезныхъ опасеній. Лордъ Кестльри, не желая отдать предпочтеніе кому либо изъ трехъ англійскихъ уполномоченныхъ и тѣмъ обидѣть двухъ остальныхъ, рѣшился отправить въ Шатильонъ всѣхъ троихъ, т. е. Каткарта, Стюарта и Эбердина²⁾, но не полагаясь особенно ни на одного изъ нихъ, онъ намѣревался лично ѣхать въ Шатильонъ, хотя и не предполагалъ принимать оффиціального участія въ засѣданіяхъ конгресса. Занявъ въ самомъ началѣ довольно двусмысленное положеніе, Кестльри не могъ выдержать на конгрессѣ роли, подобавшей первому уполномоченному британскаго правительства. Въ душѣ онъ сочувствовалъ, какъ нельзя болѣе, идеямъ и планамъ Меттерниха, но на дѣлѣ онъ не рѣшался содѣйствовать имъ. „Боязнь“, замѣчаетъ Генцъ, „разгнѣвать русскаго императора и еще болѣе страхъ поставить себя въ непріятное положеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ Англии, гдѣ ненависть къ Наполеону стала теперь чѣмъ то въ родѣ неистовства, заставляли его противъ воли лавировать и скрывать свои симпатіи къ австрійской политикѣ“³⁾.

Не одни только личности и характеры союзныхъ уполномоченныхъ, но и самое свойство ихъ инструкцій могли совершенно успокоить императора Александра на счетъ воз-

¹⁾ См. депешу Генца къ Караджѣ отъ 8 марта 1814 г.

²⁾ См. депешу Генца къ Караджѣ отъ 11 февраля 1814 г. *Osterreich's Theilnahme etc.* стр. 240—241.

³⁾ См. депешу Генца къ Караджѣ отъ 8 марта. Характеристика Кестльри здѣсь совершенно вѣрна и волюй подтверждается тѣми документами, которые открылъ недавно Онкенъ. Читая эти документы, положительно удивляешься, откуда взялъ новѣйшій панегиристъ свое открытіе, что Кестльри дѣйствовалъ въ Лапгрѣ волюй самостоятельно. Напротивъ, даже тѣ отрывки, которые счелъ возможнымъ привести Онкенъ изъ своихъ документовъ, доказываютъ, что Кестльри попалъ съ самаго начала подъ вліяніе Меттерниха, и уже въ силу этого принужденъ былъ лавировать и хитрить изъ боязни передъ общественнымъ мнѣніемъ Англии и императоромъ Александромъ.

возможности успешнаго хода переговоровъ въ Шатильонѣ. Требования, которыя должны были предъявить представители державъ на шатильонскомъ конгрессѣ, были такого свойства, что всякій, знавшій хотя сколько-нибудь Наполеона, напередъ могъ предвидѣть, что онъ ни за что не согласится принять ихъ. Императоръ Александръ настоялъ, что объ условіяхъ, предложенныхъ черезъ Сентъ-Эньяна, не можетъ быть теперь и рѣчи, что союзники должны требовать отъ Франціи уступки всѣхъ ея завоеваній, начиная отъ временъ революціи и возстановленія ея старыхъ границъ 1792 года. Кромѣ того императоръ потребовалъ, чтобы переговоры велись не иначе, какъ сообща всѣми уполномоченными и чтобы между союзными державами господствовала полнѣйшая солидарность. Меттернихъ хорошо понималъ, къ чему клонилось это послѣднее условіе; но скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ дать согласіе на это требованіе ¹⁾.

Еще лангскія конференціи не были закончены, когда военныя дѣйствія возобновились, такъ сказать, сами собою, помимо воли австрійскаго генералиссимуса. Кронъ-принцъ виртембергскій, условившись съ австрійскимъ генераломъ Гюлаемъ, напалъ на маршала Мортъе въ его позиціи при Баръ-сюръ-Обѣ, и послѣ жаркаго боя принудилъ отступить его къ Труа. Вслѣдъ затѣмъ двинулись впередъ и всѣ остальные колонны большой союзной арміи. Шварценбергъ и его стратегическіе совѣтники, вынужденные противъ воли идти впередъ, оглядывались, однако-же, постоянно назадъ и заботились болѣе всего о томъ, чтобы при первой-же опасности возвратиться на спасительное лангское плато. Они рассчитывали подвигаться впередъ крайне медленно, шагъ

¹⁾ „Нѣкоторые, говоритъ Генцъ, хотѣли отнять у Франціи ея рейнскія провинціи и сдѣлать ея границами Вогезы и Арденны. Другіе намѣревались изложить Наполеона, не зная кто займетъ его мѣсто. Австрійскій кабинетъ, всегда одушевляемый умѣренными мыслями, далекъ былъ отъ всякаго сочувствія подобнымъ крайностямъ, но онъ допускалъ пользу нѣкоторыхъ земельныхъ уступокъ на лѣвомъ берегу Рейна, во-первыхъ для обезпеченія спокойствія Германіи, а во-вторыхъ, для улаженія новыхъ территоріальныхъ отношеній при заключеніи всеобщаго мира“. Денеша къ Караджѣ отъ 8-го марта.

за шагомъ, избѣгать всякаго столкновенія съ непріателемъ и попытаться оттѣснить его не силою, а сложными, искусственными маневрами ¹⁾. По свѣдѣнїямъ, полученнымъ отъ передовыхъ войскъ и отъ лазутчиковъ, оказывалось, что непріатель сосредоточиваетъ свои войска при Шалонѣ на Марнѣ. Въмѣсто того, чтобы идти прямо на этотъ пунктъ и схватить, по выраженію Наполеона, быка за рога, Шварценбергъ рѣшился направить свои массы на Труа, обойти такимъ образомъ правый флангъ противника и тѣмъ заставить его отступить безъ боя изъ окрестностей Шалона. Подобное движеніе сопряжено было, однако-же, съ большою опасностью. Наполеонъ могъ легко разстроить наступательное движеніе союзниковъ, двинувшись изъ Шалона черезъ Сень-Дизье и Жуанвиль на Шомонъ, и зайдя, такимъ образомъ, въ лѣвый флангъ и тылъ ихъ арміи, направлявшейся на Труа. Шварценбергъ трепеталъ передъ этою возможностью и старался предупредить ее двумя способами. Во-первыхъ, онъ предполагалъ двигаться на Труа съ наивозможною медленностью и возвратиться при первомъ-же признакѣ грознаго обходнаго движенія противника на лангрское плато; а во-вторыхъ, онъ требовалъ, чтобы Блюхеръ расположился съ главными своими силами у Витри на Марнѣ, выдвинулъ оттуда сильный отрядъ къ Арсису на Обѣ и прикрылъ-бы такимъ образомъ тылъ и сообщенія главной арміи, во время ея рискованнаго движенія на Труа. Таковъ былъ сложный

¹⁾ Подобный способъ дѣйствій соотвѣтствовалъ, какъ нельзя болѣе, политическимъ планамъ австрійскаго двора, и вызывался, слѣдовательно, не одними военными соображеніями, какъ пытались доказать это австрійскіе публицисты съ г-номъ Оякеномъ въ хвостѣ. Въ какомъ настроеніи былъ князь Шварценбергъ и чего ожидалъ онъ самъ отъ своего отступленія, объ этомъ свидѣтельствуеъ лучше всего слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ женѣ: „Моментъ такъ важенъ, а головы такъ малы для такого великаго дѣла. (Замѣтимъ, что Шварценбергъ говоритъ здѣсь не о своей головѣ и не о такихъ головахъ, какъ Лапгенау и Дука, а о головахъ Блюхера, Штейна, Гнейзенау, В. Ф. Гумбольдта, Александра и т. д.). Не разумныя основанія, а страсти руководятъ шагами Александра. Свѣтъ, его блескъ и пресдразсудки, — вотъ что имѣетъ значеніе. Разумъ здѣсь безсиленъ (?). Я думаю, мы добдемъ до Парижя и даже въ Парижѣ, но найдемъ-ли мы тамъ миръ, или попадемъ въ хаосъ? Я думаю послѣднее“.

планъ Шварценберга, старавшаго предупредить всякія несчастныя случайности; но какъ часто случается на войнѣ, такъ и теперь, планъ, надъ которымъ ломали голову кабинетные стратеги, разрушенъ былъ внезапно съ одной стороны самостоятельными движеніями Блюхера, а съ другой столь-же неожиданнымъ наступленіемъ Наполеона.

Блюхеръ и Гнейзенау пришли въ это время къ убѣжденію, что рѣчами и доводами, какъ-бы краснорѣчивы и основательны они ни были, невозможно достигнуть въ главной квартирѣ Шварценберга ни какихъ положительныхъ результатовъ. Они рѣшились обойти главную армію, стать впереди ея, атаковать непріятеля у Шалона и заставить тѣмъ Шварценберга вступить съ своей стороны въ рѣшительный бой съ непріателемъ. Старый вождь силезской арміи возлагалъ при этомъ всѣ свои надежды на императора Александра. Онъ твердо надѣялся, что Александръ не дозволитъ австрійцамъ оставить безъ помощи силезскую армію, что онъ принудитъ Шварценберга идти впередъ и тѣмъ самымъ вызоветъ столь желанное и столь необходимое рѣшеніе.

Составивъ свой собственный, столь не похожій на австрійскія диспозиціи планъ ¹⁾, Блюхеръ быстро двинулся впередъ. Въ теченіе восьми дней, съ 22 по 30 января, войска его неумоимо шли впередъ, гоня передъ собою слабые отряды маршаловъ Виктора, Нея и Мармона, переправляясь черезъ рѣки; забирая штурмомъ небольшіе укрѣпленные города, лежавшіе на пути ихъ. Уже 27 января войска Блюхера опередили главную армію и достигли береговъ Обы. Впереди всѣхъ шли русскіе корпуса силезской арміи, отряды Сакена и Ольсуфьева. Первый изъ нихъ достигъ вече-

¹⁾ Этотъ самостоятельный планъ былъ одобренъ впоследствии императоромъ Александромъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы Блюхеръ условился предварительно и въ тайнѣ съ русскимъ императоромъ, какъ утверждаетъ это Генцъ въ депешѣ къ Караджѣ отъ 8 марта. Императоръ Александръ никогда не прибѣгалъ къ тайнымъ интригамъ и сдѣлкамъ, какъ дѣлали это его австрійскіе союзники. Онъ шелъ всегда прямыми и открытыми путями и никогда-бы не постѣснялся предписать Блюхеру то или другое движеніе, не скрывая этого отъ своихъ союзниковъ.

ромъ 27 января Бренни, второй расположился у Тремильи. Войска Горка находились нѣсколько позади. Уже Блюхеръ спѣшилъ сосредоточить свою армію у С. Мигеля, уже онъ готовился переправиться нѣсколько выше этого пункта черезъ Обу, когда французы съ своей стороны перешли совершенно неожиданно для союзниковъ въ наступленіе.

В. Фадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

Никто такъ не любитъ превозноситься своею просвѣтительною дѣятельностію, какъ нѣмцы. Они приписываютъ себѣ и своей культурѣ всемірно-историческое значеніе и усматриваютъ свою миссію въ томъ, чтобы быть вожаками и иниціаторами въ дѣлѣ просвѣщенія всѣхъ историческихъ народовъ. „Хоромъ духовнаго царства, говоритъ на примѣръ, Карлъ Шмидтъ ¹⁾, въ наше время управляетъ Германія. Нѣмецкій народъ по преимуществу народъ теоретическій,—это въ наше время интеллигенція міра. Въ философіи, въ теоріи и практикѣ искусства, въ теологіи, естествовѣдѣніи, языковѣдѣніи и ученіи о человѣкѣ,—во всемъ нѣмцы выступаютъ великими геніями всемірной исторіи, усматривающими то, чего до сихъ поръ не было усмотрѣно, и выражающими то, для чего до сихъ поръ не могли еще найти слова“. То же самое другой нѣмецкій ученый Веберъ утверждаетъ даже и относительно христіански-просвѣтительной миссіи нѣмцевъ. „Никогда не слѣдуетъ забывать, говоритъ онъ ²⁾,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 2.

¹⁾ Исторія Педагогики Карла Шмидта. Изданіе 3-е, дополненное и исправленное В. Ланге. т. IV. ч. I. 1881. стр. 15.

²⁾ P. em. Dr. E. Weber, Die deutsche Schule in ihren verschiedenen Formen und Abstufungen und ihre Stellung zur christlichen Kirche. Heilbronn. 1885. S. 34.

по поводу проектируемой имъ постановки въ нѣмецкихъ гимназіяхъ дѣла религіознаго воспитанія и обученія,—что гимназіи должны воспитывать учениковъ, которые въ будущей дѣятельности своей не только не должны никому дозволить управлять собою, но которые, напротивъ, сами предназначаются къ тому, чтобы управлять и руководить народомъ, а нѣмецкій народъ въ свою очередь есть тотъ путническій посохъ, съ которымъ шествуетъ по землѣ Евангеліе“.

Не будемъ разубѣждать нѣмцевъ въ ихъ пріятномъ самообольщеніи. Мы указываемъ здѣсь лишь фактъ существованія его. Онъ помогаетъ намъ уяснить многое какъ относительно общаго характера, такъ и относительно направленія школьной дѣятельности нѣмцевъ. Нѣмецкая школа несомнѣнно представляетъ собою въ исторіи просвѣщенія такое явленіе, которое не осталось безъ вліянія на духовную жизнь другихъ народовъ и которое уже по одному этому не можетъ не обращать на себя всеобщаго вниманія. Хорошо ли было это вліяніе или дурно, благотворно-ли оно отозвалось на жизни другихъ народовъ или вредно,—это, конечно, другой вопросъ; отвѣтъ на него мы представимъ читателю въ своемъ мѣстѣ. Справедливо, что школьному дѣлу нѣмцы не даютъ узкаго, національнаго характера. Они строятъ у себя величественныя зданія для школъ, тратятъ громадныя деньги на жалованье учителей и директоровъ и нисколько не тревожатся, когда эти школы наполняются иностранцами. Первая педагогическая семинарія для женщинъ была открыта въ Саксоніи; на нее были затрачены большія суммы; но изъ двадцати питомицъ этой семинаріи въ первый годъ было саксонскихъ дѣвушекъ только шесть, остальные всѣ чужестранки и по преимуществу—русскія ¹⁾. И нѣмцевъ это нисколько не опечалило. Но если нѣмцевъ нисколько не печалитъ, что ихъ дѣвушки не особенно домогаются образованія у себя дома, то ихъ положительно приводитъ въ восторгъ благоразуміе нѣмокъ, не желающихъ искать такого образованія въ чужихъ странахъ. Въ еженедѣльномъ бер-

¹⁾ Dr. E. Weber, Die deutsche Schule, 1885. s. 73.

линскомъ изданіи „Echo“, отъ 19 мая прошлаго года (№ 246), съ чисто нѣмецкою гордостію сообщается, на примѣръ, слѣдующее извѣстіе: „въ парижскомъ медицинскомъ факультетѣ нынѣ числится 108 студентокъ, изъ нихъ 83 изъ Россіи (!!), 11—изъ Англій, 7—изъ Франціи, 3—изъ Америки, 2—изъ Австріи, 1—изъ Румыніи, 1—изъ Турціи и изъ Германіи—ни одной!“ Нѣмцевъ здѣсь приводитъ въ восторгъ прежде всего, конечно, патріотизмъ германскихъ женщинъ, оберегающихъ себя отъ чужеземнаго вліянія. Желая удержать ихъ въ этомъ направленіи, нѣмцы при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ указываютъ имъ какъ на пугало на русскихъ женщинъ и на ихъ безграничное стремленіе къ образованію. Такъ, въ томъ-же берлинскомъ изданіи (отъ 4 августа 1887 г. № 257) приводятся статистическія данныя, ясно показывающія, какіе обширные размѣры принимаетъ въ Россіи женское образованіе. „Въ 1886 году,—читаемъ мы въ названномъ изданіи,—въ русскихъ университетахъ обучалось 779 женщинъ, въ томъ числѣ 243 на филологическихъ факультетахъ, 500—на физико-математическихъ и 36 на чистоматематическомъ. Изъ нихъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія—587, евреекъ—139. Незамужнихъ 748, замужнихъ—31. Большинство ихъ—дочери дворянъ, офицеровъ и чиновниковъ, именно—437, дочерей духовенства—84, купеческихъ—125, мѣщанскихъ—117, крестьянскихъ—10, солдатскихъ—4 и иностранокъ—2. Но къ этому нужно присоединить еще огромное число русскихъ женщинъ, которыя обучаются въ заграничныхъ высшихъ школахъ и въ особенности—въ Швейцаріи“... Отъ этихъ статистическихъ данныхъ нѣмцы положительно приходятъ въ ужасъ и по меньшей мѣрѣ ничего подобнаго не желали-бы видѣть въ своемъ отечествѣ. Но въ особенности они боятся образованія, получаемаго внѣ предѣловъ Германіи, видя въ немъ наиболѣе опасный проводникъ чужестраннаго вліянія и угрозу отечеству. Они охотно открываютъ двери своей школы иностранцамъ, но крайне неохотно вручаютъ имъ воспитаніе своихъ дѣтей. По этой-же самой причинѣ нѣмцы не съ особеннымъ радушіемъ относятся къ обученію въ ихъ школахъ даже новѣй-

шимъ иностраннымъ языкамъ, боюсь, чтобы знаніе иностраннаго языка не проложило пути и иностранному вліянію.

Но оберегая свою школу отъ чужеземнаго вліянія, нѣмцы съ особенною ревностію и не щадя средствъ стараются подчинить вліянію своей школы, а чрезъ нее и своей культурѣ, жизнь иностранныхъ народовъ. Съ этою цѣлію, какъ мы видѣли, они даютъ свободный доступъ въ свою школу всѣмъ иностранцамъ, съ этою-же цѣлію они съ особенною ревностію стараются заводить свои школы даже и въ иностранныхъ государствахъ. У насъ, русскихъ, дѣйствительно, безгранично стремленіе къ образованію, русскія женщины толпами лѣзутъ въ университеты—парижскій и швейцарскій; но спросить-бы насъ, много-ли иностранцевъ пріѣзжаетъ къ намъ получать образованіе? Много-ли нашихъ школъ существуетъ въ иностранныхъ государствахъ? Впрочемъ, этотъ вопросъ намъ показался-бы даже страннымъ. Съ какой стати мы будемъ заводить свои школы въ чужихъ странахъ?.. Совершенно иначе разсуждаютъ объ этомъ нѣмцы, считающіе себя двигателями всемірнаго просвѣщенія, „интеллигенціею міра“. О Россіи мы уже и говорить не будемъ. Наши столицы и выдающіеся города полны нѣмецкихъ школъ, въ которыхъ обучаются русскія дѣти при незначительномъ процентѣ дѣтей нѣмецкихъ. При этомъ нужно замѣтить, что нѣмцы заводятъ у насъ школы по преимуществу женскія, такъ какъ женщина признается болѣе удобнымъ проводникомъ внѣшняго вліянія, чѣмъ мужчина. Но и помимо Россіи мы не знаемъ ни одного государства, ни одной страны, въ которой явившіеся нѣмцы не завели-бы прежде всего своей школы. Такъ въ *Голландіи* есть двѣ нѣмецкія школы — въ Амстердамѣ и Гагѣ; школы эти, правда, элементарныя, но на голландскомъ языкѣ въ нихъ преподаются только немногіе предметы; главнымъ-же языкомъ преподаванія является языкъ нѣмецкій. Школу въ Гагѣ посѣщаютъ 130 учениковъ, изъ нихъ нѣмецкихъ дѣтей только 14; въ Амстердамской нѣмецкой школѣ — 180 учениковъ; изъ нихъ на долю нѣмцевъ приходится лишь около 60 ¹⁾. Есть нѣмецкая еван-

¹⁾ Срв. *Escho* 1867. № 239.

гелическая школа въ *Неаполѣ*. Это значительнѣйшая изъ всѣхъ заграничныхъ нѣмецкихъ школъ. Въ ней *десять* учителей и 360 учениковъ. Посѣщаютъ ее какъ дѣвочки, такъ и мальчики,—двѣ трети итальянцевъ. При этой школѣ есть богадѣльня, которою завѣдываетъ нѣмка. Кромѣ того, есть нѣмецкія школы въ *Скафати* и *Ангри*. Въ *Салерно* нѣмецкую школу посѣщаютъ 36 иностранцевъ; три учителя этой школы получаютъ свое жалованье изъ личныхъ средствъ германскаго императора ¹⁾. Въ *Римѣ* нѣмецкая, многоклассная школа существуетъ съ 1879 года и содержится главнымъ образомъ на средства германскаго императора. Ей предоставлено бесплатное помѣщеніе въ зданіяхъ посольства. Высшій надзоръ надъ нею принадлежитъ самому послу; завѣдываетъ-же ею посольскій проповѣдникъ. Учитель, изъ окончившихъ курсъ въ германской педагогической семинаріи, получаетъ 1,200 марокъ жалованья и даровую квартиру; учащихся — дѣвочекъ и мальчиковъ — въ настоящее время числится до 80; изъ нихъ большинство — дѣти римскихъ гражданъ ²⁾. Въ *Генуѣ* нѣмецкая школа открыта въ 1869 году; она содержится отчасти на добровольныя пожертвованія, а главнымъ образомъ на средства германскаго императора, отъ котораго она ежегодно получаетъ пособіе въ количествѣ 900 лиръ. Нѣмецкій пасторъ назначенъ директоромъ этой школы; кромѣ него въ школѣ есть еще и два учителя. Учащіеся — почти исключительно дѣти туземцевъ — посѣщаютъ школу въ количествѣ 32 человекъ ³⁾. Въ *Венгри* очень много нѣмецкихъ школъ всякаго рода и низшихъ, элементарныхъ, — и среднихъ — гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ. Впрочемъ, школьный законъ 1860 года нанесъ тяжелый ударъ венгерскимъ нѣмецкимъ гимназіямъ; вмѣсто нихъ стали учреждать мадьярскія. За то съ этого времени стало замѣтно увеличиваться число элементарныхъ нѣмецкихъ школъ въ Венгри: между ними есть государственныя, об-

1) Срв. Echo 1887. № 230.

2) Срв. Echo отъ 17-го марта 1887. № 237.

3) Ibid.

щественныя, церковныя и школы, учрежденныя частными лицами. Трудно, конечно, съ точностію опредѣлить число всѣхъ нѣмецкихъ школъ въ Венгріи; но во всякомъ случаѣ оно очень велико, хотя съ 1860 года постоянно и уменьшается. Такъ, въ 1869 году ихъ насчитывали до 974, въ 1871 году—868, а въ 1880 году—597 ¹⁾. Не мало школъ основали нѣмцы въ *Египтѣ*. Такъ,—уже съ давняго времени существовала нѣмецкая школа въ *Александріи*; въ 1882 году при бомбандированіи города она, впрочемъ, была разрушена и преподаваніе было приостановлено, пока въ 1883 году пасторъ не испросилъ щедрого пособія у нѣмецкаго императора и не устроилъ новаго помѣщенія для школы. Въ *Каирѣ* нѣмецкая школа существуетъ съ 1873 года и пользуется особыми симпатіями даже самого хедива, который подарилъ для нея значительный участокъ земли. При устройствѣ зданія для этой школы пасторъ сдѣлалъ заемъ въ 15,000 марокъ и императоръ Вильгельмъ принялъ этотъ долгъ на себя. Мало того, въ 1883 году на расширение зданій этой школы германскій императоръ еще пожертвовалъ единовременно 7000 марокъ. Въ 1886 году въ каирской школѣ числилось 60 учениковъ и четыре учителя. Первоначально при этой школѣ было открыто и отдѣленіе для дѣвочекъ, но впоследствии это найдено было неудобнымъ и для дѣвочекъ въ Каирѣ устроили особую школу, которою и завѣдуетъ теперь учительница—нѣмка съ помощницею ²⁾. Въ *Смирнѣ* нѣмецкая школа существуетъ уже довольно давно; въ ней числятся 84 ученика и два учителя. Кромѣ дѣтей нѣмецкихъ школу посѣщаютъ дѣти девяти національностей. При ней на средства германскаго императора учреждены дома—сиротскій и воспитательный ³⁾. Нѣмецкія школы есть и въ южной *Африкѣ*—въ Капштадтѣ, Кингѣ и др. Въ настоящемъ году 15 октября при вестфальской академіи открыта даже особая *Африканская семинарія*,—

¹⁾ Ср. Echo отъ 4 августа 1887. № 257.

²⁾ Ср. Echo отъ 10-го марта 1887 г. № 236.

³⁾ Ср. Echo отъ 17 марта 1887. № 237.

имѣющая своею цѣлю приготовить для Африки особыхъ учителей и протестантскихъ миссіонеровъ, а при берлинскомъ университетѣ—*восточная семинарія*, имѣющая своею цѣлю—подготовленіе учителей и миссіонеровъ для Персіи, Афганистана и другихъ восточно-азиатскихъ государствъ ¹⁾. Въ *Испаніи*, и именно въ Мадридѣ, нѣмецкая школа была основана пасторомъ Ф. Флинднеромъ; въ настоящее время въ ней обучается уже болѣе 60 учениковъ, съ которыми занимаются четыре нѣмецкихъ учителя. Мало того, бывшая нѣкогда страна іезуитовъ и инквизиціи нынѣ, можно сказать, почти вся усѣяна нѣмецкими евангелическими школами, которыми управляютъ нѣмецкіе педагоги. А недавно на нѣмецкія средства въ Мадридѣ учреждена даже и гимназія съ нѣмецкимъ учебнымъ персоналомъ и нѣмецкимъ директоромъ во главѣ ²⁾. Въ *Стокгольмѣ* нѣмецкая школа существуетъ съ 1569 года и еще въ 1717 году возведена на степень гимназіи ³⁾. Въ *Токио* (въ Японіи) нѣмцы учредили приготовительную школу къ медицинскому факультету; преподаваніе ведется въ ней только на нѣмецкомъ языкѣ, учителя—исключительно нѣмцы. Кромѣ того въ январѣ 1887 г. въ японскій университетъ (въ Токио-же) опредѣлены слѣдующіе профессора—нѣмцы: д-ръ *Вейпертъ*—по кафедрѣ нѣмецкаго права, д-ръ Гаускнехтъ—по кафедрѣ нѣмецкаго языка и педагогике, д-ръ Людвигъ Буссе—по кафедрѣ философіи и д-ръ Л. Риссъ—по кафедрѣ исторіи ⁴⁾. Что въ обѣихъ половинахъ *Америки* основано множество нѣмецкихъ школъ,—въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ тамъ весьма много поселилось нѣмецкихъ колонистовъ. Но въ *Австраліи* нѣмцевъ считается сравнительно немного (8800),—а нѣмецкія школы все-таки разсѣяны по всему матеріку; такъ, нѣмецкія школы существуютъ тамъ издавна въ слѣдующихъ, напр., колоніяхъ:

¹⁾ Срв. Echo 1887. №№ 235, 250, 246, 259.

²⁾ Срв. Echo 1887. № 252.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Срв. Echo 1887. №№ 235, 241.

Гандорфъ, Грюнталь, Лёбеталь, Блюмбергъ, Лянгмейль, Клямцигъ, Бисмаркъ, Седанъ, Бетель, Бетанія и др. Кромѣ того, въ Австраліи открыто нѣмцами даже и выше-учебное заведеніе, такъ называемый „Лютеровскій институтъ“. Наконецъ, нѣмцы добились и того, что во всѣхъ безъ исключенія (и не нѣмецкихъ) высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Австраліи нѣмецкій языкъ признанъ общеобязательнымъ учебнымъ предметомъ ¹⁾. Въ *Палестинѣ* нѣмецкія школы существуютъ также съ давняго времени. Нынѣ, благодаря ходатайству вюртембергскаго депутата, теперешняго министра внутреннихъ дѣлъ, Гельдера, онѣ получаютъ ежегодное пособіе отъ правительства въ размѣрѣ 3650 марокъ ²⁾. Въ *Афинахъ* нѣмецкая школа была открыта еще въ правленіе короля Оттона. Нынѣ она находится подъ руководствомъ какой-то нѣмки—Гофманъ; содержится почти исключительно на средства германскаго императора, который добровольно принялъ ее подъ свое высокое покровительство и оказываетъ ей щедрую помощь еще съ 1876 г. Школа эта—трехъклассная; при ней—пять учительницъ и одинъ учитель; учащихся числится до 70-ти. Въ настоящее время греки вообще питаютъ симпатіи къ нѣмецкой школѣ и многіе изъ нихъ ежегодно отправляются въ Берлинъ для полученія высшаго образованія ³⁾. Недавно нѣмцы открыли свою школу въ *Карагачѣ* близъ Адрианополя и дали ей названіе „желѣзнодорожнаго училища“, потому что тамъ обучаются большею частію дѣти лицъ, служащихъ на станціи желѣзной дороги. Для этой школы выстроено громадное каменное зданіе. Средства получаетъ эта школа отъ австрійскаго и берлинскаго школьныхъ обществъ. Въ настоящее время въ карагачской нѣмецкой школѣ состоятъ на лицо учитель и учительница; учащихся числится до 50. Въ *Софїи* нѣмецкая школа открыта Баттенбергомъ на средства болгарскаго правительства, которое ежегодно и ассигнуетъ

¹⁾ Срв. Echo 1887. № 236.

²⁾ Срв. Echo 1887. № 232.

³⁾ Срв. Echo 1887. № 237.

на ея содержаніе 4200 франковъ. Учащихся отъ 12 до 18¹⁾. Въ *Бѣлградѣ* нѣмецкая школа существуетъ уже довольно давно; она получаетъ изъ Берлина правительственную субсидію и подчинена высшему надзору верховнаго церковнаго совѣта въ Берлинѣ. Въ настоящее время въ ней обучаются 122 ученика. По отзыву нѣмецкихъ педагоговъ, съ бѣлградскою школою не можетъ сравняться ни одно изъ лучшихъ нѣмецкихъ училищъ. Прекрасное зданіе для этой школы устроено на средства берлинскаго школьнаго общества²⁾.

Само собою понятно, что точно опредѣлить число заграничныхъ нѣмецкихъ школъ въ высшей степени трудно. Да и нѣтъ въ этомъ особенной надобности. И изъ сказаннаго видно, что нѣмцы не жалѣютъ средствъ на учрежденіе школъ за предѣлами своего отечества, въ которыхъ бы обучались не только дѣти нѣмецкихъ колонистовъ, но и туземцевъ. Но если нѣмцы такъ щедры и усердны на учрежденіе заграничныхъ школъ, то можете, читатель, судить о томъ, съ какою ревностію и любовію нѣмцы относятся къ школьному дѣлу въ самой Германіи! И замѣчательно, что средства на школьное дѣло (разумѣемъ всѣ виды нѣмецкой школы—высшую, среднюю и низшую) идутъ не столько отъ государства, сколько отъ общества. Государство оказываетъ школѣ только *посobie*; главный же источникъ средствъ школы представляетъ собою общество и частныя лица. Расчетливые до мелочности, знающіе цѣну каждому пфеннигу, нѣмцы не жалѣютъ денегъ на свои школы. Въ этомъ отношеніи они дѣйствительно представляютъ примѣръ достойный полнаго подражанія. Чтобы судить о томъ, на какія пожертвованія способны нѣмцы ради школьнаго дѣла, достаточно напр. остановить свое вниманіе на юбилеѣ Гейдельбергскаго университета. Въ прошломъ году Гейдельбергскій университетъ праздновалъ 500-лѣтнюю годовщину своего существованія. Празднество это устроилось на пожертвованія частныхъ лицъ. И что-же?—пожертвованій этихъ оказалась такая масса, что за отчисленіемъ 100,000

¹⁾ Срв. *Echo* 1887. № 255.

²⁾ Срв. *Echo* 1887. № 254.

марокъ на стипендіи и покрытіемъ всѣхъ расходовъ по празднеству въ юбилейной кассѣ осталось еще 36,800 марокъ! Нѣмцы не знали, что дѣлать съ этими деньгами. Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшили: 4,000 дать тому, кто представитъ наилучшую модель памятника, отъ 1,500 до 2,000 поднести въ даръ профессору Гоффу, бывшему распорядителю юбилейнаго торжества, а остальные 30,800 марокъ положить въ городскую сохраняющую кассу до 1000-лѣтняго юбилея Гейдельбергскаго университета. „Изъ этого капитала съ процентами и процентами на проценты, замѣчаетъ гейдельбергскій корреспондентъ „Echo“ (№ 237, отъ 17 марта прошлаго года), по истеченіи пятисотъ лѣтъ, кажется, составитя порядочная сумма!“... ¹⁾.

Идея нашей церковно-приходской школы стоитъ на такой разумной почвѣ, что противъ нея могутъ говорить только невѣжды и люди съ предвзятыми мыслями. Благоразумный русскій человѣкъ только сочувственно и съ полнымъ радушіемъ можетъ относиться къ духу, направленію и указанной программой постановкѣ церковно-приходской школы. Но отсутствіе надлежащихъ матеріальныхъ средствъ насъ заставляеть опасаться за будущность и судьбу этого наилучшаго типа элементарной народной школы. „Что мы можемъ сдѣлать безъ средствъ, безъ денегъ?“ говоритъ намъ наше духовенство. Жаль, что *въ этомъ отношеніи* мы не подражаемъ многимъ прекраснымъ образцамъ, которые представляетъ намъ исторія нѣмецкой народной школы. Отсутствіе средствъ никогда не страшитъ дѣятельнаго нѣмца. Исторія нѣмецкой школы, обязанной многимъ, если не всѣмъ, по-преимуществу инициативѣ и дѣятельности частныхъ лицъ, достаточно ясно учитъ насъ тому, какъ нужно браться за дѣло, чтобы поставить его на твердыхъ началахъ (хороши эти начала или нѣтъ,—объ этомъ мы будемъ говорить въ свое время). Нѣмецкіе труженники, которымъ нѣмецкая школа обязана своимъ существованіемъ, въ большинствѣ случаевъ приступали къ своему дѣлу съ совершенно пустыми карманами. Они были

¹⁾ Срв. Echo 1887. № 237.

богаты только твердою рѣшимостію и неизмѣннымъ желаніемъ служить своему дѣлу. Никогда сразу они не задавались обширными планами, широкими цѣлями; большихъ претензій они не имѣли. Дѣло свое они начинали въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Они твердо были убѣждены въ одномъ, что доброе дѣло всегда найдетъ себѣ продолжателей и встрѣтитъ сочувствіе въ обществѣ. Они знали, что на первыхъ порахъ имъ придется вести борьбу съ препятствіями, но что препятствія эти будутъ всегда устранены, если они будутъ твердо идти разъ намѣченною дорогою. Они надѣялись, что въ средствахъ, въ которыхъ они имѣли крайнюю нужду въ началѣ, не будетъ недостатка, когда они докажутъ обществу своею дѣятельностію, что отъ ихъ начинаній слѣдуетъ ожидать прекрасныхъ результатовъ. Исторія нѣмецкой школы указываетъ намъ множество примѣровъ того, какъ частныя лица, при самыхъ ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, достигали удивительныхъ успѣховъ школьнаго дѣла и являлись учредителями цѣлаго ряда учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, на содержаніе которыхъ нынѣ расходуются громадныя средства. Мы остановимъ, впрочемъ, свое вниманіе въ настоящей разъ только на человѣкѣ, о которомъ исторія уже окончательно высказала свое правдивое слово. Мы говоримъ о *Франкѣ*.

Августъ Германнъ Франкъ родился въ 1663 году въ г. Любекѣ. Отецъ его, Иоганъ Франкъ, вскорѣ послѣ рожденія сына, въ 1666 г., переселился на жительство въ Готу и занялъ должность совѣтника юстиціи и придворнаго чиновника при герцогѣ Эрнстѣ Благочестивомъ. Свое первоначальное образованіе Августъ Франкъ получилъ въ мѣстной гимназій, которая незадолго предъ тѣмъ была подвергнута коренному преобразованію и воспитаніе въ которой, по настоянію герцога Эрнста, было поставлено на строго-религіозныхъ началахъ. На семнадцатомъ году своей жизни Августъ Франкъ поступилъ въ Эрфуртскій университетъ и въ особенности усердно изучалъ тамъ логику, метафизику и еврейскій языкъ. Впрочемъ, эрфуртскій университетъ онъ скоро промѣнялъ на высшую школу въ Килѣ, гдѣ онъ получилъ значительную сти-

пендію и изучалъ науки—философію, филологію, исторію и теологію, хотя изученіе этихъ наукъ, по признанію самого Франка, и немного привнесло пользы для его души. Даже богословіе, къ которому онъ чувствовалъ особенное расположеніе, благодаря религіозному настроенію, вынесенному имъ изъ гимназіи герцога Эрнста, было преподаваемо такимъ образомъ, что оставалось для него только мертвою наукою, доставлявшею много работы его памяти и разсудку, но не дававшюю пищи его сердцу, его внутреннему существу. Онъ усердно вписывалъ въ свои тетради богословскія лекціи, но—какъ онъ самъ говоритъ—„записать что либо въ свое сердце—мнѣ рѣдко приходило на мысль“. Послѣ трехлѣтнихъ занятій такого рода въ Килъ-Франкъ отправился въ Гамбургъ къ тамошнему ученому—Эдрѣ Эдзарди, съ цѣлью усовершенствоваться у него въ знаніи еврейскаго языка. Здѣсь онъ пробылъ однако-же недолго. Два мѣсяца спустя послѣ своего прибытія въ Гамбургъ, Франкъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ возвратиться въ Готу, гдѣ и пробылъ полтора года, въ тихомъ уединеніи предаваясь научнымъ занятіямъ и „практическому осуществленію“ тѣхъ религіозныхъ началъ, которыя имъ были усвоены еще въ готской гимназіи, и которыя становились для него все цѣннѣе и цѣннѣе. Изъ Готы онъ отправился затѣмъ въ Лейпцигъ, гдѣ, кромѣ теологіи, онъ въ совершенствѣ усвоилъ себѣ раввинскій и итальянскій языки, а также усовершенствовался въ знаніи французскаго и англійскаго языковъ. Здѣсь же онъ началъ и свою практическую школьную дѣятельность. Въ 1685 году вмѣстѣ съ профессоромъ Паулемъ Антономъ онъ открылъ такъ называемую Collegium philobiblicum, въ которую поступали для слушанія лекцій не только студенты разныхъ высшеучебныхъ заведеній, но даже доценты и заслуженные профессора. Курсъ филологической библіи, прочитанный здѣсь Франкомъ, обратилъ на молодого ученаго всеобщее вниманіе. По воскреснымъ днямъ, послѣ вечерней проповѣди, кратко и съ практическими приложеніями Франкъ имѣлъ обыкновеніе изъяснять отрывки Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Объясненія эти привлекали

массу слушателей. У Франка явились друзья и въ числѣ ихъ придворный проповѣдникъ въ Дрезденѣ Шпенеръ. Но не было недостатка и въ недругахъ. Наконецъ онъ подвергся и прямому преслѣдованію, будучи обвиняемъ въ вольнодумствѣ и піетизмѣ. Въ 1687 году Франкъ былъ вынужденъ оставить Лейпцигъ и переселиться въ Люнебургъ. Здѣсь онъ, подъ руководствомъ суперинтендента Зандгагена, ближе ознакомился съ толкованіемъ Св. Писанія; здѣсь же въ его душѣ произошелъ и великій переворотъ. „Стремясь изслѣдовать догматы вѣры, онъ сталъ наконецъ сомнѣваться въ существованіи Бога, говоритъ Шмидтъ, и въ немъ часто возникалъ вопросъ: іудеи вѣрятъ въ талмудъ, турки—въ коранъ, а христіане—въ библію,—кто изъ нихъ правъ?“ Дойдя до крайней мѣры въ этой борьбѣ сомнѣній, онъ вышелъ изъ нея такъ сказать побѣдителемъ себя самого. Разомъ исчезли всѣ сомнѣнія, и онъ отъ души увѣровалъ въ благодать и любовь Божию во Христѣ. Изъ Люнебурга Франкъ отправился въ Лейпцигъ снова, но предварительно посѣтилъ въ Дрезденѣ друга своего Шпенера. Въ 1690 году Франкъ получилъ приглашеніе на должность проповѣдника въ Эрфуртъ, гдѣ многіе знали его еще во времена студенчества и слышали объ его проповѣдническомъ талантѣ. Здѣсь же онъ былъ опредѣленъ діакономъ къ Августинской киркѣ. Но скоро онъ нашлъ себѣ враговъ и здѣсь. Его проповѣдями начали увлекаться даже католики; нѣкоторые изъ нихъ стали переходить въ протестантство, другіе менѣе довѣрчиво относились къ католичеству. И католическое духовенство сдѣлало свое дѣло. Изъ Майнца былъ присланъ курфиршескій рескриптъ слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ магистръ Франкъ признается виновникомъ *новой секты*, а его курфиршеской милости нежелательно видѣть болѣе такого рода неурядицу, то строжайшее повелѣніе таково: Франка немедленно удалить отъ службы и выслать изъ города“. Узнавъ объ этомъ, Франкъ тотъ часъ отправился въ ратушу и принесъ жалобу на такое распоряженіе, сдѣланное безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія дѣла. Но на эту жалобу не было обращено никакого вниманія и 18 сентября 1691 года

Франку, лишенному должности, было приказано чрезъ два дня выѣхать изъ города безъ дальнихъ разсужденій. Къ счастію для Франка, въ этотъ же самый день онъ получилъ приглашеніе въ Галле на кафедру греческаго и восточнаго языковъ въ университетѣ, который былъ открытъ вмѣсто военной академіи, существовавшей съ 1680 года, а „для его лучшаго обезпеченія“ ему была предоставлена и должность пастора въ Глаухѣ, близъ того-же города.

Съ этого-то времени начинается та дѣятельность Франка въ пользу школы и народа, на которую, какъ на образецъ достойный подражанія, мы и хотѣли бы обратить вниманіе читателя. О главныхъ моментахъ этой дѣятельности рассказываетъ отчасти и самъ Франкъ въ своей книгѣ — „Благодарные слѣды“. Вотъ въ чемъ состояла эта дѣятельность. Какъ въ Галле, такъ и въ предмѣстьи его Глаухѣ было въ обычаѣ назначать извѣстный день, когда бѣдные должны были всѣ вмѣстѣ приходять къ дверямъ каждаго изъ жителей и такимъ образомъ по одному разу въ недѣлю получать милостыню. Такъ какъ въ сосѣдствѣ съ пасторскимъ домомъ въ Глаухѣ такая раздача милостыни происходила по четвергамъ, то въ этотъ день нищіе собирались также и передъ дверью Франка. Нѣкоторое время Франкъ велѣлъ раздавать имъ хлѣбъ; но скоро ему пришло на мысль, что этимъ случаемъ можно пользоваться и для того, чтобы помогать этимъ несчастнымъ, отличавшимся большею частію крайнимъ невѣжествомъ и безнравственностію, и чрезъ проповѣданіе Слова Божія. Вотъ почему однажды, когда они собрались по обычаю предъ его домомъ для полученія милостыни, онъ зазвалъ ихъ къ себѣ въ комнату, велѣлъ стать старикамъ по одну сторону, а молодежи—по другую и ласково началъ испытывать дѣтей въ знаніи катихизиса, основъ христіанской религіи; старики только слушали. Закончивъ свою бесѣду молитвою, онъ роздалъ имъ обычную милостыню; но при этомъ прибавилъ, что впередъ онъ всегда будетъ такъ дѣлать. Съ этихъ поръ Франка слишкомъ озабочивало ужасное невѣжество бѣднаго люда, а въ особенности то, что по причинѣ крайней бѣдности родителей громадное

число дѣтей не имѣютъ возможности посѣщать школу и остаются совершенно безъ всякаго религіозно-нравственнаго воспитанія. Кромѣ того, его сильно беспокоила также и нужда бѣдняковъ, воздерживавшихся отъ публичнаго нищенства. Чтобы помочь имъ хотя сколько-нибудь, Франкъ купилъ кружку и велѣлъ еженедѣльно обходить съ нею „Христілюбивыхъ студентовъ“ и другихъ доброхотныхъ дателей. Но вскорѣ оказалось, что многіе тяготились этою кружкою, а между тѣмъ доходъ отъ нея былъ такъ незначителенъ, что ее не стоило болѣе и разсылать. Франкъ обратился къ другому способу. Онъ велѣлъ поставить кружку въ самой комнатѣ пасторскаго дома, съ тѣмъ, чтобы посѣтители его вкладывали въ нее свои доброхотныя даянія. На этой кружкѣ Франкъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Кто имѣетъ блага міра сего и видитъ брата своего терпящимъ нужду и заключаетъ предъ нимъ сердце свое; какъ можетъ пребывать на немъ любовь Божія?“ Кружку свою Франкъ поставилъ въ 1695 году. Сначала пожертвованія были крайне ничтожны; но три мѣсяца спустя одна благодѣтельная дама сразу пожертвовала семь гульденовъ или—что тоже—четыре талера шестнадцать грошей ¹⁾. Взявъ въ руки эти деньги, Франкъ, исполненный радости, воскликнулъ: „О, это капиталецъ порядочный! Изъ него можно устроить и что-либо путное! Открою я на эти деньги школу для бѣдныхъ!“ И дѣйствительно капиталъ этотъ положилъ начало цѣлому ряду гуманнѣйшихъ учрежденій. Въ тотъ-же день Франкъ купилъ книгъ на два талера и пригласилъ одного бѣднаго студента обучать нищенствовавшихъ дѣтей по два часа въ день, за что обѣщалъ платить ему по грошу въ день или по шести грошей въ недѣлю ²⁾. Нищія дѣти съ радостію приняли новыя книги; но изъ двадцати семи розданныхъ имъ книгъ они принесли назадъ только четыре; остальные

¹⁾ На наши деньги это будетъ около четырехъ съ половиною рублей. Полагаемъ гульденъ равнымъ 52½ копѣйки, талеръ—92½ копѣйки, грошъ—3⅓ коп. сер.

²⁾ Т. е. по 20 коп. сер.

книги дѣти оставили у себя или продали ихъ, — а къ Франку болѣе не являлись и сами. Франка это не печалило ничуть; напротивъ, на оставшіеся шестнадцать грошей онъ купилъ новыя книги, которыя, по окончаніи уроковъ, дѣти должны были уже оставлять всякій разъ въ училищѣ. Съ этихъ поръ школьная дѣятельность Франка развивалась удивительно быстро и благотворно. Школа для бѣдныхъ была учреждена на Святой 1695 года. Но скоро сказалась нужда и въ открытіи школъ другого типа — „педагогіума“ или „педагогическаго института“, „сиротскаго дома“, „учительской семинаріи“, „городскихъ училищъ“. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ самъ Франкъ: „Вскорѣ послѣ Троицына дня нѣкоторые изъ гражданъ, видя, какъ прекрасно обучаются бѣдныя дѣти, захотѣли также отдать и своихъ къ тому-же самому учителю и предложили платить ему за каждаго ученика по одному грошу въ недѣлю. Тогда учителю пришлось по пяти часовъ въ день обучать всего около пятидесяти учениковъ, за что онъ и получалъ уже по шестнадцати грошей въ недѣлю... Около Троицына дня положено было также начало обученію дворянъ и другихъ молодыхъ людей, жившихъ здѣсь на счетъ своихъ родителей и получавшихъ отъ меня учителей, занимавшихся по моему плану преподаваніемъ и воспитаніемъ. Поводомъ къ этому „педагогическому институту“ (какъ назывался онъ съ этихъ поръ) послужило то, что нѣкоторые изъ родителей обращались ко мнѣ за студентами для частныхъ уроковъ. Такъ какъ я не могъ удовлетворить ихъ желаніямъ (оттого, что способные къ тому студенты сами хотѣли еще продолжать свои учебныя занятія), то и посоветовалъ имъ присылать дѣтей ко мнѣ, я же обязался назначать къ нимъ учителей: тогда ко мнѣ прибыло нѣсколько учениковъ, а вскорѣ имъ послѣдовали и другіе, когда мое предпріятіе сдѣлалось извѣстнымъ“. Поводомъ къ учрежденію сиротскаго дома и даровой столовой послужило слѣдующее обстоятельство. Лѣтомъ 1695 года Франкъ получилъ письмо отъ одной знатной особы, въ которомъ безъ всякаго съ его стороны домогательства и сверхъ всякаго ожиданія ему предлагали пять-

сотъ талеровъ ¹⁾ для раздачи бѣднымъ, по его усмотрѣнію, съ тѣмъ однако-же, чтобы при этомъ было обращено особенное вниманіе и на неимущихъ студентовъ. Франкъ выбралъ наиболѣе нуждавшихся въ пособіи студентовъ и выдавалъ имъ, по своему усмотрѣнію, однимъ—по четыре, другимъ—по восьми, а нѣкоторымъ—и по двѣнадцати грошей въ недѣлю. Между тѣмъ осенью необходимо было озаботиться и помѣщеніемъ школы для бѣдныхъ. Въ пасторскомъ домѣ не было уже мѣста, а потому Франкъ рѣшился нанять комнату у ближайшаго сосѣда. Но этой комнаты оказалось недостаточно. Число дѣтей какъ зажиточныхъ, такъ и бѣдныхъ усиливалось съ каждымъ днемъ и возросло до того, что въ началѣ зимы Франку пришлось принять еще одну комнату и имѣть уже двухъ учителей. Каждый изъ нихъ обучалъ по четыре часа въ день и получалъ по шестнадцать грошей въ недѣлю, да сверхъ того—въ пасторскомъ домѣ комнату съ отопленіемъ. Не смотря на все это, Франкъ былъ недоволенъ своею школою. Онъ видѣлъ, что за стѣнами школы гибло то, надъ чѣмъ работалъ онъ и его помощники въ школѣ. Необходимо было учредить общежитіе, которое-бы охранило дѣтей отъ дурного вліянія внѣ школы. И Франку, можно сказать, все удавалось. Едва онъ остановился на мысли о необходимости учрежденія сиротскаго дома, какъ получилъ извѣстіе, что одинъ благодѣтельный человекъ, по духовному завѣщанію, отказалъ въ его распоряженіе еще 500 талеровъ. Франкъ нанялъ особое помѣщеніе, въ которое и принялъ 9 сиротъ, назначивъ имъ особаго надзирателя. Вскорѣ послѣ этого, въ ту же зиму, онъ получилъ отъ неизвѣстныхъ жертвователей тысячу, потомъ триста, а затѣмъ и еще сто талеровъ, такъ что у него явилась возможность выдавать еженедѣльно деньги на столъ бѣднымъ дѣтямъ, устроить имъ одежду и прибрѣсть покупкою сосѣдній домъ за 365 талеровъ. Тогда-же онъ рѣшился устроить для неимущихъ студентовъ и даровую столовую; а съ устройствомъ даровой столовой въ тѣсной связи нахо-

¹⁾ Около 462 р. 50 коп.

дится и учрежденіе „учительской семинаріи“. Эта семинарія состояла изъ студентовъ теологін, которые, пользуясь въ сиротскомъ домѣ даровымъ содержаніемъ, обязаны были за это обучать сиротъ по два часа въ день.

Дѣло Франка теперь было поставлено на твердыхъ началахъ и приняло широкіе размѣры. Школа для бѣдныхъ была преобразована въ четырехклассное училище: два класса для мальчиковъ и два класса для дѣвочекъ. Кромѣ того были открыты еще трехклассная школа для болѣе даровитыхъ мальчиковъ; здѣсь обучались уже латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, исторіи, географіи, геометріи, музыкѣ и ботаникѣ. Было открыто также нѣсколько мѣщанскихъ школъ. Изъ небольшого первоначально домика мало по-малу развился цѣлый городокъ франковскихъ заведеній съ своею аптекою, книжною лавкою и даже типографіею. Последняя особенно оказывала сильную поддержку франковскому дѣлу. Достаточно указать лишь на то, что до 1795 г. въ ней было напечатано 1.659,883 библии, 883,890 экземпляровъ Новаго Завѣта, 16,000 экземпляровъ псалмовъ и 47,500 книгъ Сираха. Франкъ умеръ 8 іюня 1727 года на 65 году своей жизни. Къ этому времени, какъ видно изъ росписи, поданной королю Фридриху Вильгельму I, Франку были обязаны своимъ существованіемъ: 1) педагогическій институтъ: 82 ученика, соотвѣтствующее число учителей и другихъ должностныхъ лицъ ¹⁾; 2) латинское училище: 3 инспектора, 32 учителя, 400 учениковъ, 10 слугъ и проч.; 3) нѣмецкія мѣщанскія школы: 4 инспектора, 98 учителей, 8 учительницъ, 1,725 мальчиковъ и дѣвочекъ; 4) сиротскій домъ: 100 мальчиковъ, 34 дѣвочки, 10 надзирателей и надзирательницъ; 5) даровая столовая: 225 студентовъ, 360 бѣдныхъ учениковъ; 6) аптека, книжная лавка и типографія: 53 лица; 7) заведенія для женскаго пола: въ институтѣ 15 дѣвицъ, въ пансіонѣ—8 молодыхъ служанокъ, во вдовьемъ домѣ—6 престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду вдовъ ²⁾.

¹⁾ По Шмидту 70 лицъ. Ист. Педаг. 1880 г. т. III стр. 450.

²⁾ О Франкѣ можно читать въ Исторіи Педагогикки Карла Шмидта т. III. Стр. 444—468; у Вебера Die deutsche Schule, стр. 15—21.

Вотъ какихъ результатовъ могъ достигнуть нѣмецкій пасторъ. Неужели священникъ православной Церкви не можетъ быть способенъ дѣйствовать въ подобномъ направленіи? 1) Матеріальныхъ средствъ, какъ мы видѣли, не было и у нѣмецкаго пастора; у него была только любовь къ дѣлу, твердая рѣшимость и увѣренность, что доброе дѣло всегда найдетъ поддержку для себя среди добрыхъ людей. Конечно, пасторъ Франкъ и среди нѣмцевъ былъ личностію выдающеюся, но—не исключительно, а тѣмъ болѣе—не единичною. Къ школьнымъ дѣтелямъ такого-же рода нужно причислить Песталоцци, пастора Грефе, Клейна, основателя училища для слѣпыхъ, Цейне, его продолжателя, Гейнике, Гюггенбюля, Фалька, Вихерна, пастора Денцеля, наконецъ основателей такъ называемой „христіанской гимназіи“ въ Гютерсло и многое множество другихъ подобныхъ лицъ.

Правда, изолированная дѣятельность частныхъ лицъ въ дѣлѣ школьнаго обученія теперь проявляется менѣе замѣтно, чѣмъ въ вѣкъ Франка; но за то теперь дѣйствуютъ цѣлыя общества подобныхъ лицъ, одушевленныхъ одною и тою-же идею, стремящихся къ одной и той-же цѣли. Въ настоящее время въ Пруссіи существуетъ два такихъ общества: 1) „Нѣмецкое школьное общество“ (имѣющее свою цѣлю заботу о школахъ въ самой Германіи) и 2) „Нѣмецкое школьное общество для поддержанія германизациі за-границей“; въ Австріи существуетъ особое „Австрійское школьное общество“. Но всѣ эти три общества дѣйствуютъ въ полномъ согласіи между собою, мѣняются своими отчетами и каждое считаетъ своею обязанностію посылать своихъ депутатовъ на собранія другаго общества. Въ нашихъ рукахъ имѣется отчетъ австрійскаго школьнаго общества за прошлый (1886 г.) и на основаніи его мы можемъ составить себѣ представленіе о дѣятельности нѣмецкихъ школьныхъ обществъ. Въ

1) Что подобнаго рода дѣятельность доступна пасторямъ православной Церкви доказываетъ примѣръ кронштадтскаго протоіерея о І. Сергіева, учредившаго „Домъ Трудолюбія“, на который имъ собрано пожертвованій уже болѣе 30 тысячъ рублей въ самое непродолжительное время.

1886 году австрійское школьное общество имѣло 96,000 своихъ членовъ и состояло изъ 683 частныхъ группъ или отдѣленій. Это общество было основано только въ іюнѣ 1880 года; а между тѣмъ въ 1885 году у него было уже ежегодныхъ взносовъ 279.889,31 фл. ¹⁾; въ 1886 году — 293,247 фл.; а всего до 1 мая 1886 года это общество израсходовало на нѣмецкія школы 1.462,218 фл. Въ текущемъ году до 1 іюня обществомъ уже выдано пособій на школы 236,000 фл. Центральное управленіе прусскаго школьнаго общества находится въ Берлинѣ, гдѣ проживаетъ и дѣятельный предсѣдатель его—д-ръ Фалькенштейнъ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, дѣятельность этого общества еще шире, чѣмъ дѣятельность австрійскаго школьнаго общества. Число членовъ его простирается до 120,000 человекъ, оно имѣетъ 1,174 провинціальныхъ отдѣленій и пользуется всеобщими симпатіями ²⁾. Цѣль его нѣмецкій поэтъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Das ist der Bund der Treue...
Zu schützen uns're Jugend
Mit uns'rer ganzen Kraft“...

Отсюда ясно, почему прусское министерство, при гораздо большемъ количествѣ школъ, чѣмъ у насъ, на будущій (1888) годъ ассигновало меньше нашего министерства народнаго просвѣщенія почти на пять милліоновъ рублей. Даже на содержаніе университетовъ наше министерство отпускаетъ гораздо болѣе прусскаго. Прусское министерство народнаго просвѣщенія ассигновало на содержаніе *девяти* университетовъ въ 1888 году 6.429,153 марки (меньше прошлаго года на 173,253 марки). Наше-же ³⁾ министерство на содержаніе *восьми* университетовъ въ томъ же году ассигновало 3000000 рублей ⁴⁾. Такимъ образомъ содержаніе университета въ Пруссіи обходится *приблизительно* въ 285740 р., а у насъ—до 377,777 рублей.

¹⁾ Флоринъ равняется приблизительно 62 нашимъ копѣйкамъ.

²⁾ Въ „Echo“ № 228 ему посвящено даже стихотвореніе.

³⁾ Echo, № 283 отъ 17-го февраля 1887 г.

⁴⁾ „Южный Край“, № 2350, отъ 1-го Ноября 1887.

Отношеніемъ же нѣмецкаго общества къ школьному дѣлу объясняется какъ количество, такъ и качество нѣмецкихъ школъ: ихъ постановка, направленіе, объемъ преподаванія, инспекція и проч.

Чтобы лучше ознакомиться съ характеромъ и направленіемъ нѣмецкаго школьнаго дѣла, мы должны подраздѣлить всѣ нѣмецкія училища на группы. Общепринятое дѣленіе школъ на высшія, среднія, низшія и элементарныя или народныя не вполне удобно можетъ быть приложимо къ разнообразной постановкѣ школьнаго дѣла у нѣмцевъ; есть школы, которыя, собственно говоря, нельзя причислить ни къ одной изъ упомянутыхъ группъ. Вотъ почему мы распредѣлимъ нѣмецкую школу на слѣдующіе отдѣлы: I. *Общія школы*. Сюда относятся: 1) народныя училища; 2) гимназіи, прогимназіи, реальныя гимназіи, городскія и мѣщанскія училища и 3) университеты. II. *Спеціальныя школы*: 1) педагогическія семинаріи для гимназическихъ учителей; 2) педагогическія семинаріи для народныхъ учителей; 3) ветеринарныя училища; 4) политехническія школы; 5) ремесленныя, коммерческія и сельско-хозяйственныя училища; 6) воеппо-учебныя заведенія и 7) школы для бѣдныхъ. Наконецъ, въ заключеніе мы коснемся и постановки въ Германіи III. *Женскаго образованія* и различныхъ видовъ женскихъ школъ.

I. Общія школы въ Германіи.

1) Народныя училища *).

Народная школа въ Германіи имѣетъ болѣе древнюю исторію, чѣмъ народная школа у насъ. Христіанство, распространяясь по языческимъ странамъ, вносило вмѣстѣ съ собою въ эти страны и блага просвѣщенія. Христіанская Церковь все-

*) Кромѣ свѣдѣній, заимствованныхъ нами изъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ періодическихъ изданій, при изложеніи этого отдѣла, намъ служили пособіями слѣдующія сочиненія: „Исторія Педагогики Карла Шмидта (въ 4-хъ томахъ) 1877--1881. „Die deutsche Schule in ihren Verschiedenen Formen und Abstu-

гда являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и наивысшимъ училищемъ вѣры и благочестія. Христіанскіе монастыри вездѣ были лучшими источниками просвѣщенія, образцами благочестія и нравственности, воспитателями патриотизма, хранителями чистой науки. Вотъ почему вездѣ, во всѣхъ странахъ, просвѣщенныхъ ученіемъ Христовымъ, народная школа въ первое время своего существованія всегда имѣла типъ школы монастырской и церковно-приходской. Такъ было у насъ, на св. Руси; такъ было и на западѣ Европы. Нѣмецкая школа въ этомъ отношеніи также не представляетъ собою исключенія. Первоначальныя школы у нѣмцевъ были школы монастырскія (школы бенедиктинцевъ, доминиканцевъ и францисканцевъ), а затѣмъ—соборныя и фундушевыя. Но это еще не были народныя школы въ современномъ смыслѣ этого слова. Это было то схоластическое зерно, изъ котораго впоследствии развились на Западѣ средне—и—высшеучебныя заведенія. Народъ еще не сознавалъ въ себѣ потребности въ школьномъ обученіи. Въ указанныхъ училищахъ получали образованіе только лица духовнаго сословія и аристократы. По самой-же постановкѣ предметовъ преподаванія эти школы скоро перешли въ область среднихъ школъ, о которыхъ подробнѣе мы будемъ говорить въ свое время. До реформациі у нѣмцевъ было очень много школъ; но онѣ также еще не могутъ быть названы народными. Нѣмецкая школа дѣлается народною лишь тогда, когда она стала протестантскою; а это было при Лютерѣ.

До реформациі главное вниманіе обращали только на обученіе, но и оно шло такъ неуспѣшно, что ученикъ, — какъ не безъ преувеличенія, впрочемъ, говоритъ раздраженный Лютеръ, — лѣтъ 20 или 30 сидѣлъ надъ Донатомъ и Александромъ, и все-таки ничему не научался. Воспитаніе ограничивалось лишь одною внѣшнею, дисциплинарною стороною. Таково было аскетическое воспитаніе въ монастырскихъ ка-

fun gen und ihre Stellung zur christlichen Kirche. Von P. em. Dr. E. Weber. Heilbronn, 1885". „Karl Richter, Pädagogische Bibliothek. Leipzig. 1874". „Schneider, Volksschulwesen und Lehrerbildung in Preussen. Berlin. 1875". „H. Jacoby въ „Beweiss“ des Glaubens, September, 1868". „Die christliche Bildung, eine apologetische Betrachtung“ и др.

толическихъ школахъ, таково же и такъ называемое рыцарское воспитаніе. Новый взглядъ на воспитаніе высказалъ Лютеръ въ своемъ „посланіи къ бургомистрамъ и совѣтникамъ (ратманамъ) всѣхъ городовъ Германіи“, равно какъ и въ „проповѣди о приученіи дѣтей къ школѣ“. Воспитаніе и обученіе онъ не ограничиваетъ уже духовнымъ сословіемъ и дворянствомъ, но признаетъ его необходимымъ для всѣхъ своихъ единовѣрцевъ. Онъ хотѣлъ видѣть школьное обученіе даже общеобязательнымъ и потому требовалъ отъ правительства понудительныхъ мѣръ. „Простолюдинъ, говоритъ онъ, не думаетъ о томъ, что, имѣя способнаго сына, онъ обязанъ предъ Богомъ и міромъ посылать его въ школу и заставлять учиться; напротивъ, каждый придерживается того мнѣнія, что онъ можетъ воспитывать сына, по своему усмотрѣнію. Да и совѣтники (ратманы) въ городахъ и все начальство поступаютъ такъ-же, какъ будтобы они освобождены отъ этого, и все имъ отпустится. Никто не заботится о томъ, что Богъ требуетъ отъ насъ и что Онъ хочетъ, чтобы мы воспитывали дарованныхъ намъ дѣтей на славу и на служеніе Ему; а этого нельзя достигъ безъ школы. Всякій питаетъ страсть только къ мірскому богатству и стремится къ нему вмѣстѣ съ своими дѣтьми, какъ будто Богъ и христіанство не нуждаются въ священникахъ, проповѣдникахъ, духовникахъ, а свѣтское начальство—въ канцлерахъ, совѣтникахъ (ратманахъ) и письмоводителяхъ. Поэтому я утверждаю, что начальство обязано даже понуждать своихъ подданныхъ, чтобы они отдавали дѣтей своихъ въ школу“. По ученію Лютера, воспитаніе есть прежде всего обязанность родителей и должно обнимать собою всѣ стороны дѣтской жизни: физическую, умственную, нравственную и религіозную. Физическое воспитаніе должно начинаться раньше даже рожденія дитяти. „По этому поводу, говоритъ Лютеръ, хотѣлось-бы мнѣ сказать слово беременнымъ женщинамъ, которыя по своей небрежности губятъ плодъ во чревѣ. Мать обязана беречь себя ради дѣтища во чревѣ ея... Когда дитя родилось, то непріятно и неестественно, если мать не кормитъ его своею грудью: вѣдь Богъ на то и далъ ей груди и молоко. Когда дѣтей кормятъ грубыя кормилицы, то

они выходятъ такими же грубыми, какъ это доказываетъ чуть ли не ежедневный опытъ“. Въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія Лютеръ приписываетъ важное значеніе жизни и примѣру самихъ родителей. Послѣднимъ онъ совѣтуетъ по этой причинѣ даже скрывать отъ дѣтей свои недостатки. „Съ молодыми людьми, говоритъ онъ, слѣдуетъ быть, какъ можно, осторожныѣе; при нихъ нельзя говорить всего, что обыкновенно говорятъ и дѣлаютъ. Дѣти и безъ того склонны къ соблазну и увлеченію, а потому родители не должны подавать имъ еще болѣе поводовъ къ этому своими словами и дѣйствіями. Но много ли родителей поступаютъ такъ, какъ слѣдуетъ? Оттого-то такъ плохо вездѣ на свѣтѣ, оттого-то среди людей нѣтъ болѣе ни благонавія, ни честности, ни вѣры, ни довѣрія. Молодые люди думаютъ, что они также въ правѣ и что имъ также не возбраняется дѣлать то же, что дѣлаютъ родители... Нѣкоторые же портятъ своихъ дѣтей еще и тѣмъ, что сами даютъ имъ поводъ пристраститься къ свѣту, заботясь лишь о томъ, чтобы ихъ дѣти ходили смѣлѣе, прыгали, танцовали и наряжались, нравились людямъ, возбуждали свои прихоти и стояли въ уровень съ свѣтомъ“. Отъ школы Лютеръ требовалъ, чтобы она обучала дѣтей закону Божію, языкамъ, „реальнымъ знаніямъ“, гимнастикѣ и музыкѣ. О преподаваніи закона Божія онъ говоритъ такъ: „Какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ школахъ самымъ важнымъ и непремѣннымъ урокомъ должно быть прежде всего Священное Писаніе, а для младшихъ учениковъ — Евангеліе. Всякому христіанину на девятомъ или на десятомъ году отъ роду слѣдовало бы знать все священное Евангеліе, гдѣ найдетъ онъ и свое званіе и свою жизньъ. Вѣдь пряха или швея уже съ малыхъ лѣтъ учитъ свою дочь мастерству своему. Гдѣ не преподають Священнаго Писанія, туда, конечно, никому не совѣтую отдавать свое дитя. Все должно погибнуть тамъ, гдѣ не занимаются ревностно словомъ Божіимъ“. Преподавателю закона Божія Лютеръ даетъ руководственное наставленіе въ такихъ словахъ: „Отче нашъ, Вѣрую и десять заповѣдей слѣдуетъ тщательно передавать молодому и простому люду и всегда въ одномъ и томъ-же видѣ, такъ чтобы не измѣнять ни одного слова, не заучивать и не

произносить одинъ годъ иначе, нежели другой. Проповѣдуя среди ученыхъ и разсудительныхъ людей, ты можешь выказывать свое искусство, украшать свою рѣчь и прибѣгать къ фигуральнымъ выраженіямъ; но среди молодежи соблюдай опредѣленную, неизмѣнную форму и постоянное однообразіе, и учи ихъ сперва членамъ вѣры, потомъ десяти заповѣдямъ и т. д. по тексту отъ слова до слова, такъ чтобы они повторяли за тобою и выучили все наизусть. Когда они вполне усвоятъ себѣ текстъ, то поясни имъ также и смыслъ, чтобы они поняли все въ немъ изложенное, — но по порядку, одно за другимъ. Когда они хорошо поняли первую заповѣдь, — берись за вторую и т. д., а иначе они будутъ такъ завалены, что ничего достаточно не запомнятъ. Окончивъ съ ними такимъ образомъ краткій катихизисъ, примись за большой и передай имъ болѣе богатый и болѣе обширный смыслъ его. Особенно разбирай тщательнѣе ту заповѣдь и тотъ членъ, въ которыхъ болѣе всего нуждается народъ твой. Такъ, наприкладъ, восьмую заповѣдь о кражѣ ты долженъ пространнѣе и всестороннѣе разъяснять среди ремесленниковъ и торговцевъ, а также среди крестьянъ и прислугъ, потому что среди этихъ людей чаще всего встрѣчаются разнаго рода обманъ и воровство. Приводи, по возможности, больше примѣровъ изъ Священнаго Писанія о томъ, за что Богъ каралъ и благословлялъ людей. Особенно же побуждай начальство и родителей править честно домомъ и отдавать дѣтей въ школу, доказывая имъ, что это ихъ долгъ, и что они тяжко грѣшатъ, не исполняя этой обязанности своей; ибо, подобно злѣйшимъ врагамъ Господа и людей, они тѣмъ губятъ и опустошаютъ какъ Божіе, такъ и мірское царство; напоминай имъ также, какой ужасный вредъ приносятъ они, не стараясь воспитать дѣтей въ священники, проповѣдники, писаря и т. п., и что за это Богъ страшно покараетъ ихъ“. Вопреки существовавшимъ въ то время взглядамъ Лютеръ требовалъ гуманнаго обращенія съ дѣтьми и осуждалъ жестокость и безчеловѣчіе. „Многіе въ Германіи шульмейстеры (школьные учителя), говоритъ онъ, губятъ отличныя дарованія своею бранью, жестокостью, своими розгами и побоями, обращаясь съ дѣтьми какъ палачъ

или тюремщикъ съ ворами... Шульмейстеры въ Германіи повсюду оказались ослами и олухами, научивъ своихъ дѣтей быть такими-же пустыми ослами и — ни чему болѣе... Разъ меня высѣкли пятнадцать разъ съ ряду до обѣда... Родители мои тоже жестоко обращались со мною, такъ что я сдѣлался крайне робкимъ. Мать отколотила меня разъ до крови за пустой орѣхъ; суровость ихъ и строгое обращеніе со мною были причиною того, что я убѣжалъ потомъ въ монастырь и сдѣлался монахомъ. Надо наказывать такъ, чтобы при розгѣ было и яблоко". Тѣмъ не менѣе гуманность обращенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми не должна доходить до баловства, которое губить дѣтей безповоротно, какъ и излишняя снисходительность. „Родители, говоритъ Лютеръ, губятъ своихъ дѣтей; завѣдомо пренебрегая ими и воспитывая ихъ безъ наставленія и страха Божія: хотя иногда родители прямо и не подають имъ дурного примѣра, но они все-таки портятъ ихъ, спуская имъ многое по излишней плотской любви. Естественно, всякому отцу и всякой матери нравится и кажется хорошимъ то, что дѣлаетъ ихъ дитя, все въ немъ для нихъ пріятно. Но слѣдуетъ воздерживаться отъ этого и не думать о томъ, что это твое дитя, если хочешь воспитать его въ страхѣ Божіемъ. Люди, балующіе своихъ дѣтей, понесутъ и грѣхи послѣднихъ... Да вѣдь это, говорятъ, еще дѣти, они еще не понимаютъ, что дѣлають. Правда. Но собака, лошадь или оселъ тоже вѣдь не понимаютъ, что дѣлають; а ихъ все-таки мы приучаемъ уходить, подходить, слѣдовать за нами, дѣлать одно или не дѣлать другаго, хотя они и не понимаютъ пользы этого. Люди, балующіе такимъ образомъ дѣтей своихъ, понесутъ и грѣхи ихъ, такъ, какъ-бы они сами ихъ совершили". Какъ высоко Лютеръ ставилъ правильное воспитаніе дѣтей и какою священною обязанностию родителей признавалъ онъ его, показываютъ слѣдующія два изреченія: „Всякому семейному человѣку крайне необходимо обращать на душу своего дитяти болѣе глубокое, болѣе тщательное вниманіе, нежели на тѣло, отъ него рожденное, и считать свое дитя драгоценнымъ, вѣчнымъ сокровищемъ, ввѣреннымъ ему отъ Бога на храненіе, да не украдутъ и не погубятъ его діаволъ, міръ и плоть...

Еслибъ молодая женщина стала расхаживать въ нарядѣ французской королевы, то всѣмъ это казалось-бы чуднымъ и великолѣпнымъ дѣломъ, и всѣ смотрѣли-бы на нее, разиня ротъ. Но когда женщина воспитываетъ дѣтей въ благонравіи, то противъ такой красоты всякіе жемчуги, бархаты и золотая парча не что иное, какъ старый, изодраный, заплатанный плащъ нищаго¹⁾.

Впрочемъ, не этимъ педагогическимъ воззрѣніямъ Лютера, какъ-бы они ни были благоразумны, обязана нѣмецкая народная школа своимъ появленіемъ на свѣтъ. Нѣмцы обыкновенно называютъ Лютера отцомъ своей народной школы; но намъ кажется, справедливѣе-бы было назвать его „дѣдушкой“. Лютеръ — отецъ реформаціи и протестантства; реформація-же — мать нѣмецкой народной школы. Нѣмецкая народная школа обязана своимъ происхожденіемъ тѣмъ наставленіямъ въ киркѣ нѣмецкаго пастора, которыми протестантскія дѣти были приготавлиемы къ конфирмаціи. Эти конфирмаціонныя наставленія дѣтей, съ начала составлявшія прямую обязанность пасторовъ, скоро перенесены были на ихъ помощниковъ или причетниковъ — звонарей, кистеровъ, сигристовъ. Первоначально, когда, вслѣдствіе весьма ограниченнаго числа лютеранскихъ пасторовъ, приходы были весьма многочисленны и растянуты на значительномъ пространствѣ, пасторамъ дѣйствительно было не подъ силу вести катихизическія наставленія и готовить конфирмантовъ особымъ преподаваніемъ. Вотъ почему не только обычай, но и законодательство скоро возложили эту обязанность на кистеровъ. Такъ, уже липпскій церковный уставъ 1538 года вмѣнялъ кистерамъ въ обязанность религіозное обученіе протестантскихъ дѣтей: „Кистеры въ деревняхъ, гдѣ вѣтъ школъ, должны по воскресеньямъ къ полудню созывать дѣтей и юношей, способныхъ къ ученію, и не спѣша, но постоянно читать имъ маленькій катихизисъ Мартина Лютера, чтобы молодежь не была предана на произволъ судьбы“. Кроме того, кистеру вмѣнялось въ обязанность обучать дѣтей и церковному пѣнію.

¹⁾ Подробнѣе педагогическія воззрѣнія Лютера изложены въ Исторіи Педагогика К. Шмидта, т. III, стр. 17—43.

Само собою понятно, что обученіе дѣтей, вмѣненное въ обязанность лютеранскимъ причетникамъ самымъ церковнымъ законодательствомъ, какъ оно ни было неограничено по своему объему, гораздо удобнѣе было вести въ школѣ, чѣмъ въ киркѣ. И мы дѣйствительно видимъ, что въ протестантскихъ приходахъ школы являются скоро и распространяются весьма быстро. Такому быстрому распространенію школъ въ протестантскихъ приходахъ много содѣйствовало распаденіе протестантства на два вѣроисповѣданія — лютеранское и реформатское. Для удержанія молодежи въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи требовалось точное ознакомленіе съ его догматическими положеніями. Школа является уже конфессіональною. Такимъ образомъ первыя вѣмецкія школы принадлежали къ типу церковно-приходскихъ школъ — въ протестантскомъ конечно смыслѣ. Высшій надзоръ за школою принадлежалъ мѣстному пастору; обученіе велъ причетникъ или кистеръ; объемъ преподаванія былъ не великъ; методы подсказывалъ разумъ учителя; распределеніе уроковъ зависѣло отъ того, что ученики и учитель могли сдѣлать за четыре часа въ день. Такая постановка школы скоро была утверждена и законодательствомъ. Такъ, саксонскій церковный уставъ 1580 года уже содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „всѣ церковные сторожа и сельскіе кистеры обязаны содержать школу и ежедневно тщательно заниматься въ ней по положенному уставу, обучая дѣтей чтенію, письму и христіанскому пѣнію, употребляемому въ церквахъ. Пасторъ долженъ строго слѣдить за этимъ и располагать къ школѣ народъ“. Школу посѣщали дѣти отъ 5 до 12 лѣтъ; пріемъ въ школу происходилъ не въ одинъ опредѣленный срокъ, а въ разное время; онъ зависѣлъ скорѣе отъ дѣтей, чѣмъ отъ учителя. Обученіе въ школѣ происходило только въ зимнее время; лѣтомъ-же, когда и ученикамъ, и учителю нужно было работать въ полѣ, школьныя занятія прекращались. И въ такомъ видѣ вѣмецкая школа долго продолжала свое существованіе, до самой тридцатилѣтней войны.

Само собою понятно, что эта школа ни по внѣшнимъ условіямъ своего существованія, ни по духу и направленію своему, не подходитъ подъ требованія современной, западно-ев-

ропейской педагогики. Теперь для помѣщенія школы требуется известная мѣстность, известное расположеніе классныхъ комнатъ, опредѣленное количество кубическихъ футовъ воздуха, цѣлесообразное устройство классныхъ столовъ и т. д. Ничего подобнаго не знала нѣмецкая народная школа въ первое время своего существованія. Она долго не имѣла даже своего собственнаго домика; она помѣщалась не въ общественныхъ зданіяхъ, какъ теперешнія школы, а въ частныхъ домахъ, въ бѣдной квартиркѣ кистера; по свидѣтельству близко стоявшихъ къ ней лицъ, ей приходилось нерѣдко помѣщаться въ такихъ жалкихъ лачугахъ, въ которыхъ „ученики толпились въ тѣсногѣ вмѣстѣ съ семьей и всѣмъ скотомъ шульмейстера“.

Личность школьнаго учителя тогдашняго времени также не подходитъ подъ требованія новѣйшей нѣмецкой педагогики. Кистеры были люди простые и малоученые. Многие изъ нихъ не умѣли даже ни читать, ни писать. Желая помочь горю, консисторіи, утверждавшія школьныхъ учителей, стали домогаться, чтобы „въ кистеры назначались всегда лица, которыя умѣли бы писать и читать и содержали бы школу хотя и не круглый годъ, а въ теченіи известнаго срока, особенно зимой, съ тѣмъ, чтобы дѣти были хотя въ нѣкоторой мѣрѣ обучены катихизису, письму и чтенію“. Но такъ какъ оказалось не всегда возможнымъ осуществленіе и этого скромнаго требованія, то стали назначать школьными учителями уже не кистеровъ только, но и постороннихъ лицъ. Содержаніе шульмейстеровъ было слишкомъ ограничено: небольшіе церковные доходы кистера, да незначительная помощь отъ прихожанъ зерновымъ хлѣбомъ и другими хозяйственными продуктами. Поэтому понятно, отчего въ кистеры и шульмейстеры не хотѣли поступать порядочные люди; контингентъ ихъ составляли почти исключительно отставные солдаты, пропившіеся ремесленники, да прогнанные за малоуспѣшность и дурное поведеніе изъ латинскихъ школъ школьники. Въ это то время у нѣмцевъ и сложилась известная пословица: „Was nicht zum Pfluge taugt, das taugt immer noch für den Lehrstand“ (т. е., „Что не годится для плуга, то годится все-таки еще для учительскаго сословія“. Конечно, нравственный уровень такихъ учи-

телей не могъ быть высокъ; напротивъ безобразія ихъ часто переступали всякія границы и заставляли школьное начальство принимать надлежащія мѣры. Такъ уже въ Ганноверскомъ церковномъ уставѣ 1581 года внушается кистерамъ и шультмейстерамъ, чтобы они „воздерживались отъ безобразныхъ, обычныхъ въ странѣ кавалерійскихъ рейтузовъ, камзоловъ, ермолокъ и тому подобныхъ костюмовъ, неприличныхъ церковнослужителямъ, и не носили дурныхъ штановъ, камзоловъ, длинныхъ мантий и кафтановъ, а также чтобы они не возставали противъ своего пастора и подчинялись ему въ своей должности, чтобы не были ни наглы, ни легкомысленны, ни также цыганицами и ни иными соблазнительными людьми“. Трудно было отъ такихъ учителей требовать разумныхъ приемовъ преподаванія. Нельзя было внушить имъ и того гуманнаго обращенія съ дѣтьми, какого требовалъ Лютеръ, какъ ни хлопотало объ этомъ школьное начальство. Обыкновенно шультмейстеры старались побуждать дѣтей къ усилѣнному изученію и благонавію самыми простыми и, по ихъ понятію, самыми дѣйствительными средствами—бранью, побоями, угрозами, проклятіями, упреками въ тѣлесныхъ недостаткахъ, колотушками по головѣ, затрещинами, пощечинами, тасканіемъ за волосы, крученіемъ ушей, щелчками по носу и т. п. Школьное начальство имъ казалось слишкомъ либеральнымъ, когда дозволяло учениковъ ставить лишь на колѣни и „сѣчь розгами по задней части тѣла“. Какой характеръ въ старой нѣмецкой школѣ имѣли тѣлесныя наказанія, можно видѣть, наприм., изъ того, что учителю *Гейберле*, славившемуся своимъ мягкимъ обращеніемъ, въ день его пятидесятилѣтняго юбилея, ставили въ заслугу между прочимъ и то, что въ теченіи 52 лѣтъ своей учительской службы онъ, по точной записи наказаній, далъ лишь всего-на-всего 911,527 палочныхъ ударовъ, 124,010 розогъ, 20,989 ударовъ линейкою и такъ называемыхъ лапокъ, 136,715 шлепковъ, 10,235 пощечинъ, 7,905 оплеухъ, 1,115,800 щелчковъ по башкѣ, 22,763 толчка библіею, катихизисомъ и молитвенникомъ; 800,000 розогъ за вокабулы, 76,000 розогъ за библейскіе тексты и пѣсни изъ молитвенника, 777 разъ ставилъ мальчиковъ на колѣни на горохъ, 613 разъ — на трех-

гранное полѣнце, 5,001 разъ надѣвалъ осла, 1,707 разъ заставлялъ держать кверху розги и имѣлъ въ своемъ распоряженіи 3,000 бранныхъ словъ ¹⁾.

Въ такомъ положеніи, какъ мы сказали, нѣмецкія народныя школы продолжали свое существованіе до тридцатилѣтней войны (1618—1648 г.). Эта жестокая и продолжительная война положила было конецъ ихъ существованію. вмѣстѣ съ деревьями погибли было и училища. Народъ, не признававшій еще нужды въ школьномъ обученіи, мало скорбѣлъ о гибели своихъ школъ. Для дѣтей высшихъ сословій еще то здѣсь, то тамъ существовали кое-какія училища. О народномъ же образованіи во всей Германіи и помину не было. Да негдѣ было брать и учителей. Церковные причетники въ это время были настолько невѣжественны, что изъ нихъ лишь крайне немногіе могли кое-какъ брести по книгѣ по складамъ; а умѣющихъ писать почти вовсе нельзя было найти. Что же касается пасторовъ, то они въ это время держали себя слишкомъ далеко отъ народа, и больше заботились о своихъ доходахъ и свѣтскихъ удовольствіяхъ, чѣмъ о народномъ образованіи. Единственною свѣтлою личностію среди этого необъятнаго мрака является только нѣсколько знакомый уже намъ по исторіи пастора Франка, готскій герцогъ *Эрнстъ Благочестивый*. Онъ одинъ признавалъ пользу народнаго образованія, поставленнаго на твердыхъ, нравственно-религіозныхъ, христіанскихъ началахъ. Не смотря на насмѣшки, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, онъ остался вѣренъ самому себѣ и во что-бы то ни стало рѣшился завести повсюду въ своемъ княжествѣ народныя школы, отличавшіяся отъ типа предшествовавшихъ школъ болѣе обширною программю преподаваемыхъ предметовъ и бѣльшимъ отпечаткомъ національнаго характера. Какую постановку своимъ школамъ далъ Эрнстъ Благочестивый, можно видѣть изъ его „Метода или наставленія какъ съ Божіею помощію могутъ и должны быть кратко и полезно обучаемы какъ въ деревняхъ, такъ и городахъ мальчики и дѣвочки низшихъ классовъ учащейся молодежи въ готскомъ княжествѣ“. Благодаря

¹⁾ „Исторія Педагогикъ“ К. Шмидта, т. III, стр. 573.

заботамъ герцога Эрнста, школы въ Готѣ въ началѣ XVIII в. получили уже вполне правильную организацію. Они состояли изъ трехъ классовъ съ одновѣтнымъ курсомъ въ каждомъ. Предметами обученія были: законъ Божій, чтеніе, письмо, *счетъ*, пѣніе и „знаніе разныхъ полезныхъ, частью естественно-научныхъ, частью гражданскихъ и другихъ вещей“; подъ этими „вещами“ слѣдуетъ разумѣть ознакомленіе дѣтей съ растеніями и животными, человѣкомъ, явленіями природы, психологіею, отечественною страной, гражданскими законами и постановленіями, домохозяйствомъ, межевымъ искусствомъ, календаремъ и т. п. Готскія школы отличались строго-нравственнымъ характеромъ и должны были служить по преимуществу религіознымъ цѣлямъ. Поэтому религіозное воспитаніе всегда стояло на первомъ планѣ и на преподаваніе закона Божія всегда назначалось наибольшее количество недѣльных уроковъ. „Дѣтямъ необходимо внушать христіанскій духъ,—говорилъ герцогъ въ своемъ „Методѣ“,—потому что безъ него всякое обученіе окажется тщетнымъ и послужитъ скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу; вотъ почему и слѣдуетъ внушать его дѣтямъ съ крайнимъ усердіемъ и великою ревностію“.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

и

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

(Продолженіе *).

Ричардъ оставилъ послѣ себя не мало послѣдователей своего мистическаго направленія, но эти послѣдователи болѣе или менѣе рабски подражали ему въ примиреніи мистики съ діалектикой. Изъ нихъ представляетъ выдающееся исключеніе по своему враждебному отношенію къ схоластикѣ *Вальтеръ Сентъ Викторъ* († 1173). Къ сожалѣнію, жизнь этого богослова намъ совершенно неизвѣстна и даже необыкновенно важное сочиненіе его „противъ новыхъ ересей“ (*contra novas haereses*) до сихъ поръ въ цѣльномъ видѣ не издано ¹⁾. Это сочиненіе направлено противъ четырехъ главныхъ представителей схоластики: Абеялда, Петра Ломбардскаго, Гильберта Порретанскаго и Петра Питарійскаго; всѣ они рѣшительно осуждаются какъ еретики, вводившіе своихъ современниковъ „въ лабиринты заблужденій“, благодаря Аристо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“. 1887 г. № 23.

¹⁾ Сочиненіе это полюбѣ озаглавивается такъ: *Contra quatuor labyrinthos Franciae, aut Galliae*. Отрывки изъ него приводятся въ изданіи *Historia Universit. Paris. Vuleus t. II. p. 200. 402—562. Real-Encyclop. Herzog B. XVIII s. 548.*

телевской діалектикѣ¹⁾. Разбирая діалектическій методъ схоластиковъ, прилагаемый къ теологіи, ихъ искусственныя ссылки на авторитетъ отцевъ и учителей Церкви, Вальтеръ въ концѣ концовъ рѣзко упрекаетъ схоластиковъ въ томъ, что они свои заблужденія прикрываютъ именемъ другихъ лицъ (*sub aliorum personis limant, aciunt, roborant*) и тѣмъ самымъ стараются несправедливо устранить отъ себя обвиненіе въ ереси. Изъ указанныхъ схоластиковъ Вальтеръ особенно порицаетъ Ломбарда за ссылки на сочиненія святыхъ отцевъ, чтобы доказать значеніе того, что никакъ не можетъ быть принято истиннымъ христіаниномъ. Главнымъ предметомъ своей полемики Вальтеръ поставляетъ опроверженіе возраженій схоластиковъ на догматъ о воплощеніи І. Христа. По его словамъ, всѣ схоластики занимаются частнымъ раскрытіемъ и утвержденіемъ одного ложнаго положенія, выставленнаго Ломбардомъ, будто „Христось, какъ человѣкъ, не есть что-нибудь опредѣленное (*aliquid*).“ Отсюда полемистъ дѣлаетъ выводъ, что „Христось, представленный схоластиками, есть Христось призрачный (*Christus phantasticus*); Онъ не имѣетъ ни истиннаго тѣла, ни истинной души; Онъ принялъ человѣческое тѣло притворно, допустивъ обманчивый фокусъ, какъ чародѣй“. Христось, измышленный схоластиками, уподобляется Вальтеромъ чудовищному „минотавру“, запертому въ лабиринтъ: подобно тому какъ мнѣическій минотавръ не былъ въ собственномъ смыслѣ ни человѣкомъ, ни животнымъ, а былъ только на половину тѣмъ и другимъ: такъ и Христось, по ученію схоластиковъ, не является ни Богомъ, ни человѣкомъ, не смотря на то, что Ему приписывается и божественная и человѣческая природа. Еретики имѣютъ право отрицать такого Христа, потому что Христось, проповѣдуемый схоластиками, въ сущности—„ничто“ (*nihil*) и Ломбардъ потому обвиняется въ догматическомъ нигилизмѣ. Вальтеръ общѣ разбираетъ діалектическій ме-

¹⁾ *Unu spiritu Aristotelico afflatus, dum ineffabilia s. trinitatis, et incarnationis sholastica levitate tractarent, multas haereses olim vomuisse et adhuc errores pullulare.... Baur, Geschichte der Kirche in Mittelalters B. III s. 305. Leipzig 1869.*

тодѣ схоластикомъ въ его приложеніи къ теологіи и доказываетъ, что діалектика можетъ вести только къ познанію формальной истины, а не матеріальной, что своимъ софистическимъ формализмомъ, заключающимся въ искусственной постановкѣ вопросовъ, тезисовъ и антитезисовъ, она колеблетъ вѣру ¹⁾. Полемика Вальтера противъ схоластикомъ заканчивается бранными словами и проклятiями: онъ называетъ ихъ актерами, фиглярами, а аргументы ихъ—пустыми софизмами, воздушными словопреніями. Впрочемъ, какъ мистикъ, Вальтеръ самъ впадаетъ въ крайности, возставая въ концѣ концовъ не только противъ схоластики, но и противъ философіи вообще. Подобно своему предшественнику, въ духѣ Тертуліана и Ермія, Вальтеръ называетъ древнюю философію лжемудрованіемъ (*nulla veritatis saturitas nulla justitiae refectio*). Изъ системъ древнихъ философовъ, по воззрѣнію мистика, почерпаютъ свои заблужденія всѣ еретики, какъ древніе такъ и новые. Безконечнымъ извращеніемъ основныхъ положеній и доказательствъ всѣ философы въ заключеніи отрицаютъ то, что въ началѣ сами полагаютъ въ основѣ своихъ изслѣдованій ²⁾.

Въ болѣе умѣренномъ духѣ слѣдовалъ мистическому направленію викторинцевъ францискавецъ *Бонавентура* ³⁾ 1221—1274). Онъ получилъ широкое богословское образованіе въ Парижѣ, подъ руководствомъ Александра Галеса, и благодаря изученію распространенныхъ въ то время по Европѣ сочиненій Аристотеля, достигъ такой учености, что скоро

¹⁾ *Invicem destruunt, invicem concedunt, aut alterum ex altera sic excludunt, ut utrumque negent. Ibid. 306.*

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Первоначально Бонавентура носилъ имя Іоанна Фиданца. Это имя было дополнено новымъ прозваніемъ по слѣдующему обстоятельству. Говорятъ, Іоаннъ Фиданца на четвертомъ году отъ рожденія опасно заболѣлъ, но по молитвамъ Франциска успѣлъ выздоровѣть. Послѣ продолжительной разлуки, Францискъ встрѣтилъ знакомаго юношу и нашедши его совершенно здоровымъ, призналъ встрѣчу съ нимъ добрымъ предзнаменованіемъ, почему невольно воскликнулъ: „о *buonne ventura!*“ Съ этого времени Іоаннъ Фиданца сталъ носить прозваніе Бонавентуры, которое греки перемѣнили на Евтихія. *Real-Encyclop. Herzog. V. II, 290.*

сталъ соперничать съ Томою Аквинатомъ, знаменитымъ представителемъ ордена доминиканцевъ; въ одно время съ послѣднимъ (1253) онъ получилъ степень доктора богословія. Но строгіе мистико-аскетическіе подвиги доставили Бонавентурѣ еще бѣльшую славу, чѣмъ его ученость. Отъ природы болѣзненный, Бонавентура рано проявилъ мистическія склонности. Если можно основываться на показаніи католическихъ историковъ, то крайнее самоуничженіе составляло характерную особенность Бонавентуры. Онъ считалъ себя великимъ грѣшникомъ, недостойнымъ того, чтобы дышать воздухомъ и ходить по землѣ. Размышленіе о язвахъ, полученныхъ на крестѣ Спасителемъ, постоянно занимало его, давало главное направленіе его мыслямъ и дѣйствіямъ и воспламеняло необыкновенною любовью ко Христу. Онъ воображалъ, что имя Христа написано во всемъ, что читалъ. Представленіе о безконечной благодати Искупителя, страдавшаго за человечество, такъ трогало Бонавентуру, что глаза его постоянно наполнялись слезами. Крестъ, носимый на груди, чувственно побуждалъ Бонавентуру представлять себѣ искупленіе средоточіемъ божественной мудрости. Когда Тома Аквинатъ однажды спросилъ знаменитаго мистика, изъ какихъ книгъ онъ почерпалъ знаніе, послѣдній, показывая свой крестъ, отвѣчалъ: „вотъ источникъ, изъ котораго я почерпаю свои знанія. Я изучаю Іисуса, распятаго на крестѣ“¹⁾.

Рядомъ съ мистико-аскетическими склонностями у Бонавентуры шли и практическія нравственно-преобразовательныя стремленія, имѣвшія цѣлю исправленіе недостатковъ католичества. Сдѣлавшись генераломъ ордена францисканцевъ, Бонавентура обратилъ вниманіе на крайній нравственный упадокъ его, и пытался возстановить орденъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при своемъ основателѣ Францискѣ. Въ одномъ изъ своихъ посланій онъ рѣзко порицаетъ членовъ своего ордена за то, что они всѣми способами добываютъ деньги, измѣняя въ этомъ случаѣ глав-

¹⁾ Histoire de l'Église par Rohrbacher. t. VIII, p. 124.

ному обѣту Франциска—соблюденію нищеты, что они немѣренно и неразумно заботятся о внѣшнемъ великолѣпнѣ монастырскихъ построекъ, подвергаясь дурнымъ отзывамъ набожныхъ людей,—что вынуждаютъ всякаго рода пожертвованія въ пользу ордена по духовнымъ завѣщаніямъ и вызываютъ противъ себя негодованія со стороны священниковъ и клириковъ,—что входятъ въ непозволительныя сношенія съ подозрительными мірянами, подрывая свою собственную нравственную репутацію, — что предаются праздному созерцательному настроенію, или безъ нужды мѣняютъ мѣста и ведутъ скитальческую жизнь ¹⁾. Не видно, впрочемъ, изъ дальнѣйшей исторіи францисканскаго ордена, чтобъ заботы Бонавентуры объ его улучшеніи имѣли какой-нибудь успѣхъ. Да и самъ Бонавентура не проявлялъ настойчивости и послѣдовательности въ своихъ преобразовательныхъ планахъ. вмѣсто того, чтобы идти по намѣченному разъ пути, онъ сталъ защищать орденъ отъ нападковъ со стороны разныхъ лицъ и искусственно думалъ возстановить подорванную добрую репутацію его. Въ XIII в. нищенствующіе монахи подверглись сильнымъ нападкамъ со стороны парижскаго университета. Одинъ изъ ученыхъ, Вильгельмъ Сентъ-Амурскій въ особомъ сочиненіи разоблачилъ ихъ разнообразныя злоупотребленія и выставилъ ихъ предъ современнымъ обществомъ какъ враговъ науки и главныхъ виновниковъ безнравственности. Но Бонавентура принялъ на себя въ этомъ случаѣ роль апологета францисканцевъ и достигъ того, что папа Александръ IV въ 1256 г. осудилъ сочиненіе Вильгельма „объ опасностяхъ послѣдняго времени“ (*de periculis novissimorum temporum adversus mendicantes ordines*), а самаго автора, какъ еретика, приговорилъ къ изгнанію изъ Франціи. Понятно, что восторжествовавшіе надъ своимъ врагомъ нищенствующіе монахи должны были питать особую признательность къ Бонавентурѣ и благодаря имъ, слава его, какъ ученаго и святаго, болѣе и болѣе возростала. Климентъ IV предложилъ Бонавентурѣ кафедру Іоркскаго архі-

¹⁾ Ibid. 144. Neander Allgemeine Geschichte der Chr. Religion VII, s. 374.

епископа, отъ которой онъ однако отказался. Преемникъ Климента, Григорій X назначилъ Бонавентуру председателемъ Ліонскаго собора (1274 г.), съ цѣлю при содѣйствіи такого авторитетнаго богослова подвинуть успѣшнѣе дѣло уніи. Но въ слѣдующемъ году Бонавентура умеръ отъ крайне напряженныхъ трудовъ и отъ чрезмѣрнаго аскетизма. Смерть его, какъ лучшаго представителя католической церкви, вызвала глубокую и искреннюю печаль у современниковъ. Уже при жизни Бонавентуры сложилось мнѣніе, что онъ былъ „чуждъ грѣха“ (*in fratre B. Adamus non recessasse, videtur*), а по смерти въ 1482 году онъ былъ признанъ Сикстомъ IV святымъ и какъ „серафимскій докторъ“ (*seraphicus doctor*) причисленъ къ числу величайшихъ учителей католической церкви ¹⁾.

Бонавентура, какъ мы уже замѣтили, получилъ обширное образованіе: онъ основательно изучилъ сочиненія св. Діонисія Ареопагита, бл. Августина и западныхъ мистиковъ; былъ также знакомъ съ философскими сочиненіями Платона и Аристотеля. Но богословское міросозерцаніе его не имѣетъ надлежащей устойчивости: онъ то склоняется къ схоластикѣ, подъ вліяніемъ особенно Аристотельскаго реализма, то — къ мистикѣ, подъ вліяніемъ Платоновскаго идеализма и личныхъ природныхъ наклонностей. Мистическое міросозерцаніе беретъ въ немъ однако перевѣсъ надъ схоластическимъ. И если мысли, составляющія плодъ теософіи, у Бонавентуры больше, чѣмъ у кого-нибудь изъ предшественниковъ, облекаются въ діалектическую форму, то въ этомъ отношеніи онъ во всякомъ случаѣ стоитъ выше современныхъ ему схоластическихъ теологовъ, особенно по своимъ религіозно-назидательнымъ цѣлямъ. Мѣткая оцѣнка богословствованія Бонавентуры сдѣлана была въ свое время канцлеромъ парижскаго университета Жерсономъ. По его словамъ, „изъ всѣхъ средневѣковыхъ католическихъ теологовъ Бонавентура болѣе всѣхъ способенъ освѣтити умъ и согрѣти сердце. Сочиненія его, мнѣ кажется, особенно важны для назиданія вѣрующихъ. Въ нихъ раскрываются ис-

¹⁾ Bohrbacher VIII, 122.

тины вѣроученія и нравоученія положительно въ духѣ вѣры и благочестія. Въ нихъ нѣтъ ни пустыхъ діалектическихъ вопросовъ, ни мелочныхъ тонкостей, которыя мы видимъ въ сочиненіяхъ современныхъ ему богослововъ. Вообще-же, мнѣ кажется, никто изъ теологовъ не раскрывалъ ученія болѣе возвышеннаго, божественнаго, спасительнаго и назидательнаго, какъ Бонавентура¹⁾.

Мистическія сочиненія Бонавентуры представляютъ много общаго съ сочиненіями его предшественниковъ. Такъ, въ подражаніе Гуго С.-Виктору онъ написалъ діалогъ (*Soliloquium*), въ которомъ указываются побужденія для души посредствомъ познанія видимаго міра и путемъ самопознанія стремиться къ созерцанію Божества. Въ подражаніе Ричарду С.-Виктору Бонавентура написалъ сочиненіе „о семи степеняхъ созерцанія“ (*de septem gradibus contemplationis*), въ которомъ къ указаннымъ Ричардомъ шести степенямъ присоединяется еще высшая, имѣющая такое отношеніе къ первымъ (низшимъ степенямъ), какое имѣетъ суббота по отношенію къ шести днямъ творенія, предназначаемымъ для трудовъ и которая потому должна посвящаться праздничному покою, состоящему во всецѣломъ погруженіи души въ Бога и въ преобразованіи ея въ Богѣ. Главнѣйшимъ-же сочиненіемъ Бонавентуры нужно признать „Путь ума къ Богу“ (*Itinerarium mentis ad Deum*), въ которомъ систематически изображаются всѣ разнообразныя средства, возвышающія человѣка по семи степенямъ къ непосредственному созерцанію Божества²⁾.

Исходнымъ началомъ міросозерцанія Бонавентуры служитъ его взглядъ на состояніе человѣка по грѣхопадению. Человѣкъ, по ученію Бонавентуры, по первоначальному устройству природы, былъ предназначенъ къ покою созерцанія, мѣсто для котораго отведено было ему Богомъ въ раю сладости; но вслѣдствіе паденія въ природѣ его обнаружилась порча: она проявилась въ невѣдѣніи и алчности. Возстановленіе ея совер-

¹⁾ Ibid. 238. Iogannes Gerson von I. B. Schwab Würzburg 1858 s. 305.

²⁾ Bonaventurae opp. ed. hugd. 1668 t. VII p. 125—246. Real-Erzycl. Von Herzog II B. s. 291—294 ed. 1854.

шается при посредствѣ Иисуса Христа: противъ алчности Онъ далъ врачество въ благодати, противъ невѣдѣнія—въ истинѣ. Истина открыта намъ въ троякой теологіи—символической, положительной и мистической. Символическая теологія учитъ правильному пользованію чувственными предметами, положительная—возводитъ къ познанію сверхчувственныхъ или духовныхъ предметовъ а мистическая—возводитъ къ Высочайшему Премудрому Существу, исторгая насъ изъ собственной личной природы для единенія съ Нимъ. Объективными источниками первыхъ двухъ родовъ знанія могутъ служить до извѣстной степени механическія искусства и философія, но истиннымъ источникомъ послѣдняго знанія должно служить св. Писаніе. Изъ него только мы можемъ узнать то, что исходитъ отъ Отца свѣтовъ и что превышаетъ нашъ разумъ. При пониманіи его необходимо руководствоваться тремя методами: историческимъ, аналогическимъ и тропологическимъ: первый отвлекаетъ душу отъ земнаго, второй оживляетъ ее небеснымъ, третій руководитъ къ вѣрѣ и управляетъ дѣйствіемъ. Однако истинное пониманіе его достигается не путемъ умозаключеній, опредѣленій и разграниченій, но *при божественномъ свѣтѣ, озаряющемъ человека*. Въ субъективномъ отношеніи со стороны человѣка для уразумѣнія истины и преображенія благодатию требуются—молитва, благочестіе, размышленіе и созерцаніе. Размышленіе, возбуждаемое молитвою и благочестивою жизнію, возводитъ умъ къ созерцанію Высшаго Существа чрезъ семь степеней, при посредствѣ шести духовныхъ органовъ ¹⁾.

На первой низшей степени размышленія міръ является зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ свойства Божественнаго Существа. Наблюденіе надъ разнообразными чувственными предметами возвышаетъ духъ къ размышленію о могуществѣ, мудрости Бога, какъ Существа Духовнаго, Незмѣняемаго, Вѣчнаго, Живаго и дѣятельнаго. На второй степени размышляющій углубляется во внутренніе законы природы видимой и заключаетъ, что эти законы неизмѣнны, установлены премудрымъ

¹⁾ Itinerarium mentis ad Deum ibid. c. 1, p. 126, t. VII.

Художникомъ по вѣчному искусству (in arte aeterna). Здѣсь предметы разсматриваются не въ ихъ только матеріальныхъ основахъ, но въ неизмѣнныхъ формахъ и послѣднія уясняютъ для насъ идею о Богѣ — форму формъ, движущую вещи. На третьей степени размышленія Богъ познается въ нашей душѣ. Путемъ самоуглубленія мы открываемъ въ себѣ три силы (memoria, intellectus et voluntas), служація образами трехъ Лиць Пресвятыя Троицы, какъ въ ихъ ипостасныхъ свойствахъ, такъ и въ субстанціальномъ единствѣ. На четвертой степени размышленія Богъ познается внутреннимъ опытомъ въ духѣ человѣческомъ, какъ своемъ совершеннѣйшемъ зеркалѣ. Это совершается при восстановленіи въ насъ омраченнаго грѣхомъ образа Божія. Образъ Божій восстанавливается, при содѣйствіи Иисуса Христа, тремя богословскими добродѣтелями — вѣрою, любовію и надеждою: ими духъ очищается, освящается и усовершенствуется; эти добродѣтели приводятъ насъ къ общенію со Христомъ столь осязательному, сколь осязательны бывають чувственныя предметы, наблюдаемыя нами. *Вѣра затмѣваетъ для души органъ зрѣнія и слуха, ибо ею мы слышимъ и видимъ славу и свѣтъ Христа; любовь затмѣваетъ органы обонянія и осязанія, ибо ею обоняется и осязается всплощенное Слово и въ экстазѣ всецѣло обнимается.* Теперь духъ дѣлается способнымъ къ восторгамъ духовнымъ (ad mentales excessus), которое Бонавентура, подражая Ричарду, представляетъ въ трехъ формахъ: въ видѣ молитвеннаго восхищенія, удивленія и пламеннаго воодушевленія (exultatio). Но такихъ восторговъ духъ удостоивается не безъ посредства ангеловъ: они возобновляютъ въ насъ образъ Божій и чрезъ разсматриваніе себя позволяютъ намъ *видѣть Бога такъ, какъ Онъ въ нихъ отражается.* На пятой степени созерцанія Богъ открываетъ Себя въ духѣ свѣтомъ вѣчной истины, при которомъ самъ духъ непосредственно получаетъ свою совершеннѣйшую свѣтоносную форму¹⁾. На первыхъ двухъ степеняхъ

¹⁾ Deus immediate influit in mentem et propterea ipsa mens immediate a prima veritate formatur. In Sent. 2, dist 1. Dogn 113. Breviloquium pars. V, cap. 1—2, 3.

размышляющій стоитъ въ предверіи храма, на двухъ слѣдующихъ — во святилищѣ его; двумя послѣдующими входитъ во Святая Святыхъ. Какъ на ковчегѣ завѣта стоятъ херувимы, осѣняющіе крыльями крышку ковчега, такъ божественные способы озаренія, представляющіеся на пятой и шестой степени созерцанія, осѣняютъ Трипостасное Божество. Размышляющій, при озареніи свѣтомъ, склоняетъ свой взоръ предъ благодатнымъ престоломъ и на послѣднихъ двухъ степеняхъ созерцаетъ какъ Бога въ Себѣ Самомъ, такъ и тайну воплощенія Сына, какъ троичность Лицъ, такъ чудо отношенія двухъ природъ во Христѣ — единствѣ ипостаси при двойствѣ естества. За этими шестью степенями, какъ за шестью днями творенія, слѣдуетъ день покоя. Достигнуть послѣдней степени созерцанія значитъ забыть все и себя, умереть для внѣшняго міра, отказаться отъ всякихъ собственныхъ мыслей и всецѣло съ безпредѣльною ревностію погрузиться въ Бога и преобразоваться. Это необыкновенное таинственное состояніе доступно только тому, кому это дано свыше. Ты желаешь знать, какъ это можетъ совершиться? Пусть это откроетъ тебѣ божественная благодать, а не наука; пусть въ этомъ наставитъ тебя Небесный Женихъ, а не учитель,—Богъ, а не человѣкъ, свѣтъ, а не мракъ, и не свѣтъ, а огонь всевозжигающій, и тебя въ пламени уносящій въ Бога. Этотъ огонь—Богъ; Его печь — во Іерусалимѣ, а возжигаетъ ее Христосъ пламенемъ Своей крови. Истинно знаетъ ее тотъ, кто взываетъ: душа моя жаждетъ отрѣшиться и тѣло мое ищетъ смерти (Іова 7, 15). Кто любитъ эту смерть, тотъ можетъ созерцать Бога. Вѣрно и истинно сказано: никто не будетъ живъ, кто меня не узритъ (Исх. 33, 20). Такъ намъ попускается умереть и вѣдриться въ мракъ, прекратить всѣ заботы, желанія и представленія и съ Распятымъ изъ этого міра идти къ Отцу и когда намъ Отецъ откроется, взывать съ Филиппомъ: „довольно намъ“¹⁾.

¹⁾ Itin. cap. VI Preger Geschichte der d. Mystik B. 1. S. 259.

Съ представленною нами мистическою гносеологіею Боавентуры мало миряется его частныя догматическія воззрѣнія, въ которыхъ онъ въ большей степени, чѣмъ предшествующіе теософы, склоняется къ католичеству, а въ ученіи

IV.

Мистическое движеніе въ западно-европейскомъ обществѣ въ XII и XIII вв.—Причины, благопріятствовавшія этому движенію: злоупотребленія папъ; религіозно-нравственныя недостатки, замѣчаемыя въ духовенствѣ и мірянахъ; крестовые походы и монашескіе ордена.—Женщины, какъ представительницы популярной мистики.—Общія формы мистическаго настроенія женщинъ.—Выдающіяся представительницы мистики въ средѣ женщинъ: а) по субъективному религіозно-фантастическому настроенію; б) по умѣреннымъ практическимъ преобразовательнымъ стремленіямъ и в) по склонности къ протестантскимъ и пантистическимъ заблужденіямъ.—Общія выводы объ особенностяхъ церковной мистики.

Научное богословское мистическое направленіе не могло не отразиться въ большей или меньшей степени на религіозномъ міросозерцаніи и жизни всего западно-европейскаго общества. Не смотря на то, что въ средніе вѣка вся вообще ученость сосредоточивалась въ духовномъ сословіи, которое по образованности занимало особое привилегированное положеніе и въ значительной степени злоупотребляло имъ, дѣлая свои научныя богословскіе труды по тяжелому латинскому языку недоступными для народа: тѣмъ не менѣе съ XII в., подъ вліяніемъ общаго религіознаго возбужденія, служившаго результатомъ крестовыхъ походовъ, лучи просвѣщенія, хотя и слабо, начинаютъ проникать въ среду общества. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ періодъ крестовыхъ походовъ лица, принадлежавшія къ высшему феодальному сословію, съ раннихъ лѣтъ начинаютъ получать образованіе въ религіозномъ духѣ. Программа этого образованія была, конечно, не сложна: изученіе латинскаго языка, чтеніе библіи и произведеній церковныхъ писателей исчерпывали ее. Такое образованіе получали не только лучшіе рыцари, но и знатныя женщины, пользовавші-

о чистилищъ и папствъ даже упреждаетъ нѣкоторыхъ изъ схоластиковъ. Это можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго положенія. *Pontifex summus ac plenus Christi vicarius, origo et regula cunctorum principatum ecclesiasticorum, a quo tanquam a summo dirivatur ordinate potestas usque ad infima membra. Brevil. pars 6 cap. 12.* Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ догматическихъ воззрѣніяхъ, онъ примыкаетъ къ мистикамъ. Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что Бонавентура, подобно Бернарду Клервосскому, осуждаетъ введеніе въ католической церкви догмата о непорочномъ зачатіи Богоматери. *Dogmengeschichte der mittleren Zeit von Fr. Schwane* с. 418 Freiburg 1882.

яся, быть можетъ, для этого своимъ обильнымъ досугомъ, при своей уединенной жизни. Въ числѣ произведеній церковныхъ писателей могли возбуждать большое сочувствіе по простотѣ формы, по религіозно-назидательному характеру, сочиненія мистиковъ. Достоверно извѣстно, что въ средніе вѣка въ особенномъ употребленіи были сочиненія Бернарда Клервосскаго, оказывавшаго необыкновенное вліяніе на ходъ событій своею практическою дѣятельностію. Подъ вліяніемъ такого рода сочиненій развивалось въ обществѣ религіозное мистическое настроеніе, къ которому были предрасположены лица, обладавшія отъ природы сильнымъ религіознымъ чувствомъ, иногда возвышавшимся до крайней напряженности, вслѣдствіе бѣдственныхъ условій семейной жизни, или неблагопріятныхъ общахъ условій. И вотъ, мы видимъ въ высшей степени важное и любопытное явленіе въ жизни средневѣковаго общества, въ періодъ крестовыхъ походовъ: это—усиленное проявленіе религіознаго экстатического настроенія, охватывающее лицъ разныхъ положеній, половъ и возрастовъ. Настроеніе это выражалось своеобразно въ міросозерцавіи и жизни лицъ, преданныхъ ему и составляло основаніе мистикѣ *популярной*—народной, развивающейся параллельно съ научною теософіею. Въ популярной мистикѣ мы замѣчаемъ тоже стремленіе къ удовлетворенію высшихъ духовныхъ потребностей путемъ уясненія важнѣйшихъ вопросовъ религіознаго знанія, какое мы видѣли въ научныхъ теософскихъ трудахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней сказывается болѣе непосредственное отношеніе къ жизни, къ современной практической дѣятельности. Жизнеописанія женщинъ—мистиковъ и письменные труды нѣкоторыхъ изъ нихъ показываютъ намъ, что они заняты были не столько теоретическимъ рѣшеніемъ общихъ вопросовъ, сколько мыслями и заботами объ устраненіи ненормальныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ общественной и церковной жизни и стремленіемъ отыскать новые способы къ достиженію совершенства независимо отъ тѣхъ, какіе указывались Церковію и испытать значеніе ихъ своимъ личнымъ опытомъ—своею собственною жизнью. При этомъ естественно популярная мистика, если и придерживалась того-же церковнаго направленія, какому слѣдовала науч-

ная мистика, но была болѣе склонна къ крайностямъ, чѣмъ послѣдняя. Тогда какъ ученые теософы находили возможнымъ для избранныхъ лицъ слѣдовать указываемымъ ими идеаламъ, а сами въ своей жизни были болѣе или менѣе сдержанны,— мистики, не посвященные въ тайны теософіи, самоувѣренно сами себя признавали за избранныхъ людей и проходили всѣ степени высшей мистической жизни: погружались въ экстазъ, мечтали о томъ, что удостоиваются видѣній, пророчествъ и т. п.

Много было причинъ, благопріятствовавшихъ такого рода мистическому настроенію общества. Римскіе папы въ періодъ крестовыхъ походовъ преимущественно занимались преслѣдованіемъ своихъ высшихъ теократическихъ цѣлей и личныхъ интересовъ. Встрѣчая себѣ главное препятствіе въ осуществленіи такихъ цѣлей особенно со стороны германскихъ императоровъ, они вступаютъ съ ними въ ожесточенную борьбу, дѣйствуя противъ своихъ опасныхъ и сильныхъ противниковъ вооруженною силою, при посредствѣ союзныхъ ломбардскихъ городовъ, путемъ тайныхъ интригъ, путемъ церковныхъ отлученій—экскоммуникацій и интердиктовъ, которымъ съ беспощадною жестокостію и несправедливостію подвергались наравнѣ съ владѣтельными лицами, находившимися во враждѣ съ папами и низшіе классы народа, живущіе на ихъ земляхъ. Католическая іерархія, увлеченная своимъ необыкновенно высокимъ и независимымъ положеніемъ, въ какое была поставлена, благодаря усиліямъ Григорія VII и Иннокентія III, проявляла горделивое и деспотическое отношеніе къ мірянамъ. Ее занимали не заботы о паствѣ, а личные заботы о своихъ выгодахъ: преданность роскоши и нравственная распущенность стали самыми чувствительными недугами ея, для излеченія которыхъ тщетно придумывались различныя средства на часто созываемыхъ соборахъ. Міряне, лишеныя благотворнаго религіозно-нравственнаго руководства со стороны іерарховъ, не могли имѣть ни истиннаго пониманія догматовъ вѣры, ни твердыхъ началъ нравственности. Религіозность ихъ сводилась къ механическому выполненію обрядовъ, а потому легко мирилась съ грубыми суевѣріями и предразсудками, не давая средствъ къ обузданію чувственности и грубой физической силы.

Удивительно-ли, что сознаніе такого рода ненормальныхъ явленій въ католической церкви побуждало лучшихъ людей средневѣковаго періода прибѣгать къ суровымъ аскетическимъ подвигамъ для достиженія высшаго совершенства, а потомъ къ экстатическимъ порывамъ, въ которыхъ проявлялось то усиленное чувство скорби, при представленіи о мрачной дѣйствительности, то напряженное блаженное чувство—подъ вліяніемъ испытываемыхъ откровеній и духовныхъ восторговъ?

Развитію такого мистическаго настроенія въ лучшихъ людяхъ западно-европейскаго общества много содѣйствовали крестовые походы. Римскіе папы, задумавшіе крестовые походы ради своихъ личныхъ цѣлей, возбуждали мистическое настроеніе въ обществѣ тѣмъ, что искусственно старались экзальтировать религіозное чувство, указывая на крестовые походы, какъ на предпріятіе самое священное, богоугодное, которое одно только могло очистить отъ тяжкихъ грѣховъ и доставить спасеніе въ будущей жизни. Папы успѣли достигнуть своей цѣли: мысль о томъ, что крестовые походы представляютъ предпріятіе Богоугодное, встрѣчена была съ энтузіазмомъ всѣми націями и вызвала общее неосмысленное увлеченіе тѣмъ, что въ сущности было суетнымъ дѣломъ человѣческимъ. Крестоносцы, выслушавъ проповѣдь Урбана II о крестовомъ походѣ, воскликнули единогласно: „такъ Богу угодно!“ И этотъ крикъ раздавался не только въ городѣ Клермонтѣ—сборномъ пунктѣ крестоносцевъ, но даже въ сосѣднихъ городахъ ¹⁾. Никогда еще человѣческое краснорѣчіе не имѣло такого необыкновеннаго дѣйствія на людей, какъ въ это время: отечественные интересы, семейныя узы, личное достояніе и жизнь были принесены многими націями въ жертву тому предпріятію, которое выставлялось богоугоднымъ. Но одно заблужденіе повело за собою другое, заключающееся въ грубомъ суевѣрномъ убѣжденіи, имѣющемъ до извѣстной степени характеръ мистическій, что дѣло, задуманное для Бога, можетъ имѣть успѣхъ даже безъ надлежащихъ усилій человѣка, безъ употребленія съ его стороны цѣлесообразныхъ мѣръ. Крестоносцамъ казалось, что

¹⁾ Histoire des Croisades par Michaud ed. 1867. t. 1 p. 54.

стоитъ съ вѣрою направиться ко гробу Господню и Палестина, находящаяся въ рукахъ невѣрныхъ, будетъ взята безъ особыхъ усилій. Этимъ суевѣріемъ объясняется участіе въ первомъ крестовомъ походѣ массы лицъ разнаго пола и возраста, неспособныхъ къ войнѣ: дряхлыхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Особенно-же суевѣрное мистическое отношеніе къ крестовымъ походамъ выразилось въ походѣ дѣтей, предпринятомъ въ 1212 году. Начало этому походу было дано въ графствѣ Анжу, въ жителяхъ котораго существовало твердое убѣжденіе, что Богъ, открывшій младенцамъ то, что утаилъ отъ премудрыхъ, увѣнчаетъ успѣхомъ подвигъ дѣтей. И вотъ, собрано было до 30,000 дѣтей, которыя на корабляхъ изъ Марселя были отправлены моремъ въ Палестину для освобожденія Іерусалима. Само собою разумѣется, что эти несчастныя жертвы фанатизма погибли всѣ, не видавъ Палестины: они частію потонули, а частію были проданы въ рабство.

Крестовые походы вмѣстѣ съ тѣмъ подготовили благопріятную почву для вѣры въ высшія откровенія. До какой степени это фавтастическое настроеніе простиралось во время крестовыхъ походовъ можно видѣть изъ того, что народныя массы были расположены видѣть особыя знаменія и чудеса въ самыхъ обыкновенныхъ естественныхъ явленіяхъ природы. По словамъ извѣстнаго историка Мишо „воображеніе народа видѣло въ это время столько чудесъ, что повидимому вся природа была призвана провозглашать волю Божию о томъ, что въ сущности было суетнымъ человѣческимъ вымысломъ. Видѣли звѣзды, падающіе съ неба на землю, тысяча неизвѣстныхъ огней показывалась въ воздухѣ и превращала ночь въ день, кровавыя облака вдругъ показывались на горизонтѣ отъ востока къ западу; грозная комета появилась на югѣ: форма ея была форма меча. Видѣли въ высшихъ сферахъ небснаго пространства города съ укрѣпленіями, арміи готовыя къ битвѣ“ ¹⁾.

Религіозная экзальтація, служившая одною изъ причинъ увлеченія крестовыми походами, повела также къ необыкновенному развитію монашества, которое, подъ вліяніемъ духа

¹⁾ Histoire de Croisades par Michaud t. 1 p. 62.

времени и указанныхъ условій, выставило изъ среды себя не мало лицъ, преданныхъ мистицизму. Обыкновенно монашескій мистицизмъ былъ слѣдствіемъ чрезмѣрнаго аскетизма. Въ западныхъ монастыряхъ не мало было лицъ, которыя, подобно Бернарду Клервосскому, переходили отъ чрезмѣрныхъ аскетическихъ подвиговъ къ внутренней созерцательной жизни, исполненной противоположныхъ крайностей. Такіе монахи, имѣя въ виду подавленіе своихъ страстей, начинали аскетическую жизнь безпощаднымъ самобичеваніемъ, терзаніемъ своего тѣла различными искусственными средствами, а потомъ, обезсиливъ отъ подобныхъ крайнихъ подвиговъ, имѣвшихъ часто характеръ не столько христіанскій, сколько языческій, впадали въ восторженное мистическое настроеніе духа: частые экстазы отрывали ихъ отъ міра дѣйствительнаго и вводили въ другой фантастическій идеальный міръ видѣній. И въ этомъ мірѣ они жили вполне реально: мечтали о непосредственныхъ сношеніяхъ со святыми, съ Ангелами и даже съ Господомъ; получали высшія откровенія, имѣющія отношеніе не только къ людямъ и явленіямъ дѣйствительнаго міра, но даже къ самымъ возвышеннымъ догматамъ вѣры, или же самоувѣренно увлекались мечтою о достиженіи высшаго идеала совершенства, впадали въ праздный квіетизмъ, оправдывая его ложнымъ ученіемъ объ излишествахъ добрыхъ дѣлъ и всякихъ внѣшнихъ церковныхъ средствъ.

Съ особенною силою проявился такой мистицизмъ въ женскихъ монастыряхъ. Это объясняется какъ тѣмъ, что эти монастыри не подлежали необходимому контролю со стороны высшей католической іерархіи и лишены были необходимаго руководства въ своей жизни ¹⁾, такъ еще болѣе природными

¹⁾ Здѣсь мы разумѣемъ монахинь, принадлежавшихъ къ ордену францисканскому и доминиканскому, которыя пользовались широкими привилегіями и особенно Бегвинокъ. Бегвинками назывались женщины, жившія въ частныхъ домахъ, которыя только на-половину выполняли монашескіе подвиги: онѣ питались милостынею или добывали средства частнымъ трудомъ, добровольно посвящали себя безбрачію, въ извѣстныя часы (подобно нашимъ штундистамъ) собирались для общей молитвы, или для бесѣдъ о релігіозныхъ предметахъ, но большую часть времени жили свободно, пользуясь нерѣдко богатыми сред-

индивидуальными особенностями женщинъ, которыя, по преобладанію религіознаго чувства, могли легко склоняться къ увлеченіямъ въ религіозно-нравственной сферѣ, скоро могли обезсилить отъ суровыхъ аскетическихъ подвиговъ, и глубоко погружаться въ субъективныя мистическія иллюзіи.

Насколько вообще въ XIII вѣкѣ были расположены женщины къ мистицизму и въ какихъ разнообразныхъ формахъ онъ проявлялся въ нихъ, лучшее свидѣтельство объ этомъ даетъ намъ епископъ тулузскій Фулько. Въ 1212 году онъ нашелъ въ Люттихскомъ епископствѣ такое число женщинъ-экстатиковъ, что какъ будто онъ пришелъ въ неизвѣстную ему обѣтованную землю. Яковъ Витрійскій описываетъ экстатическое состояніе женщинъ въ такихъ чертахъ. „Однѣ изъ нихъ, говоритъ онъ, имѣли даръ читать въ душахъ людей грѣхи, скрываемые отъ духовниковъ на исповѣди. Иныя, тоскуя непрестанно о своемъ Небесномъ Женихѣ, ослабѣвали до того, что въ теченіе многихъ лѣтъ не могли подниматься съ постели. Однѣ обладали такою чувствительностію, что у нихъ во время молитвы неудержимо лились слезы цѣлыми потоками и слѣды этихъ слезъ часто видны были на лицѣ послѣ молитвы; иныя чувственно ощущали въ себѣ вкусъ меда, когда сердце ихъ переполнялось духовною сладостію, при мысленномъ наслажденіи горимъ отечествомъ. У нѣкоторыхъ духовная тоска по горнемъ отечествѣ была до такой степени велика, что онѣ, находясь какъ-бы въ состояніи опьяненія, утрачивали чувство зрѣнія и слуха, такъ что не могли воспринимать впечатлѣній

ствами. Такое общество Бегвинокъ впервые было основано Ламбертомъ Бегге (Lambertus Beghe) въ Бельгіи въ 1187 г. для содѣйствія религіозно-нравственному улучшенію низшихъ классовъ. Скоро оно распространилось и въ другихъ странахъ. Въ Кельнѣ около 1250 г. насчитывалось до 1000 Бегвинокъ. Въ Страсбургѣ въ 13 и 14 вв. было до 40 бегвинскихъ домовъ. Своею свободою онѣ гордились прѣдъ монахами, говоря, что „лучше желаютъ быть на дѣлѣ цѣломудренными, чѣмъ хвалить цѣломудріе, лучше желаютъ подчиниться добровольному рабству, чѣмъ навсегда обречь себя въ неволю“. Но это общество рано стало впадать въ крайній мистицизмъ и папы поздно поняли свою ошибку, позволяя учрежденіе такихъ обществъ въ разныхъ мѣстахъ. (Mosheim de Beggardis et de Beghinabus commentarius heips 1790 p: 105—114. Preeger B. 1. s. 4—5).

отъ вѣшняго міра. Потомъ божественная радость такъ охватывала и одѣпѣняла ихъ чувства, что никакой крикъ не могъ ихъ пробудить и онѣ не испытывали никакой боли даже тогда, когда тѣло ихъ сильно кололи⁴. Объ одной изъ такихъ женщинъ рассказываетъ Яковъ Витрійскій, что она двадцать пять разъ приходила въ безсознательное экстатическое состояніе и послѣ своихъ восторговъ дѣлалась какъ-бы полумертвою, такъ что многіе удивлялись, какъ она могла жить¹⁾.

Это общее свидѣтельство подтверждается частными фактическими данными. Въ жизнеописаніяхъ католическихъ святыхъ мы не мало встрѣчаемъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что многія изъ женщинъ, извѣстныхъ своею строгою жизнію, въ большей или меньшей степени были склонны къ мистицизму. Если обратимъ вниманіе на созерцаніе и жизнь женщинъ-мистиковъ, то мы замѣтимъ, что онѣ, сходясь между собою въ общемъ ортодоксальномъ направленіи, различались другъ отъ друга нѣкоторыми частными особенностями. По этимъ особенностямъ ихъ можно раздѣлить на три категоріи. Однѣ изъ нихъ отличались преимущественно субъективнымъ религіозно-фантастическимъ настроеніемъ, другія задавались умѣренными преобразовательными стремленіями и, наконецъ, третьи склонялись, хотя и непредназначенно, къ протестантскимъ и пантеистическимъ заблужденіямъ²⁾.

Число женщинъ, отличавшихся созерцательнымъ религіозно-фантастическимъ настроеніемъ, было особенно велико въ католическомъ мірѣ. Эти женщины не столько заботились о томъ, чтобы вести дѣятельную нравственно-практическую жизнь, направленную къ личному самоусовершенствованію и ко благу ближнихъ, сколько предавались внутреннему самоуглубленію, погружались въ экстазъ и послѣ строгихъ аскетическихъ под-

1) Geschichte der Mystik Preger B. 1, s. 55.

2) Женщины, принадлежавшія къ третьей категоріи мистиковъ, имѣли много общаго по своимъ возрѣніямъ съ позднѣйшими нѣмецкими мистиками, но отличались отъ послѣднихъ тѣмъ, что не желали отступать отъ католической ортодоксальной почвы и допускали частныя болѣе или менѣе ошибочныя возрѣнія, которыя не приводились ими въ общую систему и не обосновывались логически на опредѣленныхъ началахъ.

виговъ не рѣдко переходили къ празднему квіетизму. Къ такимъ женщинамъ прежде всего можно отнести *Марію Эгнису* (Marie von Oegnes 1177 — 1213). Вышедши замужъ четырнадцати лѣтъ, она условилась прекратить съ мужемъ супружескія отношенія и стала жить отдѣльно отъ него. Съ этого времени Марія Эгниса начала вести строгую аскетическую жизнь, проводя время „въ молитвѣ, постѣ и бдѣніи“. Случалось, что отъ усталости она засыпала во храмѣ. Тѣло ея было нечувствительно къ холоду, въ то время, когда зимою вино замерзало въ чашѣ, она могла ночью спокойно спать въ холодномъ притворѣ храма, не подвергаясь простудѣ. Средневѣковый біографъ рассказываетъ о Маріѣ Эгнисѣ, что она постоянно была занята размышленіями о страданіяхъ Спасителя; нерѣдко при такихъ размышленіяхъ, такъ горько плакала, что въ храмѣ то мѣсто, по которому она проходила, орошалось цѣлымъ потокомъ слезъ. Тяжкіе аскетическіе подвиги стали замѣняться мало по-малу *блаженнымъ покоемъ*: тогда Марія по цѣлымъ мѣсяцамъ не принимала пищи, ничего ни съ кѣмъ не говорила, а только по временамъ съ трудомъ выражала желаніе „принять тѣло Христово“. Въ такое время ей казалось, что духъ ея какъ будто отдѣляется отъ тѣла и находится въ немъ, какъ въ пустомъ сосудѣ. Въ этомъ состояніи Марія утрачивала способность воспринимать внѣшнія впечатлѣнія и приходила въ экстазъ. Это было блаженное *полусонное* состояніе, при которомъ, впрочемъ, не окончательно утрачивались сознаніе и воля. Марія, при видѣ стороннихъ лицъ, могла отрѣшаться отъ своего экстаза, но съ крайнимъ усиліемъ и страданіемъ: нерѣдко кровь лилась изо рта, когда она дѣлала усиліе къ тому, чтобы придти въ обыкновенное нормальное положеніе. Въ экстазѣ Марія Эгнисъ удостоивалась разныхъ видѣній, принимавшихъ иногда страшный характеръ. Однажды она увидѣла предъ собою молящуюся руку. Удивленная и испуганная такимъ видѣніемъ, Марія умоляла Господа объяснить значеніе его и услышала отвѣтъ, что нужно молиться за души, находящіяся въ чистилищѣ. По временамъ она то видитъ демоновъ, явившихся для того, чтобы нарушить ея блаженное созерцаніе, то слышитъ пѣніе ангеловъ, водворяющее въ ея

душѣ желанный миръ. Однажды, когда Марія истощала свои силы въ крайнихъ аскетическихъ подвигахъ, ей явился въ видѣ аббата ангелъ, призывавшій ее успокоиться. По временамъ ей казалось, что она видитъ самого Иисуса Христа, являющагося ей то въ видѣ младенца, то въ видѣ агнца, или голубя ¹⁾).

Большое сходство съ Маріею Эгнисою по религіозно-мистическому направленію представляетъ *Маргарита Венгерская* († 1271). Въ ней также мистическая настроенность обуславливалась природною чувствительностію, развивалась вслѣдствіе внутренняго самоуглубленія, постояннаго уединеннаго размышленія о религіозныхъ предметахъ и строгихъ, иногда крайнихъ аскетическихъ подвиговъ. Маргарита еще на четвертомъ году была опредѣлена по особому обѣту своимъ отцемъ королемъ Беломъ въ женскій монастырь. Опредѣленіе въ монастырь совпадало съ ея личными аскетическими склонностями. Уже въ дѣтствѣ она стала налагать на себя особые подвиги, кромѣ тѣхъ, которые предписывались монашескимъ уставомъ: спала часто на каменномъ полу монастырскаго зданія, носила на тѣлѣ вериги, клала въ башмаки камешки, которые кололи ей ноги до того, что изъ нихъ текла кровь. Въ то-же время предавалась постояннымъ внутреннимъ размышленіямъ: главнымъ предметомъ ихъ служили крестныя страданія Спасителя. Такія размышленія, особенно поддерживаемыя самостоятельнымъ чтеніемъ или слушаніемъ извѣстныхъ мѣстъ изъ евангельской исторіи, вызывали на глазахъ Маргариты слезы въ такой степени, что послѣ „ея глаза и лице горѣли какъ будто огнемъ, личное покрывало и платки ея постоянно были мокры отъ слезъ“. Во время великаго поста, особенно подъ вліяніемъ чтенія канона и евангелія, религіозная чувствительность проявлялась въ душѣ Маргариты въ такихъ размѣрахъ, что совершенно ослабляла ея силы. „Лишь только начиналось чтеніе канона или евангелія, она углублялась въ молитвенное настроеніе и часто плакала такъ, что послѣ не могла стоять, но припадала ницъ къ землѣ и какъ будто приходила въ безчувственное со-

¹⁾ Acta Sanct. 23 Junii t. IV, 636—666 edit. Bollandist. 1863. Geschichte der d. Mystik Preger B. t. 6, 55—62. Histoire de Eglise Rohrbacher t. VIII p. 218.

стояніе“. Состояніе это иногда было таково, что опасались за ея жизнь. Сѣтованіе Маргариты было по большей части внутреннее и тихое, но иногда оно выражалось въ громкихъ рыданіяхъ и стогахъ. „Когда въ извѣстные дни воздвигался крестъ во храмѣ, то можно было слышать плачь и стоны Маргариты издалека. Внутреннее самоуглубленіе, предваряемое молитвою, сопровождалось экстазомъ. „Она восторгалась до того, что была какъ-бы мертвою. Въ такомъ полумертвомъ состояніи однажды нашли ее монахини. Послѣднія поняли сладостное ея настроеніе. Не желая ее вдругъ разочаровывать внезапнымъ пробужденіемъ, монахини стали громко читать псалмы и только тогда успѣли привести ее въ себя, когда окончено было чтеніе всей псалтири. Приведенной въ нормальное состояніе Маргаритѣ казалось, что она только немного полежала. По словамъ біографа, „въ этихъ восторгахъ и восхищеніяхъ взоръ Маргариты дѣлался до того яснымъ и благовиднымъ, какъ будто онъ озарялся небеснымъ свѣтомъ“. Но біографъ передаетъ и такіе факты изъ жизни Маргариты, которые сами по себѣ не могутъ считаться достовѣрными безъ строгой повѣрки ихъ съ свидѣтельствами другихъ лицъ. „Однажды, говоритъ онъ, когда Маргарита находилась въ экстазѣ, пламя, подобно огненному шару, вспыхнуло на головѣ ея. Сестры приняли сначала это необычайное явленіе за обыкновенное. Разбудили полусонную Маргариту крикомъ, замѣтивъ ей, что она горитъ. Послѣдняя, пробудившись какъ-бы отъ сладкаго сна, спокойно взяла огонь съ головы; пламя было потушено и отъ него осталось одно благоуханіе“. Самое тѣло Маргариты пріобрѣтало, по словамъ того-же біографа, необыкновенную легкость, по мѣрѣ того, какъ душа возвышалась къ Богу и тѣло ея какъ-бы одухотворялось. Сестры часто видѣли Маргариту, поднимающуюся на локоть отъ земли и она значительное время оставалась въ воздухѣ ¹⁾).

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Mystik Von Dr. Greith Freiburg 1861 s. 356—362. Histoire de L' Eglise, Rohrbacher t. VIII, p. 215.

ЗАДАЧИ МЕТАФИЗИКИ.

(По В. Вовне'у).

(Продолженіе *).

Такъ какъ нелѣпо требовать, чтобы умъ выходилъ изъ своихъ понятій и сравнивалъ ихъ съ реальностію, то ясно, что ручательство истинности знанія должно быть находимо въ содержаніи самаго знанія. Въ концѣ всего такое ручательство будетъ состоять 1) въ самоочевидности или необходимости понятія и 2) во внутреннемъ согласіи нашихъ понятій между собою. Когда понятіе само по себѣ очевидно или необходимо, и когда изъ него не вытекаетъ никакого умственного разлада, мы имѣемъ въ этомъ единственное ручательство истинности знанія, какое только возможно для всякаго разума. Скептицизмъ, основанный на невозможности для ума выходить за предѣлы своихъ понятій, не только произволенъ и неоснователенъ, но и по самому существу своему представляетъ абсурдъ. Далѣе, скептицизмъ, чтобы быть раціональнымъ, долженъ покоиться на извѣстныхъ основаніяхъ. Въ этомъ отношеніи скептикъ въ такой-же мѣрѣ подчиненъ необходимости представлять доказательства своихъ мнѣній, какъ и всякій другой теоретикъ. Обыкновенное утвержденіе скептика состоитъ въ томъ, что извѣстное положеніе сомнительно.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 2.

Но простой фактъ, что онъ сомнѣвается, не составляетъ еще никакого доказательства. Чтобы дать своему сомнѣнію рациональное значеніе, онъ долженъ подтвердить его опредѣленными доказательствами. Между тѣмъ въ теченіе всей исторіи философіи безмолвнымъ предположеніемъ со стороны скептиковъ было то, что ихъ сомнѣніе само по себѣ составляетъ доказательство. Критика должна отвергнуть это притязаніе и заставить скептиковъ стать наряду съ другими теоретиками и представить основанія для недовѣрія, которое они питаютъ къ знанію. И вѣра, и невѣріе, какъ субъективные факты, сами по себѣ не имѣютъ рациональнаго значенія; они приобрѣтаютъ его только благодаря основаніямъ, которыя ихъ оправдываютъ. Единственный скептицизмъ относительно нашихъ основныхъ понятій, который заслуживаетъ какого-нибудь вниманія, есть скептицизмъ, имѣющій цѣлью показать, что они несогласны между собою. Но такой скептицизмъ можетъ возникнуть только въ концѣ изслѣдованія, а не въ началѣ его; потому что прежде чѣмъ наши понятія о реальности могутъ быть объявлены несогласными между собою, мы должны узнать, каковы они, и опредѣлить ихъ точный смыслъ. Существованіе разлада въ некритической мысли не есть основаніе для общаго скептицизма. Правильное мышленіе не является само собою. Разладъ въ мысли только тогда приобрѣтаетъ значеніе, когда научное мышленіе находитъ его неустранимымъ. Поэтому, сомнѣніе относительно цѣнности знанія не можетъ быть высказываемо напередъ, но только послѣ того, какъ научная мысль опредѣлитъ дѣйствительное содержаніе понятій, находящихся въ умѣ. Если тщательный анализъ и опредѣленіе понятій не могутъ устранить разлада и противорѣчій въ мысли, тогда можетъ начаться скептицизмъ. Но даже и тогда скептикъ допускаетъ нѣкоторое знаніе о реальности. Онъ допускаетъ 1) постоянство реальности и 2) всеобщее значеніе логическихъ законовъ тождества и противорѣчія. Его заключеніе отъ разлада понятій между собою къ ихъ несоотвѣтствію съ дѣйствительностію основывается всецѣло на предположеніи, что реальность есть и должна быть постоянной или устойчивой сама въ себѣ. Если-бы она могла быть неустойчивою, то несостоятельность

нашихъ понятій не могла-бы быть доказательствомъ ихъ несоотвѣтствія съ дѣйствительностью; тогда даже соединеніе противорѣчій могло-бы выражать собою внутреннѣйшее существо реальности. Далѣе, если мы не допускаемъ, что реальность необходимо должна быть устойчивою, тогда наши несогласныя между собою понятія могутъ быть рассматриваемы какъ понятія о различныхъ реальностяхъ, и потому ихъ разладъ теряетъ все свое значеніе. Различные взгляды на различные вещи позволительны; только противорѣчащіе взгляды на одну и ту-же вещь не допускаются разумомъ. Теперь если-бы попытка исправить наши понятія, чтобы сдѣлать ихъ адекватными и состоятельными, имѣла успѣхъ, то рациональное основаніе для скептицизма исчезло-бы. Безъ сомнѣнія, въ нашихъ понятіяхъ очень много чисто субъективнаго. Міръ, какъ онъ существуетъ для чувствъ, не похожъ на міръ, какъ онъ существуетъ для мысли. Еще со времени Демокрита человечество знакомо съ различіемъ между первичными и вторичными качествами.¹⁾ Поэтому, прежде чѣмъ можетъ быть изслѣдованъ надлежащимъ образомъ вопросъ о цѣнности нашихъ понятій, мы должны путемъ анализа и критики отдѣлать универсальный элементъ въ знаніи отъ спеціальнаго. Трактовать объ этомъ вопросѣ прежде такого анализа значитъ открывать путь къ безконечнымъ паралогизмамъ и логическимъ противорѣчіямъ.

Насколько кантовское ученіе и доктрина объ относительности тождественны съ изложенными скептическими воззрѣніями, предшествующія соображенія относятся и къ нимъ. Не всякія сомнѣнія, выражаемыя какимъ-либо мыслителемъ, имѣютъ право на вниманіе и разсмотрѣніе, но только тѣ сомнѣнія, которыя онъ подкрѣпляетъ рациональными доводами. Приверженцы доктрины объ относительности мысли питаютъ мечту, что умъ долженъ быть способенъ выходить за предѣлы

¹⁾ Первичныя качества—протяженіе, форма, объемъ и под. Они основываются на отношеніяхъ вещей къ пространству. Вторичныя качества—цвѣтъ, звукъ, вкусъ, теплота или холодъ, запахъ, мягкость или твердость, легкость или тяжесть и под.

своихъ понятій, для того чтобы достигать абсолютнаго знанія; а такъ какъ наша мысль заключена въ предѣлахъ нашихъ понятій, то наше знаніе только относительно и потому цѣнно только для насъ. Но мы уже видѣли, что это понятіе сбъ абсолютномъ знаніи совершенно нежѣло; потому что знаніе о вещи никогда не означаетъ бытія вещи; знать ее значитъ образовать понятіе о ней, которое должно быть состоятельнымъ для всякаго ума. Мы встрѣчаемъ здѣсь тоже самое ложное предположеніе, которое оазывается въ аргументахъ скептика. Предполагается, что мысль есть второе въ знаніи, а не первое; а бытіе признается возбуждающимъ затѣмъ мысль къ знанію. Но въ знаніи бытіе есть второе, а мысль—первое. Бытіе является, какъ предположеніе для объясненія нашего раціональнаго опыта. Но мы ничего не объяснили-бы, если-бы положили что-нибудь внѣ всякаго отношенія къ уму или что-нибудь такое, что не можетъ быть понято умомъ. Поэтому, безусловное, которое ускользаетъ отъ всякаго раціональнаго опредѣленія, подобно вещи въ себѣ, не только не познаваемо, но раціонально не можетъ быть утверждаемо и самое бытіе его. По самому существу дѣла, доказательство его реальности викагда не можетъ быть найдено. Поэтому, мысль, хотя и субъективна, можетъ понимать бытіе, потому что послѣднее должно допускать раціональное опредѣленіе, если вообще можетъ быть утверждаема его реальность.

Далѣе, мы видѣли, что субъективность знанія имѣетъ мѣсто для всякаго ума и не препятствуетъ тому, чтобы въ знаніи былъ универсальный элементъ, такъ чтобы мы могли узнавать не только то, что спеціально цѣнно для насъ, но и общее для всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, аргументъ приверженцевъ ученія объ относительности, если онъ годенъ на что-нибудь, предлагался-бы прежде всего къ нашей увѣренности, что знаніе имѣетъ какую-вибудъ цѣнность внѣ индивидуальности. Онъ строго ограничивалъ-бы знаніе каждаго человѣка тѣмъ, что спеціально существуетъ для него. Невозможно оставаться при положеніи, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; мы должны далѣе идти къ утвержденію, что для каждаго человѣка есть своя истина и своя ложь. Но если мы можемъ выходить за

предѣлы своей собственной индивидуальности въ знаніи и узнавать общее для всѣхъ людей, то нѣтъ никакого основанія, почему мы не могли-бы узнавать общее для всякаго ума. Возможно-ли такое открытіе универсальнаго, это можетъ быть рѣшено только посредствомъ изученія содержанія познанія. Если это изученіе открываетъ въ знаніи присутствіе универсальныхъ элементовъ, тогда приверженецъ относительности обязанъ представить основанія для ограниченія подобной универсальности. Онъ долженъ оправдать свое сомнѣніе, если хочетъ, чтобы оно имѣло какое-нибудь значеніе. Простое увѣреніе какого-нибудь мыслителя имѣетъ такую-же силу, какъ и увѣреніе всякаго другаго, и не должно быть принимаемо въ расчетъ. Общая субъективность знанія не составляетъ основанія для ученія объ его относительности, потому что она могла-бы все-таки имѣть мѣсто, даже если-бы знаніе было общедѣльнымъ. Но разборъ ученія объ относительности можетъ быть сдѣланъ только послѣ того, какъ всеобщее въ знаніи будетъ отдѣлено отъ частнаго. Онъ, поэтому, не можетъ предшествовать метафизикѣ, но долженъ слѣдовать за ней.

Кромѣ того, если-бы вѣрно было, что наши понятія имѣютъ значеніе только для человѣческой мысли, и тогда все-таки была-бы надобность въ метафизическомъ изслѣдованіи. Важнѣйшій источникъ философской науки составляетъ потребность въ приведеніи ума въ гармонію съ самимъ собою. Мы не можемъ терпѣть умственнаго разлада и противорѣчій. Насъ беспокоитъ не недостатокъ гармоніи между вашими понятіями и реальностью, но ихъ несогласіе между собою. Поэтому, въ теченіе всей нашей умственной жизни, умъ постоянно старается привести свои понятія въ стройную систему. Наши понятія могутъ быть чисто феноменальными; тѣмъ не менѣе умъ требуетъ, чтобы они гармонировали между собою. Значеніе и состоятельность метафизики не зависятъ, поэтому, отъ истинности или ложности философіи относительности. Метафизика находитъ свое оправданіе въ присущемъ нашему духу требованіи гармоніи въ мысли. Каждое изъ основныхъ понятій: бытія, причины, измѣненія, пространства, времени и пр. постоянно входитъ въ ваше мышленіе, и мы

вправѣ спросить, какой научный смыслъ они имѣютъ. Когда мы употребляемъ эти термины, мы должны мыслить что-нибудь объ нихъ, и должно быть возможнымъ разъясненіе того, что именно мы мыслимъ подъ ними. Но мы видѣли, что эти слова часто употребляются безъ всякаго опредѣленнаго смысла. Независимо, поэтому, отъ всякаго вопроса о всеобщей цѣнности понятій, мы должны стараться привести умъ въ согласіе съ самимъ собою, и мы можемъ достигнуть этого, только сдѣлавъ свои понятія болѣе точными и такъ опредѣливъ ихъ содержаніе, чтобы они были согласны между собою и чтобы каждое изъ нихъ соответствовало той функціи, которую оно должно выполнять въ системѣ нашей мысли.

4. Но если и признать возможность рѣшенія указанной проблемы метафизики, спрашивается, какъ она должна быть разрѣшена? Локкъ утверждалъ, что философская наука должна начинаться изслѣдованіемъ происхожденія нашихъ идей. Чтобы звать, какую цѣну имѣютъ наши идеи, мы должны знать, какъ мы приходимъ къ нимъ. Кантъ также думалъ, что критика способности и процесса знанія должна лежать въ основѣ философіи. Въ настоящее время, когда нерѣдко философія отождествляется съ эмпирической психологіей, всякій другой методъ можетъ показаться совершенно безплоднымъ. Если-бы указанная возрѣнія были правильны, то рѣшеніе философскихъ вопросовъ намъ нужно было-бы начинать съ психологическаго ихъ изслѣдованія, обращая должное вниманіе на чудеса ассоціальной психологіи, если надѣемся достигнуть какого-нибудь здраваго заключенія. Вопреки такимъ возрѣніямъ, однакоже, этотъ методъ должно признать совершенно превратнымъ и бесполезнымъ. Происхожденіе и исторія какой-нибудь идеи ничего не рѣшаетъ относительно ея значенія и цѣнности, послѣ того какъ она уже возникла. Ея цѣнность должна быть опредѣляема только ея содержаніемъ и непосредственной очевидностью, съ какою мыслится это содержаніе. Такъ, генезисъ пространственной идеи ничего не рѣшаетъ относительно истинъ геометріи. Эта идея можетъ имѣть исторію, которую психологъ въ состояніи ясно изложить; она можетъ обуславливаться различнымъ физиологическимъ факто-

рами; и все-таки этотъ генезисъ не поможетъ намъ рѣшить вопросъ о цѣнности геометрическихъ истинъ. Она должна быть опредѣляема на основаніи самаго характера теоремъ и очевидности ихъ содержанія. Тоже самое истинно относительно идеи числа. Можетъ быть, эта идея медленно развивалась и, можетъ быть, развивалась при извѣстныхъ условіяхъ, открытыя—дѣло психологіи. Но истина числовыхъ отношеній во всякомъ случаѣ не зависитъ отъ психическихъ процессовъ, посредствомъ которыхъ мы приходимъ къ познанію ихъ. Познаніе началъ причинности и непрерывности бытія, можетъ быть, тоже достигнуто было не сразу, а въ теченіе долгаго времени; идеи эти, быть можетъ, имѣли медленный ростъ,—но когда уже онѣ сформировались, ихъ состоятельность можетъ быть опредѣлена только по ихъ содержанію и по очевидности, съ которою онѣ представляются уму. Психологическій отчетъ въ происхожденіи какого-либо убѣжденія умѣстенъ и имѣетъ философскій интересъ только послѣ того, какъ оно найдено неосновательнымъ; но прежде этого онъ не имѣетъ философскаго значенія. Заблужденіе относительно этого пункта очень распространено какъ между апріористами, такъ и между эмпириками. Первые думаютъ, что извѣстное положеніе становится безспорнымъ, когда доказана его врожденность, какъ будто врожденное непременно должно быть истиннымъ. Сами эмпирики соглашаются съ послѣдователями апріоризма въ этомъ пунктѣ. Милль въ своемъ „Обзорѣ философіи Гамильтона“ допускаетъ безошибочность первичныхъ убѣжденій, но поднимаетъ вопросъ о томъ, какія убѣжденія дѣйствительно первичны. Онъ думаетъ, что если-бы мы могли заглянуть въ умъ ребенка, когда онъ находится еще на рукахъ кормилицы, мы получили-бы первоначальное философское откровеніе. Другіе, подъ влияніемъ идей о наслѣдственности и эволюціи, находятъ въ недоумѣніи, искать-ли этотъ первичный элементъ въ первомъ полнцѣ или въ первичной матеріи туманныхъ массъ¹⁾; но всѣ они одинаково соглашаются, что если-бы мы нашли его, мы получили-бы безспорную истину. Это, конечно, заблужде-

¹⁾ См. „Введеніе въ исторію мысли“ Лаврова (Миртова) въ журн. „Знаніе“.

ніе. Не очевидно, что врожденное непременно должно быть истиннымъ. Не очевидно, что ребенокъ или полипь, или первичная туманная масса есть источникъ чистаго, не искаженнаго знанія. Поэтому, послѣ того, какъ доказана врожденность какого-нибудь положенія, вопросъ объ его истинности остается открытымъ; отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть полученъ только тогда, если, вмѣсто психологическаго вопроса о происхожденіи идеи, мы обратимъ вниманіе на метафизическій вопросъ объ ея основаніяхъ. Конечно, трудно найти другую доктрину, которая была-бы такъ несогласна со всѣми обычными стремленіями мысли, какъ это ученіе, ищущее истину скорѣе въ грубыхъ зачаткахъ сознанія, чѣмъ въ его полномъ проявленіи. Всякое понятіе о прогрессѣ, всякая форма развитія, всякая аналогія природы скорѣе приводятъ къ противоположному взгляду, именно къ тому, что наши умственные способности наиболѣе компетентны относительно истины въ своей развитой формѣ, а не въ своихъ грубыхъ зачаткахъ. Короче сказать, если можетъ быть какое нибудь знаніе и какая нибудь философія, они должны основываться на нашихъ способностяхъ, каковы они теперь. Даже эмпирическая философія не такъ очевидна, чтобы обходиться безъ доказательствъ своей истинности и ея истинность или ложность можетъ быть опредѣлена только посредствомъ обращенія къ разуму, въ томъ его состояніи, въ какомъ онъ находится у наиболѣе развитыхъ изъ современныхъ людей. Можетъ быть, эмпиризмъ, строго проведенный, возбудилъ бы сомнѣніе относительно самаго разума, на который ссылаются, но онъ не можетъ допустить этого безъ саморазрушенія. Если, поэтому, эмпирикъ или ассоціоналистъ не хочетъ играть роли крайняго скептика, онъ долженъ допустить, что состоятельность всякой идеи опредѣляется не происхожденіемъ ея, но ея основаніями. Если же онъ предпочитаетъ роль скептика, тогда его скептицизмъ долженъ простираться и на его собственную систему; потому что, какъ сказано, эмпиризмъ не есть очевидная сама по себѣ система, а, слѣдовательно, самъ нуждается въ доказательствахъ. Но эти доказательства возможны только на основаніи тѣхъ же самыхъ принциповъ и способностей, которые онъ стремится

дискредитировать. Онъ, такимъ образомъ, не могъ бы собственно стать истиннымъ, не сдѣлавшись въ то же самое время совершенно сомнительнымъ. Каждая система, которая дискредитируетъ первые принципы, находится въ этой дилеммѣ. Если бы доказано было, что такая система истинна, она сразу стала бы явно сомнительной. Поэтому, хотя изученіе генезиса и исторіи нашихъ идей имѣетъ психологическій интересъ и очень важно для раскрытія происхожденія разныхъ предрасудковъ, но оно никогда не можетъ имѣть притязанія на опредѣленіе состоятельности коренныхъ идей, не разрушая само себя. Такое опредѣленіе всегда должно быть принципиальнымъ философскимъ вопросомъ, а не психологическимъ. Главный вопросъ относительно всякаго философскаго убѣжденія касается не происхожденія, а ясности его содержанія и согласія составныхъ его идей между собою.

5. Каждое убѣжденіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ. На него можно смотрѣть или какъ на произведеніе какихъ нибудь причинъ, или же какъ на заключеніе, выведенное изъ какихъ нибудь основаній. Очень многія изъ нашихъ убѣжденій суть произведенія, а не выводы. Они произведены въ насъ, а не выведены нами. Это въ особенности относится къ обыкновенному, такъ называемому некритическому уму. Его убѣжденія суть произведенія, а не выводы. Но если убѣжденіе должно имѣть какое нибудь значеніе въ рациональной системѣ идей, оно должно быть болѣе, чѣмъ простымъ произведеніемъ; оно должно имѣть рациональныя основанія. Поэтому, если бы какія нибудь убѣжденія были совершенно изучены, какъ произведенія или какъ простые факты, для изслѣдованія все-таки оставались бы основанія этихъ убѣжденій. Отсюда видно, что вопросъ о причинахъ убѣжденія совершенно отличенъ отъ вопроса объ основаніяхъ. Первый касается психологіи, послѣдній метафизики. Только въ одномъ случаѣ оба эти вопроса могутъ приходиться въ соприкосновеніе, именно, когда теорія причинъ такова, что исключаетъ всякія основанія. Можетъ быть, собственно говоря, эмпирическая философія именно и дѣлаетъ это; но ни одинъ эмпирикъ не можетъ допустить этого безъ разрушенія своей собственной системы; потому что

эта философская система такъ же, какъ и другія, состоитъ изъ убѣжденій, имѣющихъ извѣстный генезисъ и исторію. Отсюда, если изученіе прецедентовъ дѣлаетъ ненужнымъ всякое изслѣдованіе объ основаніяхъ, мы могли бы заключить только то, что эта система такъ же, какъ и другія, не основательна и, по справедливости, не болѣе имѣетъ права на принятіе, чѣмъ какое нибудь суевѣріе. Эмпирикъ, подобно всѣмъ другимъ мыслителямъ, обязанъ допустить различіе между причинами и основаніями убѣжденія, какъ имѣющее въ высшей степени важное философское значеніе. Главное изъ возраженій, высказываемыхъ противъ него (эмпирика) его противниками, состоитъ въ томъ, что его теорія причинъ не оставляетъ мѣста для основаній; что онъ разрѣшаетъ всѣ убѣжденія въ произведенія и такимъ образомъ лишаетъ ихъ всякаго раціональнаго значенія. Мы не будемъ разсматривать этихъ возраженій. Нашей цѣлью было только показать, что попытка эмпириковъ оцѣнивать убѣжденія по ихъ исторіи и прецедентамъ противорѣчива, когда прилагается къ основнымъ принципамъ, и ошибочна во всякомъ другомъ случаѣ. Когда она прилагается къ основнымъ принципамъ, она имѣетъ своимъ результатомъ сомнѣніе относительно принциповъ всякаго изслѣдованія, между тѣмъ какъ они должны быть выше такого сомнѣнія. Когда она прилагается къ другимъ предметамъ, она даетъ исторію вмѣсто философской критики. Ни одна идея не должна быть принимаема или отвергаема въ силу ея исторіи, но лишь въ силу достаточности или недостаточности ея основаній. Для философіи не важно, въ чемъ убѣждены люди; она старается скорѣе узнать, какія основанія они имѣютъ для своихъ убѣжденій. Поэтому, только тѣ положенія достойны философскаго принятія, которыя очевидны сами собою или же выведены изъ другихъ положеній, которыя очевидны сами собою. Если философія вообще возможна, она можетъ быть основана только на непосредственно очевидныхъ и выведенныхъ путемъ умозаключенія истинахъ. Но эта непосредственная очевидность и правильность умозаключенія могутъ быть дознаны только посредствомъ прямого обращенія къ нашему разуму. Люди могутъ расходиться относительно того, что непосредственно оче-

видно, но всѣ должны соглашаться въ томъ, что если философія возможна, то должны быть непосредственно очевидныя истины, какъ ея основаніе. Для нѣкоторыхъ эмпириковъ истина эмпиризма есть непосредственно очевидная истина. Для другихъ непогрѣшимость дѣтскаго сознанія или первичной матеріальной массы есть первая истина. Если примитивная матеріальная масса принимается за мыслящую, то ея мысли выше всякаго спора. Материалистическій эмпиризмъ смотритъ на параллель между движеніями матеріи и вытекающею изъ нихъ мыслию, какъ на не подлежащую сомнѣнію. Исходнымъ пунктомъ всякой умственной дѣятельности можетъ быть только такое положеніе, которое требуетъ признанія своей истинности въ силу своей собственной непосредственной очевидности.

6. Каждое философское изслѣдованіе предполагаетъ извѣстное довѣріе разума къ самому себѣ. Эту увѣренность разума въ самомъ себѣ не должно подрывать безъ основанія, потому что подобный подрывъ былъ-бы и не рационаленъ, и предупреждалъ-бы всякое изслѣдованіе. Разсматривая нашу обычную теорію вещей, необходимо, поэтому, принимать каждое понятіе и положеніе такъ, какъ оно есть, и дѣлать въ нихъ только такія измѣненія, которыя необходимы для приведенія нашихъ идей въ согласіе между собою. Основанія для сомнѣнія и измѣненія должны быть отыскиваемы въ самой природѣ предмета, а не въ возможности вербальнаго сомнѣнія. Такой методъ не нарушаетъ естественнаго чувства вѣроятности, которое никогда не можетъ быть безнаказанно нарушаемо по произволу. Такой методъ, далѣе, предоставляетъ разуму его полныя права. Онъ есть актъ вѣры, а не скептицизма; потому что онъ не дѣлаетъ никакихъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ разумъ. Если мы различаемъ между видимостью и реальностью, то это потому, что разумъ не можетъ быть приведенъ въ согласіе съ самимъ собою никакимъ другимъ путемъ. *Метафизика должна, поэтому, критически изслѣдовать теорію вещей, которая лежитъ въ основаніи обыденнаго и научнаго мышленія, съ цѣлью сдѣлать ее состоятельною.* Она должна брать каждое изъ понятій здраваго смысла, какъ оно есть, и измѣнять ихъ лишь постольку,

поскольку требуетъ этотъ самъ разумъ. Единственнымъ ея предположеніемъ при этомъ должно быть предварительное до-вѣріе къ разуму. Но отнюдь нельзя предпологать, что метафизическое изслѣдованіе оставитъ наши общіе взгляды неизмѣнными. Указанная проблема не болѣе спекулятивна, чѣмъ теоретическія проблемы физики, насколько методъ одинъ и тотъ-же въ обоихъ случаяхъ. Физикъ, исходя отъ феноменовъ, ставитъ вопросъ, какъ мы должны понимать невидимаго дѣятеля или дѣятелей, которые производятъ ихъ. Для рѣшенія этого вопроса, онъ принимаетъ атомы, эфиръ и пр. Поэтому, теоретическая физика вся метафизична. Физикъ переходитъ за предѣлы области феноменовъ единственно силою разума. Онъ не имѣетъ никакого другаго критерія истины въ этомъ незримомъ царствѣ, кромѣ самаго разума. Онъ проникаетъ въ него только посредствомъ мысли, и мысль есть единственное ручательство за его существованіе. Метафизическое изслѣдованіе должно идти тѣмъ-же путемъ и прибѣгать къ тому-же масштабу.

7. Эти мысли требуютъ дальнѣйшаго развитія, потому что упущеніе ихъ изъ виду лежитъ въ основѣ и популярнаго мнѣнія, что философія ведетъ къ скептицизму, и также популярнаго скептицизма по отношенію къ философскимъ заключеніямъ. Ни наука, ни философія не отрицаютъ ничего изъ того, что дѣютъ чувства, хотя обѣ находятъ основанія для отрицанія того, что чувства даютъ именно столько, сколько принимаетъ не критическая мысль. Обѣ онѣ дѣлаютъ данныя чувственнаго опыта своимъ исходнымъ пунктомъ, и по нимъ онѣ строятъ рациональную систему. Но эта система никогда не есть произведеніе чувственнаго опыта, но выводъ изъ его данныхъ. И физика, и метафизика сразу вводятъ насъ въ міръ реальностей, существованіе которыхъ можетъ быть доказано только мыслию. Заключенія физики касательно истинной природы вещей на первый взглядъ кажутся совершенно невѣроятными, противорѣчащими здравому смыслу. Камень подъ нашими ногами, почва, по которой мы ступаемъ, представляютъ сцену непрерывной дѣятельности. Мы сами погружены въ океанъ вибрирующаго эфиръ; и безъ насъ нѣтъ ни свѣта, ни звука,

а только эфирныя и воздушныя колебанія. Однако-же никто и никогда не отрицалъ ни свѣта, ни звука. Теоріи, которыя кажутся такъ чудовищными, когда повѣряются чувствами, должны быть повѣряемы не чувствами, а только разумомъ, Онѣ не отрицаютъ ничего изъ того, что даютъ чувства, а выведены изъ показаній чувства. Наше довѣріе къ нимъ зависитъ, поэтому, отъ нашего довѣрія къ разуму, и отъ силы убѣдительности, съ которою онѣ выведены изъ данныхъ чувственного опыта. Подобнымъ-же образомъ астрономъ предлагаетъ теорію земли и неба, которая, повидимому, противорѣчитъ самымъ очевиднымъ показаніямъ чувствъ; но послѣ нѣкотораго размышленія дѣлается яснымъ, что астрономическое небо и видимое небо собственно не относятся между собою, какъ противорѣчія. Астрономъ дѣлаетъ своимъ исходнымъ пунктомъ видимое небо и находитъ, что видимое небо заставляеть насъ утверждать существованіе астрономическаго неба. Видимое небо есть небо, какъ оно представляется глазу; астрономическое небо есть тоже самое небо, какъ оно представляется разуму. Каждый изъ этихъ двухъ взглядовъ въ своей области правиленъ, и ни одинъ изъ нихъ не противорѣчитъ другому. Но если бы крестьянинъ пытался опровергнуть систему Коперника, ссылаясь на чувства, никто не обратилъ бы на него вниманія, потому что каждый теперь признаетъ некомпетентность чувствъ въ этомъ дѣлѣ. Только разумъ—компетентный судья относительно какъ этого, такъ и другихъ предметовъ науки; и если бы теорія Коперника была опровергнута, это могло бы быть только тогда, когда разумъ показалъ бы, что феномены принимаютъ другое, болѣе рациональное объясненіе.

При обсужденіи философскихъ доктринъ дѣло первой важности имѣть въ виду различіе между феноменами и выводами изъ феноменовъ. Чувства имѣютъ ту-же самую функцію въ философіи, какую они имѣютъ въ наукѣ,—именно доставлять сырой матеріалъ для дѣятельности ума. Философскія теоріи, подобно научнымъ теоріямъ, должны быть повѣряемы не чувствами, а только разумомъ. Какъ тѣ, что атомы или эфиръ не могутъ быть видимы или что небо кажется въ противорѣчіи

съ ученіемъ Коперника, не составляетъ возраженій противъ физики и астрономіи, такъ точно не служитъ возраженіемъ и противъ философіи тѣ, что ея теоріи не могутъ быть оправданы чувственнымъ опытомъ. Онѣ не служатъ предметомъ зрѣнія, а только умозрѣнія. Философія всегда готова разсматривать возраженія противъ правильности ея выводовъ изъ феноменовъ, но къ возраженіямъ, основаннымъ лишь на однихъ чувствахъ, она относится съ такимъ-же пренебреженіемъ, съ какимъ астрономъ смотритъ на возраженія противъ теоріи Коперника, основанныя на ея кажущемся противорѣчии съ видимостью. Въ одномъ этомъ смыслѣ философія ведетъ войну противъ чувствъ, и въ этомъ смыслѣ никто, не можетъ быть философомъ, пока не освободится отъ порабощенія своимъ чувствамъ. Философія старается отвести чувствамъ принадлежащее имъ мѣсто, искореняя предрасудки, составляющіе значительную часть содержанія нашего обыденнаго мышленія; и когда чувства ограничены собственно видимостью или явленіями, философія старается возвыситься надъ чувственной системой и достигнуть раціональной системы, которая должна выражать подлинную природу и отношенія вещей. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, грубыя гипотезы древнихъ греческихъ философовъ составляли эпохи въ исторіи мысли; потому что какими-бы ни были дѣтскими ихъ теоріи, они впервые высказали требованіе единства и раціональнаго объясненія природы. Они провозгласили, что чувства ограничиваются видимостью, потому что только разумъ можетъ проникать въ реальность вещей. Если, поэтому, при изслѣдованіи метафизическихъ вопросовъ встрѣчается много положеній, которыя, быть можетъ, кажутся рѣзкими и даже чудовищными парадоксами, когда измѣряются по масштабу чувствъ, необходимо имѣть въ виду, что этотъ масштабъ нельзя признать мѣриломъ раціональной истины въ метафизикѣ, также какъ и въ физикѣ онъ не признается основаніемъ для провѣрки ея теорій. Если заключенія правильно выведены изъ допущенныхъ посылокъ, они должны быть приняты, не смотря на то, что они колеблютъ или разрушаютъ.

8. Есть, такимъ образомъ, различіе между феноменами, или

реальностію, какъ она представляется чувствамъ, и ноуменами, или реальностію, какъ она представляется мысли; но тѣ и другіе собственно не находятся въ противорѣчій между собою. Феномены составляютъ основаніе нашего знанія о ноуменахъ; а ноумены выведены изъ феноменовъ. Утверждалось, что ноумены непознаваемы. Взятое въ буквальномъ смыслѣ, это утвержденіе означало-бы, что мы не знаемъ того, что думаемъ. Оно можетъ, далѣе, означать, что мы не въ состояніи понять возможности бытія; и въ этомъ смыслѣ оно вѣрно. Но мы можемъ знать многія вещи, какъ факты, которыхъ мы не можемъ объяснить или вывести. Первичные или основные факты не могутъ быть поняты; они могутъ быть только признаны или допущены. Въ этомъ смыслѣ данное положеніе есть избитая истина и не примѣнимо къ нашей задачѣ. Наконецъ, оно можетъ означать, что феномены допускаютъ столь многія объясненія, что никакая состоятельная и необходимая система мысли не можетъ быть выведена изъ нихъ. Но такое утвержденіе можетъ быть провѣрено только опытомъ. Говорится также, что ноумены, какъ и феномены, субъективны. И тѣ и другіе одинаково представляютъ не самую реальность, а только ея видимость. Послѣдніе представляютъ реальность, какъ она кажется чувствамъ, а первые, какъ она кажется мысли. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слова вѣрно, что мы познаемъ только явленія; но такое утвержденіе лишено всякаго значенія. Оно не выражаетъ ничего болѣе, какъ только всеобщую субъективность знанія, или тотъ фактъ, что умъ никогда не можетъ выйти изъ своихъ понятій и имѣть дѣло съ своими объектами иначе, какъ въ мысли. Иногда феномены имѣютъ другое значеніе, чѣмъ здѣсь указанна. Дѣятельности вещей рассматриваются, какъ ихъ феномены, и даже объ умѣ говорится, что онъ имѣетъ свои феномены. Взятое въ этомъ смыслѣ положеніе, что мы знаемъ только феномены, означаетъ лишь то, что необнаруживаемая вещь не можетъ быть познана. Но обыкновенное различіе между феноменами и ноуменами дано въ этимологій самихъ словъ.

Согласно съ сдѣланнымъ опредѣленіемъ метафизики, она должна преслѣдовать критическую, а не творческую цѣль.

Она должна начинаться съ даннаго, готоваго уже содержанія мысли, спрашивая, какія измѣненія требуетъ произвести въ немъ научный разумъ, для достиженія состоятельнаго объясненія. Построеніе бытія, какъ на примѣръ, оно сдѣлано въ гегелианской философіи, не есть дѣло философіи. Бытіе—постоянное чудо и тайна, которую разумъ никогда не можетъ вывести изъ чего-нибудь. Нѣчто скорѣе должно быть допущено, чѣмъ выведено или понято. Цѣль метафизики, поэтому, состоитъ не въ томъ, чтобы показать, какъ возникло бытіе или какъ оно возможно, но какъ мы должны мыслить его теперь, когда оно уже существуетъ предъ нами, какъ данное. Не создавать или вымышлять, а понимать реальность составляетъ высшую возможность человѣческой мысли.

9. Предметъ метафизическаго изслѣдованія есть реальность, сущее или бытіе. Но если-бы метафизика должна была изслѣдовать всѣ частныя группы реальностей, то ея область была-бы слишкомъ велика. Поэтому, изъ обширной сфѣры всего сущаго она выбираетъ и изслѣдуетъ только главныя группы. Первое сущее, которое намъ дано, это — мы сами, наше я. Противъ него стоитъ не — я, природа, міръ. Отсюда получаютъ двѣ части метафизики: 1) *пневматологія*, или метафизическая психологія, содержащая изслѣдованіе основныхъ вопросовъ философіи духа и 2) *космологія*, содержащая изслѣдованіе основныхъ проблеммъ касательно космическаго существованія и процессовъ. Въ основѣ обѣихъ этихъ главныхъ группъ сущаго лежатъ всеобщіе, верховные принципы бытія. Такіе принципы метафизика прежде всего должна изслѣдовать. Эта часть ея называется *онтологіей*. Распредѣляя части метафизики по возрастающей сложности и убывающей общности изслѣдуемыхъ ими проблеммъ, мы получаемъ слѣдующее раздѣленіе метафизики: I онтологія, II космологія и III пневматологія. Названіе этихъ частей напоминаетъ собою старыя схоластическія трактаты метафизики. Но сходство не идетъ далѣе названій, а они употреблены потому, что лучше, чѣмъ всякія другія, указываютъ естественное раздѣленіе предмета метафизики.

10. Исторія метафизики входитъ, какъ главная часть, въ исторію философіи, потому что сама метафизика есть важнѣй-

шая часть философіи. Хотя начало метафизическихъ изслѣдованій теряется въ исторіи древнѣйшихъ восточныхъ цивилизацій, а потомъ главнымъ образомъ заключается въ ученіяхъ древнихъ греческихъ философовъ, начиная отъ малоазійскихъ гилосоистовъ, но собственно отцомъ метафизики, какъ и многихъ другихъ наукъ, нужно считать Аристотеля, потому что онъ первый соединилъ въ одну систему и развилъ далѣе принципы, которые отрывочно были высказаны его предшественниками. Изложеніе этихъ основныхъ принциповъ философіи названо было имъ „*πρώτη φιλοσοφία*“ (первая или основная философія). Однимъ изъ собирателей аристотелевскихъ сочиненій, какъ думаютъ, Андроникомъ Родосскимъ (около 70 г. до Рождества Христова) надъ этимъ трактатомъ была поставлена надпись; „*τὰ μετὰ φυσικά*“, чѣмъ означалось, что читать его нужно послѣ сочиненій Аристотеля о природѣ (*τὰ φυσικά*). Отсюда и произошло названіе науки объ основныхъ принципахъ философіи ¹⁾.

Арсимандритъ Борисъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Такъ какъ исторія метафизики составляетъ интегральную часть исторіи философіи, то тамъ-же излагается, конечно, и литература этой науки, въ связи съ философскою литературой вообще. Поэтому, здѣсь нѣтъ надобности излагать исторію метафизики. Желающимъ-же ознакомиться кратко съ спеціальною исторіей этой науки можно рекомендовать „*Geschichte und Grundfragen der Metaphysik von Dr. Matthias Hamma*“. Изд. 1876. Freiburg im Breisgau.

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА.

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ челоѳической и началѣ зла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе *).

§ 1) Установивши права вѣры и разума въ томъ смыслѣ, что разумъ полезенъ вѣрѣ, нисколько не противорѣча ей, посмотримъ какъ оба они пользуются своими правами для сохраненія и взаимнаго соглашенія того, чему естественный и откровенный свѣтъ научаютъ насъ о Богѣ и челоѳикѣ въ отношеніи къ злу. Всѣ затрудненія въ этомъ отношеніи могутъ быть подѣлены на два класса. Одни возникаютъ изъ свободы челоѳической, которая представляется не совмѣстимою съ божественною природою; и однако-же свобода мыслится необходимою, чтобы челоѳикъ могъ быть признаваемъ виновнымъ и наказуемымъ. Другія относятся къ божественному дѣйствованію, которое, повидимому, принимаетъ слишкомъ большое участіе въ существованіи зла, хотя челоѳикъ свободенъ и съ своей стороны тоже принимаетъ участіе въ этомъ. А подобное явленіе представляется противоположнымъ благодѣи, святости и правдѣ божественной; такъ какъ Богъ содѣйствуетъ злу столько-же физическому, какъ и нравственному, и содѣйствуетъ тому и другому нравственно, равно какъ и физически, и кажется, что то и другое зло дѣлетъ себя замѣтить въ естественномъ состояніи природы, и въ состояніи благодатвомъ, въ жизни будущей и вѣчной столько же и даже болѣе, чѣмъ въ этой скоропреходящей жизни.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 18.

2) Чтобы представить эти затрудненія кратко, надобно замѣтить, что свобода, повидимому, противорѣчитъ предопредѣленію и достовѣрному знанію, какова бы ни была сама въ себѣ свобода эта; и однакоже по общепринятому ученію нашихъ философовъ истина будущихъ случайныхъ событій предопредѣлена. Божественное предвѣдѣніе представляетъ всѣ будущія событія извѣстными и опредѣленными; Божественный промыслъ и Божественное предначертаніе, на которыхъ, повидимому, основывается даже предвѣдѣніе, дѣлаютъ еще болѣе; такъ какъ Богъ не похожъ на человѣка, который можетъ разсматривать событія безразлично и можетъ прекращать свое сужденіе о нихъ; потому что все совершается только вслѣдствіе опредѣленія Его воли и дѣйствіемъ Его всемогущества. Даже не принимая во вниманіе содѣйствія Божія, все въ теченіи природы тѣсно связано одно съ другимъ, потому что ничто не можетъ произойти безъ причины, вполне приспособленной для произведенія извѣстнаго дѣйствія. Это въ равной степени относится и къ свободнымъ дѣйствіямъ, и ко всякимъ другимъ. Послѣ этого кажется, что человѣкъ вынуждается творить совершаемое имъ добро и зло, и слѣдовательно, не заслуживаетъ ни награды, ни наказанія. А это уничтожаетъ нравственность поступковъ и отрицаетъ всякое правосудіе—божеское и человѣческое.

3) Когда признаютъ за человѣкомъ ту свободу, которою онъ причиняетъ себѣ вредъ, все же способъ дѣйствія Божія не перестаетъ быть предметомъ порицаній, усиленныхъ притязательнымъ непониманіемъ людей ¹⁾, которые хотѣли бы извинить себя совершенно или отчасти посредствомъ обвиненія самого

¹⁾ Подъ „притязательнымъ непониманіемъ“ Лейбницъ разумѣетъ незнаніе истинныхъ отношеній между человѣческой свободой и божественнымъ всевѣдѣніемъ. По мнѣнію Лейбница, и эта свобода и это всевѣдѣніе совершенно совмѣстимы другъ съ другомъ, что онъ и постарается выяснить при дальнѣйшемъ изложеніи „Теодицеи“. Такимъ образомъ, когда утверждаютъ, что божественное предвѣдѣніе уничтожаетъ человѣческую свободу; то этимъ самымъ заявляютъ „притязаніе“ на обладаніе такимъ вѣдѣніемъ, которое не принадлежитъ имъ въ дѣйствительности; такъ какъ они не знаютъ или „не понимаютъ“ истиннаго взаимнаго отношенія человѣческой свободы и божественнаго предвѣдѣнія.

Бога. Возражаютъ, что всякая реальность и такъ называемая субстанція дѣйствія, даже при грѣхѣ, есть произведеніе Божіе; потому что всѣ созданія и всѣ ихъ дѣйствія отъ Него получаютъ всю свою реальность; отсюда стараются заключить, что Богъ есть не только физическая причина грѣха, но и нравственная причина его, потому что Онъ дѣйствуетъ совершенно свободно и создаетъ все съ совершеннымъ знаніемъ предметовъ и всѣхъ возможныхъ послѣдствій ихъ. Недостаточно сказать, что Онъ установилъ для Себя законъ, по которому содѣйствуетъ всѣмъ желаніямъ и рѣшеніямъ человѣка, въ смыслѣли общепринятомъ, или въ смыслѣ системы случайныхъ причинъ; потому что кромѣ того, что находятъ страннымъ установленіе Имъ такого закона, котораго послѣдствія были бы Ему неизвѣстны, главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что повидимому даже злая воля не можетъ существовать безъ содѣйствія и даже безъ нѣкотораго предопредѣленія съ Его стороны, поражающихъ эту волю въ человѣкѣ, или въ какомъ-либо другомъ разумномъ существѣ; потому что дѣйствіе, чтобы стать злымъ, все же находится въ зависимости отъ Бога. Отсюда наконецъ склоняются къ заключенію, что Богъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ добру и злу безразлично, если только не хотятъ утверждать съ манихеями, что существуетъ два начала, одно доброе и другое злое. Даже больше. Такъ какъ согласно съ общепринятымъ ученіемъ богослововъ и философовъ сохраненіе міра есть непрерывное твореніе; то отсюда заключаютъ, что человѣкъ непрерывно создается поврежденнымъ и грѣховнымъ; не говоря уже о современныхъ намъ картезіанцахъ, которые утверждаютъ, что Богъ есть единственный дѣятель, а твари суть чисто пассивныя орудія Его, на какое ученіе Бель неоднократно ссылается.

4) Но если даже Богъ содѣйствуетъ поступкамъ лишь общимъ содѣйствіемъ или даже вовсе не содѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, не содѣйствуетъ злымъ поступкамъ: то и этого, говорятъ, достаточно для вмѣненія Ему и признанія его нравственною причиною (всѣхъ нашихъ поступковъ), такъ какъ ничто не совершается безъ Его поущенія. Не говоря уже ничего о паденіи ангеловъ, Онъ зналъ все имѣющее произойти

въ будущемъ, когда послѣ созданія человѣка поставилъ его среди такихъ или иныхъ обстоятельствъ, и когда не отмѣнилъ постановленія его среди этихъ обстоятельствъ. Онъ подвергъ человѣка испытанію, которое, какъ это извѣстно было, приведетъ его къ паденію, и въ слѣдствіе котораго человѣкъ станетъ причиною безконечнаго числа страшныхъ золъ. Богъ зналъ, что посредствомъ этого паденія весь человѣческій родъ будетъ зараженъ грѣхомъ и будетъ ввергнутъ въ нѣкоторый видъ необходимости грѣшить, что называютъ первороднымъ грѣхомъ; Онъ зналъ, что посредствомъ этого міръ подвергнется страшному разстройству; что такимъ образомъ будутъ введены смерть и болѣзни, съ тысячами другихъ несчастій и бѣдствій, которыя обыкновенно поражаютъ и добрыхъ и злыхъ людей; что злоба будетъ даже владычествовать на землѣ, а добродѣтель будетъ угнетена до такой степени, что будетъ казаться будто Промыслъ вовсе не управляетъ всѣми дѣлами. Но дѣло представляется еще хуже, когда подумаютъ о будущей жизни, потому что только небольшое число спасется въ этой жизни, а всѣ остальные на вѣки погибнутъ; не говоря уже о томъ, что эти предназначенные къ спасенію люди будутъ избраны изъ массы погибающихъ безъ всякой причины, хотя бы сказали, что при этомъ избраніи Богъ обращаетъ вниманіе на ихъ будущія добрыя дѣйствія, на ихъ вѣру или на ихъ дѣла, или хотя бы утверждали, что Онъ самъ даруетъ имъ эти добрыя качества и эти дѣйствія, такъ какъ Онъ предопредѣлилъ ихъ ко спасенію. Ибо хотя и говорится въ (богословской) системѣ наиболѣе смягченной, что Богъ хочетъ спасенія всѣхъ людей, а въ другихъ общепринятыхъ системахъ хотя и допускаютъ, что для изглажденія человѣческихъ грѣховъ, Онъ допустилъ Сыну своему принять природу человѣческую, такъ что всѣ вѣрующіе въ Него живою и рѣшительною вѣрою будутъ спасены,—все же остается вѣрнымъ, что эта живая вѣра есть даръ Божій; что мы мертвы для всѣхъ добрыхъ дѣлъ; что необходимо, чтобы предваряющая благодать Божія возсоздала самую нашу волю, и что Богъ даруетъ намъ и (доброе) желаніе, и (доброе) дѣйствованіе. Пусть это совершается одною вседѣйствующею (efficace) благодатію, т. е., единымъ внутрен-

нимъ божественнымъ движеніемъ, всецѣло опредѣляющимъ нашу волю къ выполняемому ею добру; или пусть это совершается только довлѣющею (suffisante) благодатию, всегда возбуждающею и становящеюся вседѣйствующею лишь при посредствѣ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ человѣкъ находится и среди которыхъ Богъ его поставляетъ, — всегда надобно приходитъ къ тому убѣжденію, что Богъ есть послѣдняя причина спасенія, благодати и избранія во Иисусѣ Христѣ. И хотя-бы избраніе было причиною или слѣдствіемъ Божественнаго намѣренія даровать людямъ вѣру, всегда остается вѣрнымъ, что Богъ даруетъ намъ вѣру и спасеніе по своему благоусмотрѣнію, не указывая никакой причины своего избранія, простирающагося на очень небольшое число людей.

5) Такъ что даже страшнымъ представляется ученіе о томъ, что Богъ, даровавши Сына единороднаго ради всего рода человѣческаго и будучи единственнымъ виновникомъ и владыкою спасенія людей, однакоже спасаетъ столь немногихъ и оставляетъ всѣхъ остальныхъ врагу своему діаволу, который мучитъ ихъ вѣчно и заставляетъ проклинать своего создателя, хотя Богъ создалъ ихъ для распространенія и возвѣщенія Его благости, Его правосудія и другихъ Его совершенствъ; и эти факты возбуждаютъ тѣмъ большій ужасъ, что всѣ эти люди несчастны на всю вѣчность только потому, что Богъ подвергъ ихъ прародителей испытанію, противъ котораго, какъ Ему извѣстно было, они не могли устоять; что прародительскій грѣхъ усвоенъ и вмѣненъ людямъ прежде, чѣмъ ихъ воля принимала въ этомъ участіе; что этотъ наслѣдственный порокъ опредѣляетъ ихъ волю къ совершенію грѣховъ произвольныхъ; и что безчисленное множество людей, дѣтей и отроковъ, никогда не слышавшихъ объ Иисусѣ Христѣ, Спасителѣ рода человѣческаго, или не слышавшихъ о Немъ достаточно, — умираютъ прежде полученія необходимой помощи для избавленія отъ этой бездны грѣха, и навсегда осуждены быть врагами Божиими и быть ввергнутыми въ самыя страшныя бѣдствія, съ наизлѣйшими изъ всѣхъ тварей, хотя въ сущности эти люди столько-же злы, какъ и другіе, и хотя многіе изъ нихъ, быть можетъ, менѣе виновны, чѣмъ въ некоторая часть того не-

многаго числа избранныхъ, которая спасена по даровой благодати, и которая поэтому наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ, совершенно незаслуженнымъ ею. Вотъ въ краткомъ очеркѣ затрудненія, возникающія у многихъ; Бель-же принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые наиболѣе поражаются этими затрудненіями, какъ это обнаружится впослѣдствіи, когда мы будемъ разсматривать страницы (его сочиненій). Теперь же я изложилъ только наиболѣе существенное въ этихъ затрудненіяхъ; но я счелъ полезнымъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ (рѣзкихъ) выраженій и преувеличеній, которыя могли бы соблазнять читателей и которыя не дѣлали-бы самыхъ возраженій болѣе сильными.

6) Теперь переверотимъ медаль на другую сторону; представимъ также и то, что слѣдуетъ отвѣчать на эти возраженія, которыя необходимо будетъ рѣшить посредствомъ болѣе обширнаго разбора; потому что можно намѣтить много затрудненій въ немногихъ словахъ; но чтобы ихъ рѣшить, надобно ихъ разчленивъ. Наша цѣль состоитъ въ удаленіи людей отъ ложныхъ идей, представляющихъ имъ Бога абсолютнымъ государемъ, пользующимся деспотическою властію, мало внушающимъ любовь и мало достойнымъ любви. Эти представленія тѣмъ болѣе ложны въ отношеніи къ Богу, что сущность благочестія состоитъ не только въ страхѣ, но и въ любви къ Нему превыше всѣхъ предметовъ; а это невозможно безъ познанія Его совершенствъ, могущихъ возбудить справедливую къ Нему любовь и составляющую блаженство любящихъ Его. Чувствуя себя одушевленными ревностію, которая не можетъ быть лишена божественнаго благоволенія, мы имѣемъ основаніе надѣяться, что Богъ просвѣтитъ насъ и Самъ будетъ присутствовать при исполненіи нашего намѣренія, предпринятаго ради Его славы и ради блага людей; и хотя существуютъ кажущіяся явленія, говорящія противъ насъ: но находятся доказательства и на нашей сторонѣ; и я осмѣливаюсь сказать противнику:

Aspice, quam mage sit nostrum penetrabile telum.

(Посмотри, насколько глубже вонзается наша стрѣла ¹⁾).

¹⁾ Этотъ стихъ заимствованъ изъ Энеиды Виргилія. Кн. X. гл. V. ст. 481.

7) *Богъ есть первая причина предметовъ*; потому что ограниченные предметы, каковы видимые и наблюдаемые нами, случайны и не имѣютъ въ себѣ ничего, что дѣлало-бы ихъ существованіе необходимымъ, такъ какъ очевидно, что время, пространство и матерія, будучи едины и однообразны въ себѣ самихъ и безразличны ко всему, могли-бы принимать совершенно другія движенія и фигуры и въ иномъ порядкѣ. Итакъ надобно искать *причину существованія міра*, который есть полная совокупность *случайныхъ* предметовъ, и надобно искать ее въ *субстанціи, носящей основаніе своего бытія въ себѣ*; и слѣдовательно *необходимой* и *вѣчной*. Надобно также, чтобы эта причина была *разумною*; ибо такъ какъ существующій міръ случаенъ и такъ какъ безчисленное число другихъ міровъ было равнымъ образомъ возможно и равнымъ образомъ, такъ сказать, заявляло притязаніе на такое-же существованіе, какъ и настоящій міръ: то надобно, чтобы причина міра принимала все это во вниманіе и поставляла себя въ такое или иное отношеніе къ этимъ возможнымъ мірамъ для избранія изъ нихъ одного. А это созерцаніе или отношеніе, существующей субстанціи къ чисто-возможнымъ мірамъ, могло принадлежать не чему либо иному, какъ только *разуму*, имѣющему идеи объ этихъ возможностяхъ; а самое избраніе одного міра могло быть только актомъ избирающей *воли*. Только *могущество* этой субстанціи даетъ волѣ осуществленіе. Могущество ея приводитъ къ *бытію*, мудрость или разумъ къ *истинѣ*, а воля къ *благу*. И эта разумная причина должна быть безконечною во всѣхъ отношеніяхъ и абсолютно совершенною по *могуществу, мудрости* и *благодати*, потому что она обнимаетъ все, что возможно. И такъ какъ все соединено одно съ другимъ, то нѣтъ мѣста для допущенія другой разумной причины. Ея разумъ служитъ источникомъ *сущностей*, а ея воля служитъ началомъ *существованій*. Вотъ въ немногихъ словахъ доказательство бытія единаго Бога, съ Его совершенствами, а равно и происхожденія предметовъ чрезъ Него ¹⁾.

¹⁾ Приведенное Лейбницемъ доказательство бытія всемогущаго, всевѣдущаго и всеблагаго Бога, создавшаго и сохраняющаго этотъ видимый нами міръ, со-

8) Эта высочайшая мудрость, въ соединеніи съ благостію, не менѣе мудрости безконечной, не можетъ не избирать наилучшаго. Потому что какъ меньшее зло есть въ нѣкоторомъ родѣ добро, такъ и меньшее добро есть въ нѣкоторомъ родѣ зло, если оно полагаетъ препятствіе для появленія большаго добра, и если-бы можно было нѣчто исправить въ дѣйствіяхъ Божіихъ, когда-бы Богъ имѣлъ средства улучшить это. И какъ

ставляетъ собою такъ называемое *космологическое* доказательство, на ряду съ онтологическимъ, теологическимъ и нравственнымъ. Его обыкновенно признаютъ слабымъ; такъ какъ доказательство это прерываетъ рядъ причинъ и заключаетъ отъ бытія міра къ его единой и абсолютной причинѣ. Кирхманъ, напр., говорятъ, что заключать подобнымъ образомъ мы не имѣемъ права; потому что законъ причинности не есть законъ безусловный или общераспространенный, по крайней мѣрѣ, его безусловность и общераспространенность не доказана. Далѣе, всякое заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ не достовѣрно; потому что могутъ существовать многія причины, которыя совмѣстно и могутъ призывать къ бытію известное дѣйствіе. Слабо доказательство и тогда, когда утверждаетъ, что въ этомъ мірѣ все конечно и случайно, а потому надобно допустить причину безконечную и самобытную; многіе философы, древніе и новыя, признаютъ матерію (*ουλη*) и силу вѣчными; это повидимому подтверждаетъ и современная наука, которая нигдѣ не находитъ уничтоженія матеріи и силы, хотя и замѣчаетъ непрерывный круговоротъ матеріи и силы отъ разнообразныхъ соединеній ихъ. Еще сомнительнѣе понятіе субстанцій, носящей причину своего бытія въ себѣ самой, какъ *causa sui* Спинозы; понятіе это содержитъ противорѣчіе въ себѣ самомъ. Оно смѣшиваетъ причину съ дѣйствіемъ въ божественной природѣ. Притомъ-же можно признавать и міръ, обладающимъ *causa sui*. Когда же для бытія міра признаютъ *causa sui* въ немъ самомъ недостаточною и допускаютъ стороннюю въ отношеніи къ міру причину; то на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ нельзя останавливаться и на этой сторонней причинѣ, т. е. можно продолжать причинную связь и дальше. Такимъ образомъ, когда допускаютъ Существо, обладающее причиною своего бытія въ себѣ самомъ; то не говоря о противорѣчій, допускаютъ это чисто произвольно. Если ужъ надобно гдѣ либо прервать рядъ причинъ; то его всего лучше прервать въ видимомъ мірѣ, а не въ Богѣ.

Мы привели всѣ эти философскія, и въ частности Кирхмановы положенія, не съ тѣмъ, чтобы подвергать ихъ критикѣ, а съ тѣмъ, чтобы показать какъ слабы и несостоятельны доводы, на которыхъ утверждается, или хочетъ утвердиться современное намъ невѣріе въ Бога. Лейбницъ отлично зналъ эти доводы и не придавалъ имъ никакой цѣны, хотя позже его Кантъ сгруппировалъ ихъ и сообщилъ имъ своеобразную форму. Мы ограничимся въ этомъ отношеніи слѣдующимъ общимъ соображеніемъ. Справедливо то, что законъ причинности не есть законъ безусловный и общедоказанный. Скажемъ даже больше. Если разсматривать причинную связь въ отвлеченіи, то она не только перестаетъ казаться естественною и необходимою, но, напротивъ, становится, какъ

въ математикѣ, когда нѣтъ ни наибольшаго, ни наименьшаго, или вообще нѣтъ ничего опредѣленнаго—все становится равнымъ; или когда и это невозможно, — рѣшительно уже нѣтъ ничего: такъ и въ отношеніи къ совершеннѣйшей мудрости, которая не менѣе правильна какъ и математика, можно сказать, что если-бы не было наилучшаго (*optimum*) міра среди всѣхъ возможныхъ міровъ, то Богъ не призвалъ-бы къ бытію

прекрасно выражается о ней г. Розовъ, загадочнымъ и необъяснимымъ фактомъ, едва вѣроятнымъ и трудно мыслимымъ; такъ что кажется гораздо болѣе простымъ существованіе всѣхъ вещей и явленій отдѣльно и независимо, другъ возлѣ друга, но не другъ съ другомъ. Отношеніе причины къ дѣйствию само должно утверждаться на представленіи непрерывнаго Божественнаго творчества или содѣйствія. И однакоже на этомъ не доказанномъ, загадочномъ и необъяснимомъ законѣ основано все наше знаніе и даже все реалистическое міросозерцаніе, вся, такъ называемая, индуктивная логика и все современное движеніе наукъ. Ужели же мы имѣемъ право отказаться отъ всего этого, или отъ закона причинности изъ пустой боязни прійти путемъ причинности къ признанію причины самобытной и безусловной? Вѣдь это значило бы отказаться отъ всѣхъ нашихъ наукъ и отъ самаго нашего разума на томъ единственно основаніи, что законъ причинности самъ по себѣ не понятенъ и не доказателен: какъ законъ всеобщій? Но мало ли что можетъ быть не понятно и не доказано для нашего разума, и однакоже оно истинно для насъ; многое мы должны принимать на вѣру, не имѣя возможности доказать этого своимъ разумомъ. Реалисты соглашались, по какому то непонятному спусхожденію, признать рядъ условныхъ причинъ; но боясь признанія причины безусловной и этимъ, очевидно, впадають въ односторонность и противорѣчіе. Безъ признанія безусловной, самосущей и первичной причины исчезаетъ для насъ самое понятіе причинности; мы теряемся въ потокъ причинной связи и не будемъ знать, что назвать причиною и что дѣйствиемъ. Потому то и матеріалисты вынуждаются искать абсолютную причину чисто въ фиктивныхъ понятіяхъ матеріи и силы. Словомъ, односторонній логическій приѣмъ приводитъ къ одностороннимъ логическимъ выводамъ. Если логика Аристотеля, или теорія силлогизмовъ, не даетъ намъ познанія природы, физической и нравственной; то современная намъ логика Бэкона, или теорія индукціи, не даетъ намъ возможности строить правильныя умозрѣнія. Каждая изъ этихъ теорій, выполняя свое собственное назначеніе, нуждается во взаимной поддержкѣ и помощи. Скажемъ даже больше. И индукція и дедукція совмѣстно едвали приведутъ насъ къ полному обладанію истинною, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ понято духъ человѣческой со всѣми его коренными или основными законами. Мы утверждаемъ это въ виду того факта, что современная намъ логика, столько же какъ и логика Аристотеля, страдаетъ еще односторонностію, неполнотою и очевиднымъ противорѣчіемъ требованіямъ духа. Кирхманъ удивляется также, какимъ образомъ Лейбницъ, прерывая причинную связь и допуская бытіе самобытной причины или субстанціи, въ тоже время усваиваетъ этой причинѣ или субстанціи высочайшую мудрость и благость, не смотря на существованіе зла въ этомъ мірѣ. Онъ приз-

никакого. Я называю міромъ всѣ послѣдствія и всѣ соотношенія всѣхъ существующихъ предметовъ, чтобы нельзя было уже утверждать будто еще многіе міры могутъ существовать въ разныхъ времена и въ разныхъ мѣстахъ. Потому что всѣ ихъ въ совокупности надобно считать за одинъ міръ, или, если угодно, за одну вселенную. И когда всѣ времена и всѣ мѣста будутъ наполнены этою вселенною, все-же остается вѣрнымъ, что ихъ можно было-бы наполнить безконечно разнообразнымъ способомъ и что существуетъ безконечное число возможныхъ міровъ, изъ которыхъ надобно, чтобы Богъ избралъ наилучшій, потому что Онъ все производитъ по требованію высочайшей мудрости ¹⁾).

9) Если какой-либо противникъ (нашъ) ничего не можетъ

наеть логическимъ кругомъ, когда Лейбницъ, усвоивши первой субстанціи высочайшую мудрость и благость, отсюда уже заключаетъ, что видимое нами зло только кажется намъ зломъ; такъ какъ мы не можемъ созерцать міра во всей обширности и связи. Кирхманъ объясняетъ себѣ этотъ допущенный Лейбницемъ логическій кругъ глубокою вѣроу Лейбница въ церковное ученіе; и еще тѣмъ, что только такимъ образомъ онъ могъ рѣшить возраженія въ своей „Теодицеѣ“. Между тѣмъ всего этого Лейбницъ будто-бы не долженъ былъ допускать; потому что еще гораздо раньше Лейбница Дунсъ Скотъ, опровергая Ому Аквината, доказывалъ, что отъ бытія міра нельзя заключать къ бытію первопрічины; а Оккамъ даже ясно высказалъ убѣжденіе, что доводами, заимствованными изъ разума, нельзя доказать бытія Божія вообще. Итакъ не надобно прерывать причинную связь, чтобы такимъ путемъ дойти до созерцанія первоначальной причины. Другими словами, не надобно искать Бога, не надобно признавать религіозныя истины, чтобы такимъ путемъ продолжать одностороннее мышленіе и до конца доводить односторонніе выводы изъ односторонняго мышленія. Но это похоже уже на научный фанатизмъ, который во имя своей односторонней, загадочной и необъяснимой точки зрѣнія, готовъ жертвовать всѣмъ и даже самыми дорогими законами и потребностями человѣческаго духа.

¹⁾ Высказанное въ этомъ § положеніе Лейбница о томъ, что существующій міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, составляетъ собою главное положеніе всей „Теодицеи“. Но противъ этого положенія возражаютъ какъ реалисты, такъ и пессимисты. Мы ничего не будемъ говорить о возраженіяхъ, выводимыхъ изъ отрицанія бытія Божія и Его высочайшихъ совершенствъ, какъ-то: мудрости, благости, всемогущества и проч. Люди, которые намѣренно смѣжаютъ очи свои, чтобы не видѣть свѣта, разумѣется, никогда не увидятъ его; съ подобными людьми споръ не возможенъ. Но мы скажемъ нѣсколько словъ о возраженіяхъ противъ теоріи „наилучшаго міра“, заимствованныхъ изъ разсмотрѣнія самой философіи Лейбница. Кирхманъ, напримѣръ, говоритъ, что представленіе безконечнаго числа возможныхъ міровъ есть представленіе не состоятельное, съ точки зрѣнія самой философіи Лейбница: такъ какъ самъ

возразить противъ этого довода, то, быть можетъ, возразить противъ заключенія посредствомъ противоположнаго соображенія, утверждающаго, что этотъ міръ могъ-бы быть созданъ безъ грѣха и безъ страданій; но я отвергаю, чтобы этотъ міръ былъ тогда *наилучшимъ*. Потому что надобно знать, что все находится въ связи въ каждомъ изъ возможныхъ міровъ; вселенная, какова-бы она ни была, въ своей совокупности есть какъ-бы океанъ; малѣйшее движеніе въ немъ распространяетъ свое дѣйствіе на самое отдаленное разстояніе, хотя это дѣйствіе становится менѣе чувствительнымъ по мѣрѣ разстоянія; такъ что Богъ все установилъ въ немъ на будущее время разъ и навсегда, предвидя всѣ молитвы, добрыя и худыя дѣла, и все остальное; и всякій предметъ *идеально*, прежде своего существованія, содѣйствовалъ божественному рѣшенію, которое принято было Богомъ относительно существованія всѣхъ предметовъ. Такъ что во вселенной ничто не можетъ быть

Лейбницъ полагаетъ границы божественному всемогуществу, когда утверждаетъ что 1) Богъ подчиненъ заколу противорѣчій и потому не можетъ создать міра, противорѣчащаго себѣ; и что 2) божественная мудрость и благодѣтельность руководятся въ своей дѣятельности такими же правилами, какими руководствуются мудрые и добрые люди. А эти границы сами собою исключаютъ уже множество возможныхъ міровъ, особенно предположивши, что эти невозможные міры лучше настоящаго. На нашъ взглядъ подобное возраженіе не имѣетъ никакого значенія. Нельзя, напримѣръ, назвать челоуѣка сильнымъ потому только, что онъ своею мудростію и доброю ограничиваетъ свою силу и не дѣлаетъ всего того, что можетъ сдѣлать среди извѣстныхъ обстоятельствъ; также точно нельзя отвергать безконечное число возможныхъ міровъ только потому, что Богъ по своей благодѣтельности и премудрости мыслитъ нѣкоторые изъ нихъ не достойными бытія. Богъ Самъ ограничиваетъ свое всемогущество; но и при этомъ самоограниченіи Онъ мыслитъ безконечное число возможныхъ міровъ, изъ которыхъ избираетъ наилучшій.—Кирхманъ говоритъ еще, что самое представленіе безконечнаго числа возможныхъ міровъ немислимо даже для безконечнаго разума; потому что и безконечный разумъ, восходя отъ безконечнаго числа возможныхъ міровъ къ новому числу безконечныхъ міровъ, нигдѣ не можетъ остановиться въ своемъ представленіи, и послѣдовательно долженъ переходить отъ одной возможности къ другой, и будетъ переходить подобнымъ образомъ въ безконечное время. Вообще безконечно возможное не можетъ превратиться въ возможное конечное. Вся сила этого возраженія основана на послѣдовательности времени, на безконечномъ переходѣ въ представленіи отъ одной возможности къ другой, послѣдовательно новой и новой. Но Бога надобно мыслить внѣ формъ пространства и времени. Для Бога нѣтъ ни *прежде*, ни *послѣ*; а потому нѣтъ и частныхъ послѣдовательныхъ моментовъ представленія; Богъ объемлетъ безконечнымъ представленіемъ безконечное

безразлично видоизмѣнено по своей сущности (равно какъ и по своей численности), или, если угодно, безразлично видоизмѣнено въ отношеніи къ *численной индивидуальности* вселенной. Такимъ образомъ, если не будетъ существовать малѣйшаго зла, совершающагося въ этомъ мірѣ, то міръ не будетъ уже болѣе этимъ міромъ, который, будучи вполне соображенъ и вполне обдуманъ, признавъ избравшимъ его Творцемъ наилучшимъ.

10) Справедливо то, что можно воображать себѣ возможные міры безъ грѣха и безъ несчастія, и въ нихъ можно устроить все, какъ устроятся (фантастическіе) севарамбы въ романахъ утопій; но эти міры въ отношеніи къ благу будутъ гораздо ниже нашего. Я не могу доказать вамъ этого въ частныхъ примѣрахъ, потому что могу-ли я знать и могу-ли я представить безконечное число міровъ и сравнить ихъ другъ съ дру-

число возможныхъ міровъ вдругъ, за разъ и въ одинъ моментъ; именно поэтому Снъ и есть безконечно премудрый, или всевѣдущій Богъ.—Кирхманъ говоритъ еще, что избраніе наилучшаго міра изъ безконечнаго числа возможныхъ міровъ противорѣчитъ логической необходимости, которой, по Лейбницу, подчиненъ и Богъ. А это логически необходимое, съ одной стороны, исключаетъ безконечное число возможныхъ міровъ, не обладающихъ въ божественномъ представленіи равною логическою необходимостію; а съ другой,—исключаетъ и выборъ наилучшаго міра. Другими словами, Богъ мыслить одинъ только логически необходимый міръ и даетъ бытіе только этому логически необходимому міру, вѣвъ всякаго избранія. Но мы видѣли уже, что Лейбницъ строго различаетъ логически необходимое отъ нравственно необходимаго и говоритъ, что существующій наилучшій міръ созданъ по нравственной, а не логической необходимости. Лейбницъ во имя логики не уничтожаетъ въ Богѣ свободы; и Богъ творитъ этотъ міръ *не необходимо*, а совершенно *свободно*.—Вообще Кирхману не нравится Лейбницева идея сравненія и избранія наилучшаго міра, потому что она слишкомъ человѣкообразна, заимствована изъ человѣческихъ приемовъ обдумыванія предметовъ и не должна быть вполне примѣняема къ Существу высочайшему. Конечно, человѣкообразныя представленія не достойны Существа высочайшаго: но Лейбницъ нигдѣ и не говоритъ намъ, чтобы человѣкообразное обдумываніе всѣхъ возможныхъ міровъ и затѣмъ избраніе изъ нихъ наилучшаго дѣйствительно имѣло мѣсто въ умѣ божественномъ; онъ хочетъ только уяснить свою идею созданія Богомъ наилучшаго міра; и если-бы онъ могъ выяснить ее безъ человѣкообразныхъ представленій, то, конечно, онъ сдѣлалъ бы это. Въ данномъ случаѣ Лейбницъ прибѣгаетъ къ обычнымъ человѣкообразнымъ представленіямъ, потому что избѣжать ихъ не можетъ. Что же касается возраженій противъ теоріи „наилучшаго міра“, заимствованныхъ изъ существованія зла въ мірѣ, то Лейбницъ самъ подвергнетъ ихъ разбору въ слѣдующихъ §§ своей „Теодицеи“.

гомъ? Но вы должны признать это вмѣстѣ со мною *ab effectu* (на основаніи дѣйствительности); потому что Богъ избралъ этотъ міръ такимъ, какимъ онъ есть. Мы знаемъ также, что часто зло служитъ причиною добра, которое совершенно не произошло-бы безъ этого зла. Часто даже двойное зло даетъ бытіе одному великому добру:

Et si fata volunt, bina venena juvant.

(И если судьбѣ угодно, то помогаетъ и двойной ядъ).

Такъ двѣ жидкости производятъ иногда сухое (химическое) тѣло, какъ это происходитъ съ виннымъ спиртомъ и экстрактомъ урины при опытахъ Гельмонта¹⁾; такъ два холодныя и темныя тѣла горятъ большимъ огнемъ, какъ это происходитъ съ кислотною жидкостью (*liqueur acide*) и ароматическимъ растительнымъ масломъ (*huile aromatique*), соединяемыми Гофманомъ. Иногда командующій арміею допускаетъ счастливую ошибку, которая доставляетъ ему побѣду въ большомъ сраженіи; и не поютъ-ли на пасхальной всеобщей въ церквахъ католическаго обряда:

*O certe necessarium Adae peccatum,
Quod Christus morte deletum est!
O felix culpa, quae talem ac tantum
Meruit habere Redemptorem!*

(О, по-истинѣ необходимый грѣхъ Адама, который былъ уничтоженъ смертію Христа! О, счастливая вина, которая удостоилась имѣть такого и столь великаго Искупителя!

11) Знаменитые прелаты галликанской церкви, писавшіе папѣ Иннокентію XII противъ книги кардинала Сфондрата о предопредѣленіи, такъ какъ держались началъ святаго Августина, высказали положенія очень пригодныя для выясненія этого великаго вопроса. Кардиналъ предпочиталъ, кажется, состояніе умершихъ безъ крещенія дѣтей царству небесному,

¹⁾ *Ванъ-Гельмонтъ* (1577—1644) признается однимъ изъ первыхъ основателей современной химіи. Онъ первый показалъ, что въ атмосферномъ воздухѣ существуютъ газы, которые при химическихъ соединеніяхъ не уничтожаются, но входятъ какъ составныя части въ новыя тѣла. Онъ также опровергъ мнѣніе своего предшественника, Парацельса, который думалъ, что всѣ организмы состоятъ изъ ртути, сѣры и соли; онъ-же опровергалъ мнѣніе Аристотеля о четырехъ элементахъ природы.—Кирхманъ замѣчаетъ, что приведенный въ

потому что грѣхъ есть величайшее изъ золъ, и потому что дѣти эти умерли невинными, ввѣ всякаго произвольнаго грѣха. Ниже мы скажемъ объ этомъ подробнѣе. Господа прелаты хорошо замѣтили, что это мнѣніе дурно обосновано. Апостолъ (Римл. 5, 8) справедливо, говорятъ они, порицаетъ совершеніе зла для появленія добра; но нельзя порицать того, что Богъ, по Своему чрезвычайному могуществу, извлекаетъ изъ допущенія грѣховъ большія блага, чѣмъ какія могли бы произойти безъ грѣховъ. Поэтому мы не должны радоваться грѣху, отъ котораго Богъ предостерегаетъ насъ; но должны вѣрить тому же апостолу, который говоритъ (Римл. 5, 20), что тамъ, гдѣ умножается грѣхъ, преизбыточествуетъ благодать, и должны помнить, что мы стяжали Самого Іисуса Христа по поводу грѣха. Такимъ образомъ, очевидно, что, по убѣжденію этихъ прелатовъ, послѣдствія дѣйствій, при которыхъ существовалъ грѣхъ, могли быть и дѣйствительно были лучшими, чѣмъ какія могли быть эти послѣдствія безъ существованія грѣха ¹⁾.

12) Во всѣ времена пользовались сравненіями, заимствованными отъ чувственныхъ удовольствій, соединенныхъ съ ощущеніями приближающимися къ болѣзненнымъ, — и пользовались этимъ для поясненія того, что нѣчто подобное происходитъ и

этомъ § доводъ для доказательства теоріи „наилучшаго міра“ не отличается особенною силою; Лейбницъ повторяетъ только то, что говоритъ въ § 8. Такъ какъ Богъ премудръ и благъ, то настоящій міръ долженъ быть признаваемъ наилучшимъ; а потому и существующее въ немъ зло не противорѣчитъ этому утверженію. Замѣчаніе вѣрное. Но дѣло въ томъ, что многого мы и не можемъ доказать съ логическою необходимостію и должны довольствоваться наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніемъ. Вѣроятное мнѣніе только тогда должно быть отвергаемо, когда на мѣсто его можетъ быть приведено необходимое заключеніе. Справедливо то, что самъ Лейбницъ допускаетъ возможность существованія міра безъ грѣха и страданій, и этимъ усиливаетъ возраженія противъ себя самого, особенно, когда не показываетъ, почему этотъ мыслимый безъ грѣха и страданій міръ не можетъ считаться лучшимъ сравнительно съ существующимъ; но для рѣшенія этого возраженія надобно было бы обладать такимъ вѣдѣніемъ, какимъ не обладаетъ ни одинъ человѣкъ; надобно было бы обладать даже божественнымъ всевѣдѣніемъ. По крайней мѣрѣ, и пессимистическое воззрѣніе, по которому этотъ міръ не есть наилучшій, еще болѣе не доказано и еще болѣе подпадаетъ различнымъ недоумѣніямъ. Во всякомъ случаѣ, и вѣра и разумъ учатъ насъ, что Богъ извлекаетъ изъ существующаго зла такое добро, которое недостижимо было бы при иныхъ условіяхъ.

¹⁾ Кирхманъ замѣчаетъ, когда Лейбницъ утверждаетъ, что Богъ подчиняетъ Себя тѣмъ же нравственнымъ законамъ, какимъ подчинены люди, то этимъ про-

при интеллектуальныхъ удовольствіяхъ. Немножко кислоты, остроты и горечи часто нравится намъ больше сахара; тѣни усиливаютъ цвѣта, и даже (музыкальное) разногласіе, появляющееся въ должномъ мѣстѣ, рельефнѣе представляетъ гармонію. Мы хотимъ быть приведенными въ трепетъ канатными плясунами, вотъ-вотъ готовыми упасть; и намъ нравятся трагедіи почти заставляющія насъ плакать. Наслаждались-ли бы мы здоровьемъ, и достаточно-ли воздавали бы за него благодареніе Богу, если бы никогда не испытывали болѣзни? И не надобно-ли, большею частію, немножко скорби для болѣе яснаго ощущенія блага, т. е. для сознанія его болѣе великимъ?

13) Но скажутъ, что бѣдствія велики и существуютъ въ огромномъ числѣ. Ошибаются. Только недостатокъ внимательности уменьшаетъ наши блага; и надобно, чтобы эта внимательность была возбуждена нѣкоторою примѣсью золь. Если бы мы обыкновенно были больны и только изрѣдка были здоровы, то мы удивительнымъ образомъ сознали бы это благо, и менѣе были бы чувствительны къ нашимъ скорбямъ: тѣмъ не менѣе не надобно ли желать, чтобы здоровье было обычнымъ, а болѣзнь рѣдкою? Восполнимъ же своимъ размышленіемъ то, чего недостаетъ въ нашемъ воспріятіи, чтобы сдѣлать для себя благо здоровья болѣе ощутимымъ. Если бы мы не имѣли никакого представленія о будущей жизни; то думаю, не много нашлось бы людей, которые съ приближеніемъ смерти не пожелали бы возвратиться къ жизни, съ условіемъ пережить ее съ одною и тою же степенью благъ и золь, въ особенности же если бы благо и зло не были прежняго вида; люди удовольствовались бы этою (простою) перемѣною; не домогаясь лучшаго состоянія, чѣмъ какое было пережито ими.

14) Когда разсматриваютъ также бревность человѣческаго тѣла, то удивляются мудрости и благости Творца природы, Который создалъ его столь устойчивымъ и состояніе его столь снос-

творѣнтію высказываемому здѣсь положенію о томъ, что люди не должны творить, или допускать зла для извлеченія изъ него добра. Люди должны поступать также, какъ поступаетъ Богъ. Но Кирхманъ забываетъ, что одинъ Богъ обладаетъ абсолютною и всею совершенною свободою; наша же свобода ограничена, конечна и условна, не говоря же о томъ, что совершеніе зла для извлеченія изъ него добра положительно запрещено намъ Словомъ Божиимъ.

нымъ. Именно это заставляло меня часто говорить, что я не удивляюсь тому, что люди иногда болѣютъ; но я удивляюсь тому, что они болѣютъ такъ мало и что не болѣютъ всегда; а это тоже должно заставлять насъ болѣе удивляться божественному искусству въ устройствѣ животныхъ механизмовъ, которыхъ машины Творецъ устроилъ столь слабыми и столь удобоповреждаемыми, и однакоже столь способными къ самосохраненію; потому что скорѣе природа лечитъ васъ, чѣмъ медицина. Самая же эта брѣньность должна быть признана необходимымъ слѣдствіемъ природы вещей, если только не желаютъ, чтобы тотъ видъ созданія, который размышляетъ и одаренъ плотью и костями, вовсе не существовалъ въ этомъ мірѣ. Но очевидно, тогда обнаружился бы тотъ недостатокъ, который нѣкоторые прежніе философы называли *vacuum formam*, пустою въ порядкѣ видовъ ¹⁾).

15) Люди сохраняющіе такое расположеніе духа, по которому довольны природою и своимъ положеніемъ и не жалуется на нихъ, представляются мнѣ достойными предпочтенія предъ всѣми другими; потому что, кромѣ того, что человѣческія жалобы неосновательны, они составляютъ дѣйствительный ропотъ противъ управленія Провидѣніемъ. Нельзя легкоком-

¹⁾ Кирхманъ замѣчаетъ, когда Лейбницъ говоритъ объ ограниченной способности людей наслаждаться благомъ, то высказываетъ положеніе несостоятельное; его будто бы легко можно опровергнуть тѣмъ предположеніемъ, что Богъ могъ усилить или увеличить нашу способность наслаждаться благомъ. По мнѣнію Кирхмана, справедливо то, что наши искусственныя произведенія, для усиленія пріятныхъ впечатлѣній, соединяютъ въ известной соразмѣрности удовольствіе съ неудовольствіемъ; но Лейбницъ опускаетъ изъ виду, что наше искусство въ своихъ произведеніяхъ сообразуется съ данною природою человѣческой. Если-бы наша способность къ удовольствіямъ не была ограничена, то и наше искусство не прибѣгло бы къ этому смѣшенію удовольствій съ неудовольствіемъ. Намъ представляются всѣ эти замѣчанія, по меньшей мѣрѣ, странными. Говорить о природѣ и свойствахъ тѣхъ удовольствій, которыя намъ недоступны, мы не имѣемъ никакого права. Слово Божіе упоминаетъ о благахъ, которыхъ не слыхало ухо и не испытывало сердце; но оно ничего не сказала намъ о природѣ и свойствахъ этихъ благъ. Притомъ же Лейбницъ говоритъ не о нашей способности къ наслаженію благами, или о силѣ и интенсивности этихъ благъ; а о томъ, что эта интенсивность, для своего усилія, нуждается въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и нѣкоторомъ гармоническомъ омраченіи. Такъ ли это должно быть и въ будущей, или лучшей жизни?—мы ничего объ этомъ не знаемъ.

сленно причислять себя къ числу недовольныхъ въ государствѣ, въ которомъ живемъ; тѣмъ болѣе рѣшительно нельзя оставаться въ Царствіи Божіемъ, въ которомъ только вопреки всякой правдѣ можно быть недовольнымъ. Сочиненія о человѣческихъ скорбяхъ, каковы напримѣръ, книги папы Иннокентія III, представляются мнѣ не особенно полезными; они удвояютъ эти скорби, обращая на нихъ вниманіе; между тѣмъ какъ надобно было-бы отвращать отъ этого вниманіе и обращать его на блага, которыя превосходятъ скорби въ гораздо большей степени. Еще менѣе одобряю я книги, подобныя книгѣ аббата Эспри „*O лживости человѣческихъ добродѣтелей*“, краткій очеркъ которой былъ недавно представленъ мнѣ; потому что подобная книга способна направить всѣхъ въ дурную сторону и сдѣлать людей такими, какими она ихъ представляетъ.

16) Надобно однако-же сознаться, что существуетъ нестроевіе въ этой жизни, преимущественно обнаруживающееся въ благоденствіи нѣкоторыхъ злыхъ людей и въ несчастіи многихъ добрыхъ людей. Существуетъ нѣмецкая поговорка, которая даже усваиваетъ злымъ людямъ преимущество, какъ если-бы они обыкновенно были самыми счастливыми людьми:

Je krümmer Holz, je bessre Krücke:
Je ärger Schlak, je grosser Gtücke.

(Чѣмъ кривѣе дерево, тѣмъ лучше кочерга; чѣмъ кто скупѣе теперь, тѣмъ богаче будетъ въ будущемъ).

И надобно желать, чтобы слѣдующія слова Горация были истинными въ нашихъ глазахъ:

Raro antecedentem scelestum
Deseruit pede poena claudo.

(Рѣдко за идущимъ впереди злодѣемъ не слѣдуетъ тайными шагами наказаніе).

Часто случается также, хотя, быть можетъ, и не возможны болѣе частые случаи, когда

Qu'aux yeux de l'univers le ciel se justifie,

(Въ глазахъ вселенной небо оправдываетъ себя),
такъ что можно сказать съ Клаудіаномъ:

Abstulit hunc tandem Rufini poena tumultum,
Absolvitque deos.....

(Наконецъ наказаніе Руфина удалило отсюда возмущеніе и сдѣлало боговъ свободными....)

17) Когда-же этого не бываетъ на земли, то вознагражденіе уготовано въ будущей жизни; религія и даже разумъ научаютъ насъ этому, и мы не должны роптать на маленькую отсрочку, которую высочайшая мудрость находитъ полезною даровать людямъ для ихъ исправленія¹⁾. Но именно при этомъ случаѣ удвояются возраженія съ другой стороны, когда принимаютъ во вниманіе (вѣчное) спасеніе и (вѣчное) осужденіе; потому что кажется страннымъ, что даже въ великомъ будущемъ вѣчности зло будетъ торжествовать надъ добромъ, и это подъ верховнымъ владычествомъ Того, Кто есть верховное благо; такъ какъ много будетъ званыхъ туда и мало избранныхъ или спасенныхъ. Справедливо, какъ изъ нѣкоторыхъ стиховъ Пруденція²⁾ открывается (Гимнъ предъ союмъ), что

Idem tamen benignus
Ultor retundit iram,
Paucosque non piogram
Patitur perire in aevum.

(Однако тотъ-же Милосердый Отмститель удерживаетъ свой гнѣвъ, и только немногимъ нечестивымъ людямъ допускаетъ погибать во вѣкъ).

Кажется, во времена Пруденція многіе думали, что число людей настолькоъ злыхъ, чтобы быть осужденными (на вѣки), будетъ очень не велико, и нѣкоторымъ кажется, что тогда вѣрили въ среднее состояніе между адомъ и раемъ; что

¹⁾ Кирхманъ говоритъ, что эти нравственныя увѣщанія нисколько не рѣшаютъ дѣла; они относятся къ людямъ при теперешнемъ ихъ положеніи и при нынѣшнемъ состояніи міра; и ничего не говорятъ о томъ, возможно ли, или невозможно было созданіе лучшаго міра. Это частію справедливо. Но во всякомъ случаѣ, увѣщанія эти доказываютъ, что и при теперешнемъ состояніи міра, мы не лишены возможности имѣть въ преизобиліи то, что мыслится существующимъ въ наилучшемъ мірѣ. А при этомъ условіи нашъ теперешній міръ не можетъ уже быть признаваемъ худшимъ сравнительно съ фантастическимъ наилучшимъ.

²⁾ Свѣдѣнія о Пруденціѣ можно находить въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“. См. № 3, 1887 г. Въ дальнѣйшихъ №№ журнала можно находить и русскій переводъ превосходныхъ гимновъ Пруденція.

самъ Пруденцій выражается какъ если-бы онъ допускалъ это среднее состояніе; что святой Григорій Нисскій тоже склоняется на эту сторону, и что святой Іеронимъ доходитъ даже до мнѣнія признающаго, что наконецъ всѣ хрістіане будутъ спасены по благодати. Одно выраженіе святаго Павла, которое онъ самъ признаетъ таинственнымъ, когда утверждаетъ, что весь Израиль спасется, подаютъ поводъ къ подобнымъ предположеніямъ. Многіе благочестивые люди, и даже ученые, но слишкомъ смѣлые, возобновили мнѣніе Оригена, что добро въ свое время восторжествуетъ во всѣхъ созданіяхъ и повсюду, и что всѣ разумныя твари станутъ наконецъ святыми и блаженными, не исключая и злыхъ ангеловъ. Книга подъ названіемъ „Вѣчное евангеліе“, которая недавно обнародована была на нѣмецкомъ языкѣ и подтверждается великимъ и ученымъ сочиненіемъ, озаглавливаемымъ *Ἀποκατάστασις πάντων* (Возстановленіе всѣхъ), произвела много шума въ отношеніи къ этому парадоксу. Ле-Клеркъ, тоже искусно защищалъ дѣло оригенистовъ, не объявляя однако же себя сторонникомъ ихъ ¹⁾.

18) Одинъ даровитый человѣкъ, распространившій мой принципъ гармоніи до принятія произвольныхъ положеній, которыхъ я никакимъ образомъ не могу одобрить, измыслилъ нѣчто похожее на астрономическое богословіе. Онъ полагаетъ, что существующій безпорядокъ этого земнаго міра начался въ то время, когда ангелъ господствовавшій надъ земнымъ шаромъ, бывшимъ тогда еще солнцемъ (то-есть, неподвижною и самосвѣтящеюся звѣздою) совершилъ, съ нѣкоторыми меньшими ангелами, подчиненными ему, грѣхъ, можетъ быть, посредствомъ неблагоразумнаго превозношенія

¹⁾ „Вѣчное Евангеліе“ написано *Іоакимомъ Флорисомъ* въ XIII столѣтіи. На Флориса надобно смотрѣть какъ на религіознаго предтечу ученія о безконечномъ міровомъ прогрессѣ, о которомъ говорятъ намъ иногда современные мыслители, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія. По ученію Флориса, всю исторію человѣческаго рода надобно подѣлить на три періода, или на три царства. Первый періодъ или первое царство принадлежитъ Богу Отцу и продолжается до пришествія на землю Сына Божія; второй періодъ есть царство Сына Божія и продолжается до 1260 года, т. е. до появленія „Вѣчнаго Евангелія“—третій періодъ, начавшійся съ появленіемъ „Вѣчнаго Евангелія“, составляетъ собою царство Духа Святаго и будетъ продолжаться вѣчно.

предъ ангеломъ солнца болѣе великаго; а въ то-же время, вслѣдствіе *предустановленной гармоніи* между царствами *природы и благодати* и одновременно съ этимъ, вслѣдствіе естественнаго возникновенія новыхъ причинъ, нашъ земной шаръ покрылся мракомъ, сталъ темнымъ и былъ лишенъ своего мѣста. А отъ этого произошло то, что шаръ нашъ сталъ блуждающею звѣздою или планетою, то-есть спутникомъ другаго солнца, и, быть можетъ, того самого, котораго преимуществъ, принадлежащихъ его ангелу, верховный земной ангелъ не хотѣлъ признать, и что именно въ этомъ состоитъ паденіе люцифера; что этотъ предводитель злыхъ ангеловъ, называющійся и въ Священномъ Писаніи княземъ и даже Богомъ этого міра, питая вмѣстѣ съ подчиненными ему ангелами зависть къ тому разумному созданію, которое обитаетъ на поверхности этого шара и которое Богъ призвалъ къ существованію на этомъ шарѣ, быть можетъ, для вознагражденія себя за падшихъ ангеловъ, старается сдѣлать человѣка совиновникомъ демонскихъ преступленій и соучастникомъ въ ихъ мученіяхъ. И вотъ поэтому пришелъ Иисусъ Христосъ, чтобы спасти людей. Онъ есть вѣчный Сынъ Божій, а потому и единственный Сынъ; но (согласно съ ученіемъ нѣкоторыхъ древнихъ христіанъ ¹⁾), и согласно съ ученіемъ творца этой гипотезы) съ тѣхъ поръ какъ Онъ облачился, въ началѣ всѣхъ вещей, въ природу наиболѣе совершенную между тварями, для ихъ совершенствованія, Христосъ обитаетъ между ними; а это и есть второе сынобытіе, ради котораго Онъ сталъ перворожденнымъ всей твари. Кабалисты называютъ это *Adam Cadmon* (Адамъ — распорядитель). Быть можетъ Онъ имѣетъ свою скинію на томъ великомъ солнцѣ, которое насъ освѣщаетъ; но наконецъ Онъ сошелъ на земной шаръ, на которомъ мы находимся; здѣсь родился отъ Дѣвы и принялъ природу человѣческую, чтобы спасти людей отъ рукъ

¹⁾ Подобныхъ мнѣній на востокѣ держались: евхиты, павликіане и богомилы; а на западѣ: катары, альбигойцы и нѣкоторые другіе сектанты. Именно эти еретики и приготовили западныя народности, преимущественно же людей простыхъ и необразованныхъ, къ принятію реформы Лютера. См. нашу брошюру: „Историческое изслѣдованіе о еретической сектѣ богомилловъ“. Харьковъ 1864 г.

ихъ и своихъ собственныхъ враговъ. А когда наступитъ время суда, когда теперешняя поверхность нашего шара приблизится къ гибели, то Онъ прійдетъ сюда видимымъ образомъ, какъ для избранія добродѣтельныхъ, которыхъ Онъ, быть можетъ, переселитъ на солнце, такъ и для наказанія на землѣ порочныхъ вмѣстѣ съ обольщавшими ихъ демонами; тогда шаръ земной начнетъ горѣть и, быть можетъ, превратится въ комету. Этотъ огонь будетъ продолжаться, я не знаю сколько вѣковъ. Хвостъ кометы будетъ обозначаться дымомъ, который, по Апокалипсису, постоянно будетъ видимъ; а самый огонь будетъ адомъ, или второю смертію, о которой говоритъ Священное Писаніе. Но наконецъ адъ возвратитъ своихъ мертвецовъ, самая смерть будетъ поправа, разумъ и миръ будутъ царствовать въ душахъ, которыя были обольщены: души сознаютъ свою неправду, воздадутъ почитаніе своему Создателю и даже станутъ любить Его тѣмъ болѣе, что будутъ видѣть великую бездну, изъ которой были исхищены. Въ то-же самое время (вслѣдствіе *параллельной гармоніи* царствъ природы и благодати) этотъ продолжительный и великій пожаръ очиститъ земной шаръ отъ всѣхъ его нечистотъ. Земля превратится въ солнце; владычествующій надъ нею ангелъ снова займетъ на ней свое мѣсто, вмѣстѣ съ подчиненными ангелами; осужденные люди будутъ причислены къ обществу добрыхъ ангеловъ; владыка земнаго шара принесетъ покорность Мессіи, начальнику всѣхъ тварей; слава этого возстановленнаго ангела будетъ болѣе великою, чѣмъ какою онъ обладалъ до своего паденія.

Inque Deos iterum factorum lege receptus
Aureus aeternum noster regnabit Apollo.

(И по закону судебъ снова принятый въ число боговъ, нашъ золотой Аполлонъ будетъ царствовать вѣчно).

Это созерцаніе представляется мнѣ пріятнымъ и достойнымъ послѣдователей Оригена; но мы не имѣемъ надобности въ подобныхъ гипотезахъ или измышленіяхъ, при которыхъ остроуміе имѣетъ большее значеніе, чѣмъ откровеніе, и которыя разумъ даже не можетъ принимать въ соображеніе; потому что не кажется вѣроятнымъ, чтобы въ известной намъ вселенной существовало мѣсто, преимущественно предъ дру-

гими мѣстами заслуживающее быть сѣдалищемъ старѣйшаго среди тварей, по крайней мѣрѣ, совершенно нельзя считать такимъ мѣстомъ солнце нашей системы.

19) Держась же общепринятаго ученія о томъ, что число на вѣки осужденныхъ людей будетъ несравненно болѣе числа спасенныхъ, (все же) надобно сказать, что зло будетъ представляться почти ничтожнымъ, когда помыслимъ объ истинномъ величїи града Божїя. Целій Секундъ Курїо составилъ небольшую книгу „Объ обширности небеснаго царства“ (*De amplitudine regni Coelesti*), которая недавно снова была перепечатана; но въ ней недостаетъ многого для правильнаго пониманія обширности царства небеснаго. Древніе имѣли ограниченныя представленія обо всемъ творенїи Божїемъ и блаженный Августинъ, незнакомый съ современными открытіями, былъ въ большомъ затрудненїи, когда хотѣлъ оправдать преобладаніе въ мїрѣ зла. Древніе признавали обитаемою одну только нашу землю, и они даже боялись антиподовъ; вся же остальная часть мїра, по ихъ представленію, состояла изъ нѣсколькихъ свѣтящихся шаровъ и нѣсколькихъ кристаллизованныхъ сферъ. Теперь же, прїйдемъ ли мы, или не прїйдемъ границы вселенной, надобно признать безчисленное число шаровъ столько же или болѣе великихъ, чѣмъ нашъ—земной,—имѣющихъ одинаковое съ нашимъ право быть населеннымъ разумными обитателями, хотя отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы это были люди. Земной шаръ есть только планета, т. е. одинъ изъ шести главныхъ спутниковъ нашего солнца; и такъ какъ всѣ неподвижныя звѣзды тоже суть солнца; то отсюда ясно, какъ мала наша земля сравнительно съ видимыми мїрами, такъ какъ она есть только придатокъ къ одному изъ нихъ. Возможно, что всѣ солнца населены счастливыми созданіями, и ничто не заставляеть насъ принимать среди нихъ многихъ осужденныхъ; потому что немногіе примѣры и немногіе образцы (существующіе, наприм. на нашей землѣ) достаточны для достиженія той полезности, которую добро извлекаетъ изъ зла. Далѣе, такъ какъ нѣтъ никакого основанія принимать повсюднаго существованія звѣздъ, то нельзя ли предположить существованіе огромныхъ пространствъ за областію звѣздъ? Надобно ли признать это

небо высочайшимъ, или не надобно, все же это безпредѣльное пространство, окружающее всю эту область, можетъ быть наполнено блаженствомъ и славою. Его можно представлять какъ бы океаномъ, куда втекаютъ рѣки всѣхъ блаженныхъ созданій, когда они достигаютъ совершенства на системахъ звѣздъ. А при этомъ представленіи, какое значеніе можетъ имѣть нашъ шаръ съ своими обитателями? Не будетъ-ли онъ неизмѣримо меньше физической точки, потому что наша земля есть какъ бы точка, въ виду разстояній въ отношеніи къ нѣкоторымъ неподвижнымъ звѣздамъ. Такъ превращается извѣстная намъ часть вселенной почти въ ничтожество сравнительно съ тою частію, которая намъ неизвѣстна, и которой существованіе однакоже мы имѣемъ право допускать. А такъ какъ всякое зло, на которое могутъ указать намъ въ смыслѣ возраженія, существуетъ лишь на этомъ почти ничтожномъ пунктѣ; то и все это зло тоже почти ничтожно сравнительно съ благомъ существующимъ во вселенной ¹⁾.

20) Но мнѣ надобно еще рѣшить возраженія болѣе спекулятивныя и метафизическія, о которыхъ я упомянулъ и которыя касаются причины зла. Прежде всего спрашиваютъ, откуда происходитъ зло? *Si Deus est, unde malum? si non est, unde bonum?* (Если Богъ существуетъ, то откуда зло? если не существуетъ, то откуда добро?) Древніе приписывали причину зла матеріи, которую они признавали несозданною

¹⁾ *Целій Секундъ Курій* принадлежалъ къ древнему римскому роду плебеевъ Целіевъ. До насъ дошла рѣчь Цицерона, въ которой онъ защищалъ Целія Руфа. Что же касается соображеній, приводимыхъ здѣсь Лейбницемъ о безпредѣльности міра и ничтожности зла; то Кирхманъ признаетъ ихъ еще менѣе доказательными, чѣмъ предшествующіе доводы. Онъ думаетъ, что Лейбницъ, желая представить число осужденныхъ ничтожнымъ, и не находя никакихъ средствъ для этого, прибѣгаетъ къ отчаянному средству и потому ссылается на безпредѣльность этого міра и на вознагражденіе пестроеній въ нашемъ мірѣ блаженствомъ въ будущемъ мірѣ или въ другихъ мірахъ; но подобнаго рода доказательствами будто-бы можно доказывать все, и нельзя доказать ничего. Почему-же? Конечно потому, что доказательства, основанныя на требованіяхъ логики, отличаются характеромъ всеобщности и необходимости; между тѣмъ какъ доказательства, основанныя на нравственныхъ постулатахъ, или требованіяхъ сердца, не отличаются будто-бы подобнымъ всеобщнымъ и необходимымъ характеромъ. Но справедливо-ли это? Если сердце наше съ его нравственною жизнію

и независимо отъ Бога; но гдѣ должны мы, изводящіе всякое бытіе отъ Бога, искать источникъ зла? Отвѣтъ состоитъ въ томъ, что сего надобно искать въ идеальной природѣ творенія, по скольку это твореніе содержится въ вѣчныхъ истинахъ, присущихъ уму Божию, независимо отъ божественной воли. Ибо надобно признать, что существуетъ *природное несовершенство* въ каждомъ созданіи еще до грѣха, такъ какъ всякое созданіе по самому существу своему ограничено; откуда слѣдуетъ, что оно не все знаетъ, можетъ ошибаться и впадать въ другія погрѣшности. Платонъ въ „Тимей“ говоритъ, что міръ получилъ свое начало отъ разума въ соединеніи съ необходимостію. Другіе принимали связь Бога съ природою. Этимъ положеніямъ можно усвоить вѣрный смыслъ. Бога надобно признавать разумомъ и необходимостію, т. е. существенную природу вещей надобно признать объектомъ разума, насколько объектъ этотъ содержится въ вѣчныхъ истинахъ. Но этотъ объектъ есть внутренній, внутри божественнаго разума; и тамъ же пребываетъ не только первоначальная форма добра, но и начало зла. Именно *область вѣчныхъ истинъ* надобно поставлять на мѣсто матеріи, когда дѣло идетъ объ отысканіи источника всѣхъ предметовъ. Именно это область есть, такъ сказать, *идеальная причина* зла, равно какъ и добра; но собственно говоря формула зла въ этой области не есть *дѣйствующая* (efficiente) причина, потому что она состоитъ, какъ мы это увидимъ, въ лишеніи, т. е. въ томъ, чего причина дѣйствующая никогда не про-

часто не живетъ этою жизнію и впадаетъ въ индивидуализмъ; то вѣдь тоже самое случается и съ нашимъ разумомъ; тѣмъ не менѣе и сердце и разумъ обладаютъ своего рода всеобщими требованіями и законами. Почему же мы должны предпочитать требованія логики требованіямъ сердца и нравственнымъ постулатамъ? Безъ сомнѣнія Кирхманъ не дастъ на это яснаго отвѣта. Всегда будетъ вѣрно, что требованія сердца и нравственные постулаты столько же обязательны, живы и всеобщы въ родѣ человѣческомъ, какъ и требованія логики. То обстоятельство, что разумъ не можетъ подтвердить своими собственными доводами этихъ требованій сердца и нравственной жизни, доказываетъ только слабость его силъ; но это не лишаетъ значенія доводовъ, основанныхъ на всеобщихъ потребностяхъ нравственности и человѣчности. Идеалъ истинно человѣческой жизни состоитъ въ полномъ удовлетвореніи всѣхъ существенныхъ требованій человѣческаго духа, а не въ исключеніи или подавленіи однихъ требованій ради другихъ, безъ всякой причины и безъ всякихъ основаній.

изводить. Вотъ почему схоластики обыкновенно называли причину зла *недостаточествующею* (deficiente, въ смыслѣ полного лишенія) ¹⁾.

Ж. Устоинъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Мысль о томъ, что первую причину зла надобно искать въ тварной ограниченности и конечности, часто высказывается не только въ философіи, но и въ богословіи; тѣмъ не менѣе православные богословы отвергаютъ ее, какъ не состоятельную. Если бы грѣхъ необходимо былъ соединенъ съ тварною ограниченностію и конечностію; тогда мы имѣли бы полное право признать Бога, Творца этой ограниченности и конечности, виновникомъ зла и грѣха, хотя бы то и въ идеальномъ смыслѣ, тогда Творецъ необходимо предвидѣлъ бы и предопредѣлялъ бы грѣхъ съ его послѣдствіями, независимо отъ такого или иного употребленія тварями своей свободы; такъ какъ свобода ихъ по своей ограниченности необходимо приводила бы ихъ ко грѣху, что однакоже противорѣчитъ высочайшимъ свойствамъ Божиимъ. Это соображеніе должно быть признано столько же философскимъ, какъ и богословскимъ. Съ другой стороны, религія учитъ насъ, что не всѣ тварныя существа необходимо подпадаютъ грѣху. Не говоря уже о добрыхъ ангелахъ, устоявшихъ въ добрѣ, Иисусъ Христосъ принявъ человѣческое естество совершенно безгрѣшное и этимъ доказалъ возможность и для человѣка, не смотря на его тварность, быть безгрѣшнымъ, разумѣется, до всеобщаго распространенія первороднаго грѣха. Поэтому православные богословы не только не видятъ необходимой связи между тварностію и грѣхомъ съ его послѣдствіями; но и признаютъ появленіе грѣха, даже въ человѣческомъ родѣ, *тайною грѣха*, какъ выражается св. Василій великій. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно непонятно, какимъ образомъ наши прародители, одаренные отъ Бога умомъ яснымъ, сердцемъ чистымъ и волею невинною, находившіеся въ живомъ общеніи съ Богомъ, не смотря на все это, реализировали свою возможность грѣха и извратили свою природу въ грѣхъ. Еще болѣе непонятно, какъ въ духѣ человѣческомъ зародившаяся грѣховная мысль произвела столько зла, что имъ наполняется нашъ міръ, и зла столь крѣпкаго, что оно пребудетъ вѣчно, хотя по самому существу своему оно несостоятельно и полно саморазрушенія. Слово Божіе открываетъ только намъ, что переходъ отъ возможности грѣха къ дѣйствительности не былъ *необходимымъ* со стороны разумныхъ тварей, но условливался добровольною рѣшимостію ихъ; что возможность грѣха составляла существенную черту ихъ нравственной свободы; и что наконецъ, въ родѣ человѣческомъ грѣхъ явился вслѣдствіе искушенія отъ діавола. (Быт. 2, 3). Кажется, самъ Лейбницъ сознавалъ невозможность признать грѣхъ *необходимымъ* слѣдствіемъ ограниченности или тварности (см. § 21); а потому для смягченія своей главной мысли высказываетъ новое положеніе о томъ, будто грѣхъ не есть ничто *положительное*, а есть ничто *отрицательное*, минусъ добра, или отрицательная величина добра. Это любимая мысль пантеистической философіи; впрочемъ нѣкоторые церковные писатели тоже держались этой мысли, заимствовавъ ее у Аристотеля. Въ § 30 этой части „Теодицеи“ Лейбницъ войдетъ въ ближайшее разсмотрѣніе и этого философскаго положенія.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Февраля № 3. 1888 года.

Содержаніе: Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886—87 учебный годъ. (продолженіе)—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленной X Епархіальнымъ съѣздомъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 188^{6/7} учебный годъ.

(Продолженіе *).

И. Мѣстныя средства Епархіальнаго училищнаго Совѣта и расходы, сдѣланные изъ этого источника на нужды церковно-приходскихъ школъ епархіи.

Въ теченіе отчетнаго года въ распоряженіе Епархіальнаго училищнаго Совѣта на потребности церковно-приходскихъ школъ поступили изъ мѣстныхъ средствъ епархіи нижеслѣдующія суммы: 1) присланные изъ Харьковской духовной консисторіи 532 рубля 12 коп., кои составляютъ 10% сбора, поступившаго въ кружки въ пользу православныхъ св. земли, 2) отчисленные изъ остатковъ кошельковыхъ суммъ приходскихъ церквей епархіи и собранные въ кружки въ день св. Николая (6 декабря) 1888 р. 75 коп., 3) кружечный сборъ у желѣзнодорожныхъ станцій, находящихся въ предѣлахъ Харьковской губерніи 68 руб. 78 коп., и пожертвованные разными лицами 150 руб. Итого 2589 руб. 65 коп. Кромѣ этой суммы въ кассѣ Совѣта за отчетный годъ были 50 руб. 20 коп.,

*). См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 2.

составляющіе неизрасходованный остатокъ отъ прошедшаго 188⁵/₈ учебнаго года. Всего съ остаткомъ отъ 188⁵/₈ учебнаго года въ распоряженіи Совѣта за отчетный годъ было 2,639 руб. 85 коп., кои составляютъ поступленіе изъ мѣстныхъ средствъ епархіи. Изъ этой суммы поступило въ расходъ: 1) на покупку учебныхъ и письменныхъ принадлежностей для бесплатной раздачі церковно-приходскимъ школамъ—55 руб. 8 коп.; 2) въ уплату Комитету, завѣдывающему книжнымъ складомъ при Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ за высланныя учебныя книги въ нѣкоторыя церковно-приходскія школы 46 руб. 80 коп.; 3) выдано въ единовременное пособіе особенно бѣднымъ школамъ 96 руб. 85 коп. и 4) употреблено на мелочныя расходы—1 р. 43 коп. Итого—изъ суммы, поступившей изъ мѣстныхъ средствъ епархіи, израсходовано—200 р. 16 коп., а вмѣстѣ съ отпущенными изъ св. Синода—1,200 р. 16 коп. Такимъ образомъ въ распоряженіи Совѣта къ настоящему 188⁷/₈ учебному году имѣется 2,439 р. 69 коп. *).

VII.

Помѣщеніе церковно-приходскихъ школъ и школьная обстановка.

Въ отчетное время помѣщеніемъ для учебныхъ занятій въ церковно-приходскихъ школахъ служили: а) дома, прибрѣтенныя на церковныя суммы, б) дома, выстроенныя на средства, изысканныя церковно-приходскими попечительствами, в) зданія монастырскія, г) дома, устроенныя на средства сельскихъ обществъ, на капиталъ, составившійся отъ сбора пожертвованій и на единоличныя средства благотворителей, д) церковныя сторожки и другія церковныя помѣщенія, е) помѣщенія при волостныхъ и сельскихъ расправахъ, ж) вольнонаемныя зданія частныхъ лицъ, з) помѣщенія, временно и безвозмездно уступленныя сельскими обывателями для школьныхъ занятій и и) помѣщенія, занимаемыя приходскими священниками и другими членами клира. Въ домахъ нарочито устроенныхъ приходскими попечительствами помѣщается 2 школы, въ домахъ церковныхъ—7 школъ, въ домахъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ,—10 школъ, въ монастырскихъ зданіяхъ—2 школы, въ помѣщеніяхъ частныхъ лицъ—15 школъ, въ помѣщеніяхъ при во-

*) Сумма эта поступила въ Совѣтъ въ концѣ отчетнаго учебнаго года и имѣетъ быть израсходована на удовлетвореніе заявленныхъ въ настоящемъ учебномъ году нуждъ по школамъ.

лостныхъ и сельскихъ ратушахъ — 5 школъ, въ церковныхъ сторожкахъ — 46 школъ, въ квартирахъ священно и церковно-служителей — 8 школъ, при богадѣльнѣ — 1, въ помѣщеніяхъ, устроенныхъ на частныя пожертвованія — 4 школы и въ домахъ, выстроенныхъ или прибрѣтенныхъ отдѣльными благотворителями — 3 школы. Наилучшимъ приспособленіемъ для школьныхъ занятій отличаются школы, существовавшія ранѣе отчетнаго года въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ епархіи: 1) Александро-Невская и 2) Воскресенская въ гор. Харьковѣ, 3) Преображенская при Сумскомъ соборѣ, 4) Ряснянская и 5) Лутищенская въ Ахтырскомъ уѣздѣ, 6) Роганская въ Харьковскомъ уѣздѣ, 7) Кочетковская въ Зміевскомъ уѣздѣ, 8) Голодолинская и 9) Студенецкая въ Изюмскомъ уѣздѣ, 10) Покровская въ Валковскомъ уѣздѣ, 11) Ольшанская въ Лебединскомъ уѣздѣ и вновь отстроенныя въ отчетномъ году: 12) Воеводская и 13) Старо-Айдарская. Другія одиннадцать школъ, по сравненію съ вышепоименованными, не совсѣмъ удобны для обученія дѣтей, хотя, въ общемъ, и они могутъ быть признаны удовлетворительными въ отношеніи помѣстительности; помѣщенія-же для остальныхъ школъ, существовавшихъ въ отчетное время, имѣютъ значительные недостатки, не мало препятствующіе правильному и безирепятственному веденію школьнаго дѣла. Тѣснота, сырость, недостатокъ свѣта, совмѣстное нахождение нѣкоторыхъ школъ съ волостными и сельскими правленіями составляютъ существенныя неудобства, вредно, между прочимъ, вліяющія на ходъ учебныхъ занятій съ дѣтьми и отчасти бывшія причиною временнаго прекращенія этихъ занятій. Изъ отчетовъ оо. наблюдателей усмотрѣно, что особенно неблагоустроенностію отличаются 22 школьныхъ помѣщенія, изъ которыхъ 3 находятся въ Харьковскомъ уѣздѣ, 3 — въ Богодуховскомъ уѣздѣ, 2 — въ Валковскомъ уѣздѣ, 3 — въ Зміевскомъ уѣздѣ, 4 — въ Купянскомъ уѣздѣ, 1 — въ Лебединскомъ уѣздѣ, 5 — въ Старобѣльскомъ уѣздѣ и 1 — въ Сумскомъ уѣздѣ. Значительное большинство школъ не богаты и школьною обстановкой, а нѣкоторыя школы и совсѣмъ не имѣютъ необходимыхъ классныхъ принадлежностей, какъ-то: столовъ, досокъ, шкафовъ для храненія книгъ и друг. Особенно бѣдны классной мебелью школы, находящіяся въ слоб. Алексѣевкѣ и Стрелечьемъ Харьковскаго уѣзда, въ слоб. Хухрѣ Ахтырскаго уѣзда, въ гор. Богодуховѣ при Успенскомъ соборѣ, въ селѣ Кручикѣ Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Черемушномъ Валковскаго уѣзда, въ слоб. Ново-Бѣлгородѣ и Николаевкѣ Волчанскаго уѣзда, въ слоб. Бѣлоцерковкѣ Купянскаго уѣзда, въ слоб. Шевелевкѣ Зміевскаго

уѣзда, въ слоб. Алисовкѣ Изюмскаго уѣзда, въ слоб. Нижней Верховулкѣ Лебединскаго уѣзда, въ слоб. Цоловинкиной, Стрѣльцовкѣ и въ слоб. Варваровкѣ Старобѣльскаго уѣзда. Пригодною и въ достаточномъ количествѣ мебелью снабжены лишь 21 школа.

VIII.

Программы, руководства и учебныя пособія.

Въ минувшемъ отчетномъ году обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи велось по учебнымъ программамъ, утвержденнымъ св. Синодомъ; при чемъ учебными книгами были введены, по выбору и указанію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, тѣ изданія, которыя означены въ названныхъ программахъ.

Впрочемъ въ нѣкоторыхъ школахъ, по причинѣ поздняго открытія ихъ (во второе полугодіе отчетнаго года) и встрѣтившихся въ весеннее время препятствій къ своевременному приобрѣтенію учебныхъ книгъ, дѣти обучались по планамъ, лично выработаннымъ самими наставниками, и учебнымъ книгамъ частію для школъ министерскихъ и земскихъ, частію-же для церковно-приходскихъ, которыя (книги), безъ потери времени, по мѣстнымъ условіямъ скорѣе могли быть приобрѣтены. Изъ представленныхъ оо. наблюдателями отчетовъ собственно по учебной части видно, что обученіе дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ совершалось, главнымъ образомъ, по нижеслѣдующимъ учебнымъ руководствамъ и пособіямъ: а) *по Закону Божію*: Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта протоісреевъ: Димитрія Соколова, Петра Смирнова и Александра Рудакова; б) *по славянскому и русскому языкамъ*: Букварь изд. св. Синода, Букварь для обученія юношества церковному и гражданскому чтенію, изд. св. Синода; „Обученіе церковно славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“ Н. Ильминскаго; Книга для чтенія Н. Ермина и Волотовскаго и „Солнышко“ сост. А. Радонежскій; въ двухъклассныхъ школахъ: Родина А. Радонежскаго и курсы систематическаго диктанта П. Смирновскаго и Грамота Грушевскаго. При упражненіи въ чтеніи славянской и русской печати преимущественно употреблялись: псалтырь, часословъ и евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкахъ; в) *По изъясненію Богослуженія*: Руководство прот. Василія Михайловскаго и Димитрія Соколова; г) *по счисленію*: Сборникъ задачъ и примѣровъ А. Гольденберга и Т. Лубенца; д) *по церковному пѣнію*: изученіе пѣснопѣній, употребляемыхъ на вечерни, утрени и литургіи по

мѣстному распѣву и частію по обиходу московскаго распѣва и е) при обученіи письму руководствами служили прописи „Руководство къ обученію письму“, прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ В. Гербача; „Полный курсъ русскаго чистописанія“ В. Пожарскаго и прописи Бунакова.

(Окончаніе будетъ).

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886/87 учебный годъ.

(Продолженіе *).

Число уроковъ пропущенныхъ въ отчетномъ году, по разнымъ причинамъ, воспитанницами училища.

Въ приготовительномъ классѣ (50 воспитанницъ) пропущено 53 урока по неявкѣ и 435 по болѣзни, итого 488 уроковъ, въ I классѣ (45 воспитанницъ) 32 урока по неявкѣ и 601 по болѣзни, итого 633 урока, во II классѣ (50 воспитанницъ) 26 уроковъ по неявкѣ и 459 по болѣзни, итого 485 уроковъ; въ III классѣ (50 воспитанницъ) 82 урока по неявкѣ и 307 по болѣзни, итого 389 уроковъ; въ IV классѣ (52 воспитанницъ) 61 урокъ по неявкѣ и 207 по болѣзни, итого 268 уроковъ; въ V классѣ (36 воспитанницъ) 104 урока по неявкѣ и 236 по болѣзни, итого 340 уроковъ; въ VI классѣ (45 воспитанницъ) 123 урока по неявкѣ, 424 по болѣзни и 909 по причинѣ дежурства въ училищной школѣ, итого 1456 уроковъ.

Такимъ образомъ всѣми воспитанницами училища въ теченіе года пропущено 4059 уроковъ, — что по раздѣленіи на общее число воспитанницъ въ училищѣ (328) даетъ на каждую воспитанницу 12,34 пропущенныхъ уроковъ (въ прошломъ учебномъ году 12,48).

и) Мѣры, принятыя и проектированныя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.

Мѣры, принятыя въ отчетномъ году для улучшенія учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ, состояли, главнымъ образомъ, въ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 2.

исполненіи тѣхъ распоряженій и указаній, которыя заключаются въ опредѣленіи св. Синода отъ 30 іюля—12 августа 1886 года за № 1637.

1. Во исполненіе этого опредѣленія, Совѣтомъ училища, по предложенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, 5 сентября 1886 года изъ двухъ отдѣленій I класса, образованы: классъ приготовительный (изъ слабѣе подготовленныхъ воспитанницъ) и I классъ (изъ лучше подготовленныхъ), для приготовительнаго класса выработаны программы учебныхъ предметовъ и общія положенія, на основаніи которыхъ учреждается этотъ классъ, примѣнительно къ изданному св. Синодомъ положенію о приготовительныхъ классахъ при духовныхъ училищахъ и синодальнымъ-же программамъ для церковно-приходскихъ школъ. Хотя вся эта предварительная работа, равно какъ и пріисканіе и опредѣленіе учительницы въ приготовительный классъ, отсрочили начало правильныхъ занятій въ этомъ классѣ до 21 сентября, тѣмъ не менѣе выработанную для этого класса программу удалось выполнить по всѣмъ предметамъ, и воспитанницы этого класса, не смотря на то, что онъ составленъ изъ дѣвицъ слабѣйшихъ не только по подготовкѣ, но даже и по способностямъ, на экзаменахъ давали по всѣмъ предметамъ очень удовлетворительные отвѣты. Учрежденный при училищѣ приготовительный классъ, кромѣ уравниенія подготовки воспитанницъ къ обученію въ нормальныхъ классахъ, по той причинѣ, что въ немъ будетъ проходить большая часть того, что прежде входило въ программу I класса, а слѣдовательно въ I классѣ будетъ проходить часть программы II класса и т. д., дастъ возможность облегчить воспитанницъ V и VI классовъ и ввести въ послѣднемъ изъ этихъ классовъ повторительные курсы не только по русской грамматикѣ и ариметикѣ, но и по другимъ важнѣйшимъ предметамъ, именно: по Закону Божию, географіи и исторіи, необходимость которыхъ давно уже чувствуется.

2. Во исполненіе того-же опредѣленія св. Синода, въ отчетномъ году Совѣтомъ выработана новая программа преподаванія церковнаго пѣнія въ училищѣ и вообще обученіе этому предмету поставлено болѣе серьезно, чѣмъ это было доселѣ. По новой программѣ въ приготовительномъ классѣ будетъ идти упражненіе въ пѣніи церковныхъ пѣснопѣній съ голоса по слуху,—въ I, II, III и отчасти въ IV классахъ изученіе воскресныхъ и праздничныхъ пѣснопѣній по квадратной нотѣ по „Кругу церковныхъ пѣснопѣній

обычнаго напѣва московской епархіи“, въ IV классѣ краткая теорія пѣнія по круглой нотѣ, — въ V классѣ изученіе по круглой нотѣ трехголосныхъ и четырехголосныхъ пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіи и подготовка воспитанницъ къ устройству хора и управленію имъ, — въ VI классѣ продолженіе изученія пѣснопѣній по круглой нотѣ, краткая методика обученія церковному пѣнію въ церковно-приходской школѣ, повтореніе пѣснопѣній по квадратной нотѣ и повтореніе элементарной теоріи пѣнія по круглой нотѣ. По этой программѣ преподаваніе можно было вести только въ подготовительномъ и I классахъ, въ другихъ-же классахъ она можетъ быть введена полностью только постепенно въ слѣдующіе годы, а пока для отчетнаго года Совѣтъ выработалъ временную программу, по которой во II, III и дальнѣйшихъ классахъ воспитанницы изучили по квадратной нотѣ „Господи возвахъ со стихирами“ и „Богъ Господь“ съ тропарями на всѣ 8 гласовъ. Болѣе серіозная постановка церковнаго пѣнія въ училищѣ, кромѣ выработки новой программы, въ отчетномъ году состояла еще въ томъ, что на этотъ предметъ, вмѣсто 8 уроковъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ, назначено 12, а съ подготовительнымъ классомъ 14 уроковъ; уроки пѣнія совершенно отдѣлены отъ свѣвокъ училищнаго хора, для которыхъ избиралось внѣклассное время, обращалось строгое вниманіе на то, чтобы пѣнію обучались всѣ воспитанницы, а не однѣ только поющія въ церкви; предположено съ будущаго года ввести пѣніе нѣкоторыхъ пѣснопѣній въ церкви всѣми воспитанницами, подготовкой къ чему въ отчетномъ году было общее пѣніе во время утреннихъ молитвъ и въ столовой, такое-же пѣніе молитвъ предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ; наконецъ экзамены по церковному пѣнію производились при такой-же обстановкѣ и тѣмъ-же порядкомъ, какъ и испытанія по другимъ предметамъ, причемъ не державшія экзамена предъ каникулами обязаны были экзаменоваться, и дѣйствительно экзаменовались, послѣ каникулъ. Преподаваніе пѣнія по новой программѣ и при новой постановкѣ этого предмета дало очень замѣтные благопріятные результаты. Не смотря на то, что къ обученію пѣнію были привлечены и многія такія воспитанницы старшихъ классовъ, которыя уже по два и по три года не занимались пѣніемъ, потому что не были выбраны въ училищный хоръ, и даже такія, которыя не пѣли съ самаго поступленія въ училище, вслѣдствіе неразвитости слуха и другихъ причинъ, на экзаменахъ почти всѣ могли читать квадратную ноту, гдѣ угодно, а многія даже могли и пѣть удовлетворительно

по обиходу легкія пѣснопѣнія, безъ всякой предварительной подготовки.

3. Произведено въ отчетномъ году и указанное св. Синодомъ измѣненіе въ программѣ преподаванія педагогики, именно изъ всей науки преподавалась только общая дидактика и методика предметовъ элементарнаго обученія. вмѣстѣ съ этимъ измѣнено было преподаваніе и самой методики, примѣнительно къ требованіямъ синодальной программы для церковно-приходскихъ школъ, которая служила въ отчетномъ году главнымъ руководствомъ при изученіи воспитанницами VI класса этого отдѣла науки. Опытномъ преподаванія дидактики въ отчетномъ году выработана подробная программа этого предмета, по которой постановлено производить обученіе и въ слѣдующіе годы.

Соотвѣтственно измѣненіямъ въ преподаваніи педагогики, произведены и нѣкоторыя преобразованія въ существующей при училищѣ педагогической школѣ. Полное преобразование ея въ образцовую церковно-приходскую школу Совѣтъ отложилъ до начала 1887—88 учебнаго года, когда предположено расширить помещеніе для нея и опредѣлить къ ней отдѣльнаго законоучителя. Но и въ отчетномъ году школа отчасти подготовлена къ этому преобразованію, именно: пріобрѣтены для нея учебники и учебныя пособія указанныя въ программѣ церковно-приходскихъ школъ составлено, примѣнительно къ той же программѣ, росписаніе уроковъ. По этому росписанію и этимъ учебникамъ и въ духѣ программы для церковно-приходскихъ школъ и велось обученіе школьникова учительницею.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества симъ извѣщаетъ, что въ составъ суммъ Комитета въ Ноябрь и Декабрь мѣсяцахъ 1887 года поступило: отъ Евсеія Ивановича Супруна 3 р., прислано изъ Харьковской духовной консисторіи при отношеніи, отъ 11 Ноября за № 113, 20 коп., получено изъ Харьковской Конторы Государственнаго Банка по билету вѣчнаго вклада годичные проценты 3 р. 80 коп., по двумъ купонамъ 3-го Восточнаго займа 4 р. 75 коп., изъ Харьковскаго Городскаго Купеческаго Банка полугодичные проценты по 14-ти билетамъ вѣч-

ныхъ вкладовъ 46 р. 31 к., всего 54 р. 86 к., собрано по подписному листу въ Святогорской Успенской пустынь 18 р. 5 коп., по подписному листу въ Хорошевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ 11 руб. 45 коп., получено кружечнаго сбора отъ Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря 7 р. 15 к., отъ игуменіи Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря Евпраксіи 3 руб., отъ казначея Геронтія 3 руб., отъ протоіерея Николая Ѳедорова 3 руб., отъ протоіерея Василя Капустянскаго 3 руб., отъ священниковъ: Іоанна Мантулина 5 р., Іоанна Кассіанова 3 р., Ѳеодора Николаевича 3 р., Василя Аристова 3 р., Николая Шокотова 3 р., Василя Насѣдкина 3 р., Іоанна Шишлова 3 руб., Іоанна Рудинскаго 3 руб., Димитрія Баженова 3 р., Петра Макаровскаго 3 р., Николая Карпова 3 р., Василя Насѣдкина 3 руб., Василя Погорѣлова 3 р., Павла Титова 3 р., Петра Приходькова 3 руб., Григорія Соколова 3 р., Евлампія Макухина 3 р., Николая Антонова 3 р., Даниила Ветухова 3 р.; собрано: прот. Николаемъ Ѳеодоровымъ отъ разныхъ лицъ 50 коп., священ. Іоанномъ Касьяновымъ отъ разн. лицъ 1 р. 33 к., священ. Ѳеодоромъ Николаевичемъ отъ разн. лицъ 65 к., въ Скорбященскомъ женскомъ монастырѣ 4 р. 10 коп., священ. Александромъ Татарскимъ отъ разн. лицъ 1 р., свящ. Василиемъ Аристовымъ отъ разн. лицъ 1 р. 30 к., свящ. Николаемъ Шокотовымъ отъ разн. лицъ 50 к., свящ. Василиемъ Насѣдкинымъ отъ разн. лицъ 1 р. 75 к., священ. Петромъ Литкевичемъ отъ разн. лицъ 3 р. 70 к., свящ. Іоанномъ Давидовичемъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Василиемъ Кобеляцкимъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Іоанномъ Шишловымъ отъ разн. лицъ 2 р. 26 к., священ. Іоанномъ Рудинскимъ отъ разн. лицъ 1 руб., свящ. Іаковомъ Березовскимъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Николаемъ Гревизирскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., священ. Димитріемъ Баженовымъ отъ разн. лицъ 1 р., свящ. Петромъ Макаровскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 коп., свящ. Алексѣемъ Косьминимъ отъ разн. лицъ 1 р. 42 коп., священ. Николаемъ Карповымъ отъ разн. лицъ 50 к., священ. Василиемъ Насѣдкинымъ отъ разн. лицъ 1 руб., протоіер. Василиемъ Капустянскимъ отъ разн. лицъ 1 руб., свящ. Симеономъ Черняевымъ отъ разн. лицъ 1 р. 60 к., свящ. Василиемъ Долгополянскимъ отъ разн. лицъ 30 к., свящ. Павломъ Титовымъ отъ разн. лицъ 1 р., свящ. Петромъ Приходьковымъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Григоріемъ Соколовымъ отъ разн. лицъ 1 руб., священ. Евлампіемъ Макухинымъ отъ разн. лицъ 1 р. 5 к., свящ. Николаемъ Антоновымъ отъ разн. лицъ 55 к., свящ. Симео-

номъ Наумовымъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., священ. Даниломъ Ветуховымъ отъ разн. лицъ 2 р. 44 к., получено кружечнаго сбора отъ Старо-Харьковскаго Преображенскаго Куряжскаго монастыря 4 р. 50 коп., отъ іеромонаха казначея Куряжскаго монастыря Сокоена 3 р., отъ Мурзина Алексѣя 3 р., собрано по подписному листу въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ отъ разн. лицъ 4 р. 80 к.; собрано: священ. Алексѣемъ Грековымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 75 к., священ. Николаемъ Житловымъ отъ разн. лицъ 3 р. 50 к., свящ. Макаріемъ Крохатскимъ отъ разн. лицъ 60 к., свящ. Симеономъ Стеллецкимъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., отъ него же 1 р. 50 к., отъ свящ. Моисея Руссовскаго 3 руб., собрано: свящ. Петромъ Мартыновымъ отъ разн. лицъ 90 к., свящ. Василиемъ Ковалевымъ отъ разн. лицъ 3 р. 50 к., свящ. Петромъ Бородаевскимъ отъ разн. лицъ 5 р., свящ. Димитріемъ Несторовымъ отъ разн. лицъ 2 р. 10 к., священ. Алексѣемъ Мигулинымъ отъ разн. лицъ 2 р., отъ свящ. Александра Вертеловскаго 3 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 1 р. 96 к., собрано: священ. Іоанномъ Губскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 коп., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 20 к., священ. Порфиріемъ Шокотовымъ отъ разн. лицъ 1 р. 5 коп., свящ. Павломъ Дахнѣвскимъ 3 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 8 р. 71 к., свящ. Михаиломъ Соколовскимъ отъ разн. лицъ 70 к., свящ. Порфиріемъ Шокотовымъ 3 р., отъ игуменіи Верхо-Харьковскаго Николаевскаго монастыря Магдалины 3 р., собрано по подписному листу въ Верхо-Харьковскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ 7 руб. отъ отставнаго штабсъ-капитана Николая Андреевича Куколевскаго 3 р., отъ губериск. секретаря Николая Владиміровича Ковалевскаго 3 р., отъ губернк. секрет. Александра Михайловича Кондратьева 3 р., отъ потомств. почетн. гражданина Михаила Михайловича Бочарова 3 р., отъ протоіер. Іоанна Сапухина 3 р. отъ священ. Адріана Крыжановскаго 3 р., собрано: протоіер. Іоанномъ Сапухинымъ отъ разн. лицъ 2 р., священ. Симеономъ Недѣлькою отъ разн. лицъ 2 р., отъ свящ. Іоанна Соколовскаго 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 51 коп., собрано: свящ. Іоанномъ Кохановскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 45 к., священ. Георгіемъ Рудинскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., священ. Іаковомъ Любарскимъ отъ разн. лицъ 2 р. 25 к., отъ свящ. Митрофана Еллинскаго 3 р., собрано: свящ. Николаемъ Шосте 35 коп., священ. Ѳеодоромъ Заводовскимъ отъ разн. лицъ 45 к., священ. Павломъ Никулищевымъ отъ разн. лицъ 85 к., священ. Павломъ Ступницкимъ отъ разн. лицъ 60 к., отъ свящ. Стефана Толмачева 3 руб.,

чрезъ него же отъ разн. лицъ 79 коп., собрано священ. Петромъ Никулищевымъ отъ разн. лицъ 50 коп., отъ свящ. Іакова Хорошкова 3 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 50 к., собрано: священ. Адрианомъ Крыжановскимъ отъ разн. лицъ 90 к., священ. Іоанномъ Яценковымъ отъ разн. лицъ 50 к., членомъ комитета Никитю Николаевичемъ Добробабою отъ разн. лицъ 41 р. 11 к., получено кружечнаго сбора изъ Ахтырскаго Троицкаго монастыря 2 р. 80 к., отъ іеромонаха Гавріила 2 р., отъ монаха Іоасафа 50 к., получено изъ Ряснянскаго Димитріевскаго монастыря обязательнаго годичнаго взноса 10 р., отъ игумена Дисидерія 10 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 1 р. 60 к., отъ священ. Алексѣя Снѣсаревскаго 3 р., отъ Ивана Фрейсоферъ 3 р., отъ Григорія Лиска 3 р., собрано свящ. Алексѣемъ Снѣсаревскимъ отъ разн. лицъ 11 р. 1 к., отъ протоіер. Павла Малишевскаго 3 руб., чрезъ него же 40 коп., отъ священ. Іоанна Золотарева 1 р., отъ церковнаго старосты Сергѣя Кощаго 1 р.; собрано свящ. Іоанномъ Золотаревымъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Іоанномъ Навродскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р., священ. Михаиломъ Сильванскимъ отъ разн. лицъ 1 руб. 75 коп., священ. Можелевскимъ отъ разн. лицъ 4 р. 90 к., священ. Іоанномъ Кривицкимъ отъ разн. лицъ 3 р. 10 к., отъ священ. Петра Ѳедоровскаго 3 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 1 р. 45 к.; собрано: священ. Александромъ Любарскимъ отъ разн. лицъ 2 руб., священ. Петромъ Лукашевымъ отъ разн. лицъ 50 к., священ. Павломъ Антоновичемъ отъ разн. лицъ 2 р. 50 к., свящ. Василіемъ Мухинымъ отъ разн. лицъ 30 к., отъ Метницкаго Михаила Александровича 3 р., отъ священ. Іоанна Колосовскаго 1 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 85 коп.

(Окончаніе будетъ).

С В Ѣ Д Ъ Н І Е

о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго
X епархіальнымъ съѣздомъ.

Къ 1-му іюля 1887 года оставалось: наличными деньгами 992 р. 55 коп., билетами 7,400 р. и въ долгахъ за Харьковскимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 16,400 руб.

Съ 1-го іюля по 1-е генваря 1888 года поступило на приходъ:
а) личнаго взноса отъ духовенства Харьковской епархіи 1,695 р. 90 коп. и б) процентовъ по купонамъ государственныхъ процент-

ныхъ билетовъ и отъ епархіального свѣчнаго завода 995 р. 73 к. Всего 2,691 р. 63 к., а съ остаточными 11,084 р. 18 коп.

Во второй половинѣ 1887 г., согласно постановленію XII епархіального съѣзда, передано въ свѣчной епархіальный заводъ билетами 7,300 р., наличными 3,680 руб. и израсходовано на застраховку билета I внутренняго съ выигрышами займа (серія 19,469, № 37) 95 коп.,—всего въ расходѣ 10,980 р. 95 коп.

Затѣмъ въ епархіальномъ попечительствѣ къ 1 января 1888 г. осталось билетами 100 руб., наличными деньгами 3 р. 23 коп. и въ долгахъ за Харьковскимъ епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ 27,380 руб.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Депутатъ 2-го округа Изюмскаго уѣзда, священникъ *Евгеній Титовъ*, по постановленію епархіальнаго начальства, уволенъ отъ должности окружнаго депутата.

— Священникъ Кресто-Воздвиженской церкви города Изюма, *Стефанъ Роменскій* по прошенію уволенъ отъ должности законоучителя Изюмскаго городского народнаго училища.

— Утвержденъ въ должности законоучителя Отрадовскаго начальнаго народнаго училища, Зміевского уѣзда, священникъ села Отрады, того же уѣзда, *Алексій Жадамовскій*.

— Псаломщикъ-діаконъ Троицкой церкви города Славянска *Іоаннъ Гревезирскій* перемѣщенъ на открытое штатное діаконское мѣсто къ Георгіевской церкви слоб. Поповки, Изюмскаго уѣзда. Сей-же церкви діаконъ, состоящій на псаломщицкой вакансіи, *Даніилъ Ерфаловъ* умеръ.

— Уволенный въ заштатъ по болѣзни, впродъ до выздоровленія, діаконъ *Аванасій Давидовъ* опредѣленъ на праздное діаконское мѣсто при Троицкой церкви слободы Перекопа. Валковскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи *Константинъ Мигулинъ* опредѣленъ на праздное діаконское мѣсто при Покровской церкви села Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

— 1-го февраля н. г. опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Іоанно-Предтеченской церкви, слоб. Синихи, Купянскаго уѣзда, *Александръ Ивановъ*.

— Псаломщикъ Георгіевской церкви сл. Дерновой, Ахтырскаго уѣзда, *Иванъ Ильинъ* волею Божіею умеръ.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Воскресенской церкви г. Сумъ жѣшанинъ *Иванъ Коровченко*; къ Преображенской церкви с. Алешни, Лебедянскаго уѣзда, крестьянинъ *Андрей Кривогузь*; на второе трехлѣтіе: къ Ахтырско-Богородичной церкви слоб. Изюмца (Бугаевка тожъ), Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Андрей Терещенко*; къ Сорокомученической церкви села Мирнаго, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Илія Мозговой* и къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Тараповки, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Ткаченко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Перемѣщеніе епископовъ.—Наставленіе преосвященнаго депутатамъ Ставропольскаго съѣзда духовенства.—Мѣры для улучшенія преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Замѣтка о школахъ въ Кочеткахъ.—Изданіе житія св. равно-апостольнаго князя Владиміра.—Православное миссіонерство—Кощунство въ разныхъ видахъ.—Эксплоатація религіознаго чувства.—Канонизація новыхъ святыхъ въ Римѣ.—Общество трезвости.—Чудесное исцѣленіе.—Колокольный звонъ во время мятежей.—Старопечатное евангеліе.

Газеты сообщаютъ, что, за смертью преосвященнаго екатеринбургскаго и ирбитскаго Нафанаила, на свободную екатеринбургскую кафедру назначается викарій казанской епархіи, епископъ чебоксарскій Кирилль. Въ 1862 г., по окончаніи курса ученія въ московской духовной академіи со степенью кандидата богословія, онъ былъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха, — въ 1872 году возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1873—1880 годахъ былъ учителемъ и инспекторомъ витебской духовной семинаріи, въ 1880 году возведенъ въ архіерейскій санъ, съ назначеніемъ во епископа острогожскаго, викарія волынской епархіи. Въ Казани онъ викариствуетъ съ 1882 года.

— Депутатамъ недавно бывшаго ставропольскаго съѣзда духовенства было дано епархіальнымъ епископомъ напутственное наставленіе, переданное депутатами и прочему духовенству къ свѣдѣнію и руководству. Преосвященный епископъ, какъ сообщается въ мѣстныхъ „Е. В.“, говорилъ, между прочимъ, о томъ, чтобы священники внушали прихожанамъ творить на себѣ правильное крестное знаменіе, искореняли привычку прихожанъ креститься небрежно и сами, вмѣстѣ съ причтомъ, служили образцами для прихожанъ въ изображеніи крестнаго знаменія. Далѣе епископъ говорилъ, что іереямъ необходимо слѣдить и за собою, и за діаконами, и за псаломщиками, чтобы не исказить въ произношеніи текста богослуж-

жебныхъ книгъ и отвыкнуть отъ привычки употреблять звукъ *a* тамъ, гдѣ въ книгѣ стоитъ *o*, и наоборотъ: неприятно слышать, напр., когда служащій произноситъ: „и ва вѣки вѣковъ“, твая отъ тваихъ“, и т. п.

— Херсонскій епархіальный училищный совѣтъ обратилъ вниманіе на одно наблюденіе въ церковно-приходской школѣ, отчасти сходное съ вышеприведеннымъ. Одинъ изъ наблюдателей церк.-пр. школъ епархіи въ отчетѣ своемъ донесъ совѣту, что у нѣкоторыхъ изъ законоучителей церк.-пр. школъ замѣчается стремленіе упрощать библейскія и евангельскія выраженія словами мѣстнаго нарѣчія, напр., слово „Евангеліе“ объясняется: „то що пишъ у церкви читае“, „діаволь“ — „брехунецъ“, и что этотъ недостатокъ замѣчается у законоучителей не только церк.-пр. школъ, но и земскихъ. Вслѣдствіе этого названный совѣтъ, какъ видно изъ „Херс. Е. В.“ предложилъ духовенству, при преподаваніи закона Божія, избѣгать вульгарныхъ и шутливыхъ выраженій изъ мѣстнаго нарѣчія, не соответствующихъ важности предмета.

— Въ началѣ февраля случилось мнѣ быть въ Кочеткѣ; мѣстечко это называется Новый Кочетокъ, находится верстахъ въ пяти отъ г. Чугуева и расположено на господствующей возвышенности въ лѣсной и живописной мѣстности. Прежде существовалъ тамъ мужескій монастырь, упраздненный въ концѣ прошедшаго столѣтія и на мѣстѣ томъ теперъ въ лѣсу водруженъ крестъ, а ниже устроена на источникѣ часовня. На источникъ этотъ, въ лѣтнее время богомольцы, приходящіе поклониться мѣстно-чтимой иконѣ Владимірской Божіей Матери, оставшейся отъ упраздненнаго монастыря, почти ежедневно ходятъ съ иконою и тамъ совершается водоосвященіе и читается акаѳистъ Божіей Матери. Кромѣ того устроено десятка два приличныхъ домовъ, которые въ зимнее время стоятъ пустыми, а въ лѣтнее занимаются дачниками, пріѣзжающими на лѣто преимущественно изъ Харькова. Владѣльцы этихъ домовъ живутъ въ разстояніи одной версты и болѣе въ мѣстечкѣ, называемомъ старый Кочетокъ. Зимой въ новомъ Кочеткѣ вниманіе пріѣзжающихъ останавливается только на церкви и школѣ; церковь художественной архитектуры, устроена на берегу рѣки Донца и содержится въ должномъ благолѣпіи внутри и извнѣ. При выходѣ изъ нея въ южныя двери, открывается обширнѣйшій горизонтъ и громаднѣйшая равнина, испещренная селами.

Пріѣздъ мой совпалъ съ временемъ, когда былъ благовѣсть ко всеобщей и я поспѣшилъ въ церковь; первыми богомольцами

пришли человекъ до 40 школьникъ, мальчиковъ и дѣвочекъ и съ ними учительница, окончившая курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Затѣмъ болѣе десяти мальчиковъ и взрослыхъ человекъ четыре пришли и стали на правомъ клиросѣ; началось богослуженіе и стоявшіе на правомъ клиросѣ пѣли, подъ руководствомъ мѣстнаго причетника, всю всенощную тихо и стройно, особенно пріятную гармонію производилъ діаконъ, когда дѣйствовалъ низкимъ октавистымъ голосомъ. Предъ началомъ канона поставленъ былъ аналой, приспособленный къ возрасту мальчиковъ, на немъ положенъ былъ ирмологій, дѣти съ возженными свѣчками окружили аналой и начали пѣть ирмосы празднику Срѣтенія Господня „Сушу глубородительную землю“. Пѣніе было не шумно, но до того правильно и отчетливо, что человекъ и мало знакомому съ текстомъ ирмосовъ легко было понимать каждое слово. Такое умиленное церковное пѣніе желательно бы слышать не только въ такой пустынной мѣстности, а и во всѣхъ православныхъ церквяхъ. По отпускѣ всенощной священникъ вышелъ съ кадиломъ, а діаконъ со свѣчею предъ икону Божіей Матери, которая помѣщается въ особомъ кіотѣ, за правымъ клиросомъ и во время кажденія пѣвцы пропѣли: „Подъ Твою милость прибѣгаемъ Богородице Дѣво“, а затѣмъ предъ праздничною иконою пропѣли тропарь: „Радуйся благодатная Богородице Дѣво“, народъ началъ молиться, прикладываться къ иконамъ и выходить изъ церкви. Въ пѣніи участвовалъ и церковный староста, отставной шавронистъ, вѣроятно любитель церковнаго пѣнія, и кромѣ того, читалъ канонъ празднику громко и со смысломъ. Мальчики и дѣвочки участвовавшіе въ пѣніи окончили уже курсъ въ церковно-приходской школѣ, открытой мѣстнымъ священникомъ года четыре назадъ, и по отзыву священника неопустительно посѣщаютъ церковь и съ большою охотою участвуютъ въ пѣніи на клиросѣ. На другой день литургію пѣли также стройно и правильно, а вмѣсто причастнаго стиха пѣли по ирмологію догматики 1 и 2 глас.: „Всемирную славу“ и „Прежде сѣнь законная“.

Въ обычное время священникъ вышелъ и сказалъ краткое поученіе; рассказавъ исторію праздника Срѣтенія Господня, онъ закончилъ словами: Отроча растяше и крѣплишеся духомъ исполняея премудрости. Затѣмъ обратился прежде къ дѣтямъ и очень понятно раскрылъ имъ, какъ должно приходя въ возрастъ вести себя, чтобы преусиѣвать въ премудрости, исполняться духомъ и быть любимыми Богомъ и людьми,—потомъ отцамъ и матерямъ и во-

обще возрастнымъ сказалъ, что они, взирая на праведныхъ: Иосифа, Старца Симеона, Анну Пророчицу и Божію Матерь, должны своею доброю жизнію и разумными словами укрѣплять дѣтей въ ихъ благочестивомъ настроеніи и тѣмъ призывать на себя и ихъ благодать Божію.

По приглашенію мѣстнаго священника, человѣка привѣтливаго, я имѣлъ возможность побывать въ школѣ, въ которой оказалось до 60 мальчиковъ и дѣвочекъ, помѣщаются они въ трехъ небольшихъ комнатахъ и раздѣлены на три отдѣленія; въ первомъ поступившіе вновь и начинающіе учиться читать, но краткія молитвы знаютъ и читаютъ наизусть правильно; во второмъ молитвы и заповѣди знаютъ съ объясненіемъ и пишутъ очень порядочно; въ третьемъ старшіе по возрасту и готовящіеся къ окончательному экзамену и выпуску. Во всѣхъ отдѣленіяхъ на предложенные вопросы отвѣчали удовлетворительно. Но меня занимало болѣе пѣніе и я попросилъ показать способъ, какъ ихъ обучаютъ пѣть по нотамъ. Немедленно были принесены двѣ большихъ доски, на которыхъ были написаны ноты и текстъ догматика 3 гласа: „Како не-дивимся“, всѣ три отдѣленія вошли въ одну комнату и меньшіе по возрасту стали полукругомъ впереди, за ними большіе, а остальные размѣстились на сидѣньяхъ партъ, одинъ изъ мальчиковъ подошелъ близко къ доскѣ съ палочкою въ рукѣ, которою указывалъ при пѣніи четверти, полтакты и такты нотъ, а другой стоялъ впереди и давалъ руку,—взоры всѣхъ обращены были на доску. Псаломщикъ руководившій задалъ тонъ и поправлялъ когда замѣчалось разногласіе. Догматикъ пропѣли весь до конца въ общемъ безошибочно.

Познакомившись ближе съ школьниками, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что вѣрный способъ ввести въ церквахъ православныхъ единообразное пріятное пѣніе есть школа,—школьники, привыкнувъ изъ дѣтства къ церковному пѣнію, непременно приурочатся къ церкви и пришедши въ возрастъ станутъ съ любовію посѣщать св. храмъ, поддерживать пѣніе и молиться въ немъ сознательно и осмысленно; а чѣмъ болѣе въ приходѣ окажется такихъ людей, тѣмъ благотворнѣе они будутъ вліять и на нравственность семейной и общественной жизни.

Домъ въ Кочеткѣ, гдѣ помѣщается школа, не совсѣмъ удобно приспособленъ и стоитъ среди пустыхъ домовъ занесенныхъ снѣгомъ съ закрытыми ставнями,—пустынная картина эта порождаетъ какое то тоскливое чувство. Впрочемъ говорятъ, что Управление

Государственными Имуществами ходатайствуетъ о разрѣшеніи отпуску лѣса на постройку школы изъ казенныхъ дачъ и общество указало уже приличное мѣсто. Средства на постройку собраны частью приходскимъ священникомъ, а болѣе дачниками, въ числѣ коихъ значительная часть профессоровъ университета, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ тамъ и собственные дома.

— Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси, имѣющаго совершиться въ настоящемъ году, С.-Петербургское славянское благотворительное общество издаетъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ житіе Св. равноапостольнаго Князя Владиміра, составленное профессоромъ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскимъ. Житіе будетъ напечатано in 4°, въ два столбца, на 14 стран. Къ житію будетъ приложено изображеніе св. Владиміра, роскошно отпечатанное въ хромо-литографіи В. В. Комарова, 17-ю красками, по оригиналу, исполненному профессоромъ И. А. Кошелевымъ. Житіе будетъ сброшюровано въ хромо-литографированную 3-мя красками обложку, на которой будутъ изображены въ медальонахъ: 1) храмъ св. Владиміра въ Херсонѣ; 2) храмъ св. Владиміра въ Кіевѣ, 3) развалины „Десятинной церкви“, 4) церковь Спаса-на-Берестовѣ, 5) памятникъ св. Владиміру въ Кіевѣ и 6) Крещатикъ памятникъ въ Кіевѣ же. Цѣна „житія“ св. Владиміра съ его изображеніемъ назначена по 15 к. экземпляръ съ пересылкою. Цѣна отдѣльно „житія“ св. Владиміра и отдѣльно „изображенія“ равноапостольнаго Князя назначена по 10 коп. за экз., съ пересылкою же. Совѣтъ славянскаго общества приглашаетъ учрежденія и отдѣльныхъ лицъ, желающихъ приобрѣсти вышеозначенныя изданія, въ томъ и другомъ количествѣ экземпляровъ, присылать о томъ заблаговременно заявленія въ помѣщеніе совѣта (площадь Александринскаго театра, № 7-й).

— Среди епархіальныхъ братствъ, ставящихъ главною задачею своей дѣятельности миссіонерство, первое мѣсто, безспорно, занимаетъ Казанское братство во имя св. Гурія. Недавно исполнилось двадцатилѣтіе существованія этого братства. По опубликованному отчету, въ минувшемъ году оно содержало для инородцевъ 97 школъ съ 2833 учащимися, какъ христіанами, такъ и язычниками: послѣднихъ въ школахъ братства было 67 чел., и по успѣхамъ они не отставали отъ своихъ товарищей-христіанъ, въ нѣкоторыхъ школахъ даже лучшія отмѣтки по Закону Божію принадлежали ученикамъ-язычникамъ. Кромѣ школъ, съ цѣлью просвѣщенія инородцевъ, братство распространяло на инородческихъ языкахъ книги

духовнаго содержанія, которыхъ въ истекшемъ году издано 15 на языкахъ: татарскомъ, киргизскомъ, алтайскомъ, якутскомъ, чувашскомъ, вотяцкомъ и черемисскомъ. Наконецъ братство содержало особыхъ миссіонеровъ, которые посѣщали инородческія селенія и вели въ нихъ собесѣдованія. Въ истекшемъ году трудами братства крещено магометанъ 4, язычниковъ 10 чел., возвращено отпавшихъ отъ вѣры также 10 чел. Кромѣ борьбы съ язычествомъ, братство вело борьбу и съ расколомъ и содержало четыре школы для дѣтей раскольниковъ.

— Въ Таращанскомъ уѣздѣ, Кіевской епархіи, живетъ и дѣйствуетъ необыкновенный слѣпецъ-миссіонеръ, изъ отставныхъ солдатъ. Этотъ слѣпецъ-миссіонеръ представляетъ собою весьма оригинальное и интересное явленіе: онъ ведетъ полемику, и чрезвычайно успѣшно, съ штундистами на ярмаркахъ, базарахъ и площадяхъ; наизусть цитируетъ всѣ мѣста Писанія и владѣетъ такою изворотливою и сильною діалектикою, что штундисты въ состязаніяхъ съ нимъ всегда остаются побѣжденными.

— „Новости“ передаютъ, что св. Синодъ, по ходатайству совѣта Православнаго миссіонерскаго общества, для увеличенія средствъ этого общества, на дняхъ постановилъ: 1) въ день празднованія торжества православія производить повсемѣстный сборъ пожертвованій на распространеніе православія между язычниками нашего отечества; 2) предложить духовенству произнести повсемѣстно въ тотъ-же день образцовыя поученія о миссіонерскомъ дѣлѣ, и 3) для усиленія сбора, предоставить совѣту миссіонерскаго общества разослать во всѣ церкви особыя воззванія, содержація въ себѣ краткія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи миссіонерскаго дѣла въ Россіи, съ тѣмъ, чтобы эти воззванія были выставлены въ притворахъ церквей въ теченіи первой недѣли великаго поста.

— Религіозное чувство православнаго русскаго человѣка не можетъ не возмущаться и возмущается слѣдующими явленіями. На дняхъ въ „Моск. Ц. В.“ съ негодованіемъ было указано на находящіяся въ обращеніи серебряныя табачницы съ изображеніемъ церкви Василія Блаженнаго и коробки кондитерскія съ изображеніемъ тайной вечери, довольно хорошо сдѣланнымъ красками съ извѣстной картины Леонардо де-Винчи. И снова припоминаемъ мы, замѣчаетъ московская церковная газета по поводу этого кощунства, нашихъ кровныхъ братьевъ-раскольниковъ, не имѣютъ-ли они права чуждаться насъ, нашей Церкви, видя, что мы во что-то обыденное, игрушечное превращаемъ самыя священныя событія новаго

завѣта, каковою должна считаться тайная вечеря—установленіе св. Евхаристіи. Блюдите, сказалъ Спаситель, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ. Но такъ-ли мы относимся къ этимъ малымъ, хотя и заблуждающимся, но глубоко чтущимъ вѣру во Христа и святыни ея? У насъ возмутительнѣйшимъ образомъ эксплуатируется религіозное чувство вѣрующихъ людей, и число эксплуатируемыхъ не малое. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ разсылались по Россіи саваны, исписанные крестами и разными надписями, якобы изъ обителей св. Аѳона, съ такою за поминавенія на вѣчныя времена, на годъ, полгода и т. д. Оказалось, что эти саваны съ печатными таксами фабриковались въ одномъ изъ нашихъ южныхъ городовъ и притомъ евреями. Фабрику закрыли и что-то теперь не слышно о саванахъ съ св. Аѳона. Но за то якобы съ того-же Аѳона рассылаются письма съ изображеніемъ св. обители и печатною таксою за молитву о здравіи или за упокой. Конечно, говорятъ „М. Ц. В.“, деньги по указанію посылаются, хотя есть и люди, которые видятъ здѣсь обманъ, не безъ основанія предполагая, что и это дѣло тѣхъ-же рукъ, которыя изготовляли саваны для русской простоты, вѣрящей, что саванъ защититъ отъ суда Божія. („Церк. Вѣстн.“)

— Юбилейныя празднества въ Римѣ закончились 3 (15) января торжественной канонизаціей новыхъ святыхъ. Канонизація состоялась въ великолѣпной „палатѣ благословенія“, надъ притворомъ храма св. Петра. Вокругъ палаты устроено было 2,500 сидѣній для избранныхъ лицъ. Остальную часть палаты занимали кардиналы, четыреста находящихся въ настоящее время въ Римѣ епископовъ и придворные чины папы. Папа отправился на роскошныхъ носилкахъ сначала въ Сикстинскую капеллу въ полномъ первосвященническомъ одѣяніи и встрѣченъ былъ тамъ хорovýmъ пѣніемъ Ave Maria. Оттуда онъ направился въ палату канонизаціи и при вступленіи его раздались звуки серебряныхъ трубъ. Обрядъ канонизаціи совершался недолго и папа произнесъ похвальное слово въ честь новыхъ святыхъ, которыми оказались основатели монашескаго ордена „служителей Маріи“, три іезуита—Петръ Клаверъ (извѣстный въ качествѣ апостола Востъ-Индіи), Джонъ Берчмансъ и Альфонсъ Родригезъ. Кардиналы затѣмъ поднесли дары для новыхъ святыхъ, состоявшіе изъ толстой восковой свѣчи, двухъ чашъ серебряной и позолоченной, трехъ клѣтокъ, изъ которыхъ въ одной содержались голуби, въ другой горлицы и въ третьей канарейки и желтогрудые подорожники. Среди даровъ было также два маленькихъ боченка, одинъ съ водой и другой съ виномъ. Церемонія за-

кончилась мессой, по окончаніи которой папа оставилъ палату — на своихъ обычныхъ носилкахъ, подъ балдахиномъ.

— Въ Москвѣ, по почину извѣстнаго писателя Л. Н. Толстого, заводится общество трезвости, члены котораго обязываются не только сами не употреблять никакихъ опьяняющихъ напитковъ, но и не угощать ими другихъ. „Новости“ сообщаютъ, что подобное же общество организуется и въ Петербургѣ. Члены учредители этого общества преслѣдуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и практическія цѣли. Такъ, каждый членъ обязанъ будетъ вносить въ кассу общества рубль ежемѣсячно и на собранную такимъ путемъ сумму общество будетъ устраивать для своихъ членовъ вспомогательныя кассы и другія благотворительныя учрежденія. Учредители полагаютъ, что рублевый взносъ не можетъ быть обременителенъ для того, кто добровольно отказывается отъ всякаго „пьянаго“ питья, такъ какъ на послѣднее тратится много больше рубля въ мѣсяцъ. Говорятъ, однако, что записываться въ члены общества находится пока мало охотниковъ.

— Одиъ Перелаславскій житель опубликовалъ слѣдующее извѣстіе о своемъ чудесномъ исцѣленіи. „Я, нижеподписавшійся, Перелаславскій мѣщанинъ, Иванъ Ѳедоровичъ Турковъ, считаю священною для себя обязанностью, по долгу своей совѣсти, сообщить письменно объ исцѣленіи меня отъ тяжелой болѣзни заступленіемъ нашего Перелаславскаго Чудотворца, Преподобнаго Никиты Столпника.

„Въ 1884 году, въ Ноябрь мѣсяцъ, безъ всякой видимой для меня причины сдѣлался я крайне нездоровъ. Тяжкая болѣзнь мучила меня около двухъ лѣтъ, такъ что я не въ состояніи былъ заниматься какой либо работой. Неоднократно я обращался за помощью къ мѣстнымъ врачамъ, но они мнѣ ничего не помогли. Между тѣмъ немощь моя день ото дня усиливалась и развилась до того, что тѣлесныя силы мои совсѣмъ ослабѣли; кромѣ сего, снѣдала меня и душевная скорбь, какой-то непонятный страхъ овладѣлъ мною. Потерявши всякую надежду на помощь человѣческую, я имѣлъ еще непоколебимое упованіе на помощь Преподобнаго Никиты Столпника. Къ этому Чудотворцу всегда обращался я съ особеннымъ благоговѣніемъ, когда былъ здоровъ, и часто ходилъ въ Никитскій монастырь псмолиться Преподобному. Больнаго меня туда же стали привозить, гдѣ я и молилъ Угодника Христова даровать мнѣ исцѣленіе отъ мучительнаго недуга. Однажды, бывши въ храмѣ Никитскомъ за богослуженіемъ, я горячо взывалъ къ Господу Богу изъ глубины души: Господи! здѣсь почиваютъ мощи Преподобнаго Столпника и Чудотворца Никиты; къ нему

обращаются многіе недужные, и по молитвамъ его получаютъ исцѣленіе; а я грѣшный, погибаю. Угодникъ Христовъ! помоги и мнѣ избавиться отъ лютой моей болѣзни! И ненарасна была моя недостойная, но слезная молитва у всечестнаго гроба Преподобнаго Никиты. Сильная въ груди моя боль унялась, и облегчилась скорбь моя; но я еще чувствовалъ страшное расслабленіе во всемъ своемъ тѣлѣ. Не переставая молить Преподобнаго объ исцѣленіи меня, сподобился я дивныхъ видѣній: въ тонкомъ снѣ видѣлъ я угодника Христова Никиту Столпника, съ трепетомъ слышалъ глаголы его; но не могъ упомянуть словъ небожителя; только чувствовалъ, что явленіе Преподобнаго облегчаетъ болѣзнь мою. Чрезъ нѣскольکو времени опять мнѣ привидѣлось, что я будто нахожусь въ храмѣ, гдѣ почиваютъ мощи Преподобнаго Никиты Столпника; молящихся въ храмѣ не было никого; былъ только я одинъ и стоялъ среди церкви: весь храмъ, а особенно алтарь, сіялъ необычнымъ свѣтомъ. Представилось мнѣ, что отъ своей гробницы самъ Преподобный шествуетъ ко мнѣ въ свѣтѣ неизреченномъ, а надъ главою его парилъ Духъ Божій, въ видѣ голубя, бѣлизны необыкновенной. Земво поклонившись Предстателю предъ Богомъ, въ числѣ другихъ, и за меня немощнаго тѣломъ и душою, я съ трепетомъ ожидалъ, не скажетъ-ли что мнѣ. Цѣлитель мой! „Ты здѣсь“, изрекъ мнѣ мой Покровитель милостивый.—„Здѣсь“, отвѣчалъ я со страхомъ и трепетною радостью.—„Стой здѣсь“, говорилъ Преподобный, „а я пойду и помолюсь за тебя“. И вотъ видѣлъ я, что два сіяющіе мужа въ алтарь предъ Престоломъ Божиимъ молятся. Въ изумленіи и утѣшеніи я проснулся. Никогда я не забуду этого спасительнаго для меня видѣнія. Съ этого самаго времени я совершенно выздоровѣлъ, живу благополучно и работаю по прежнему. Твердо вѣрую, что исцѣленъ я отъ сильно тяжелой болѣзни, единственно благодатію Божіею, молитвами Преподобнаго Столпника Никиты, Переяславскаго Чудотворца. Желательно мнѣ, чтобы это обстоятельство передано было во всеобщее свѣдѣніе на утѣшеніе вѣрующихъ сердець о дѣйствіи Божіей благодати, являемой въ Церкви Христовой за молитвы и ходатайства Святыхъ. Переяславскій мѣщанинъ Иванъ Ѳедоровъ Турковъ.

— Въ нѣкоторыхъ селахъ, пишетъ „Южный Край“, заведенъ обычай, во весь годъ, время отъ времени, ударять въ колоколъ ночью, дабы извѣстно было, что церковный сторожъ бодрствуетъ. Нѣкто, ѣхавши въ темную ночь, сбился съ дороги и проблудилъ бы цѣлую ночь, если-бы протяжный звукъ колокола не указалъ

ему дороги. Сообщая сіе извѣстіе, газета вспоминаетъ, что еще въ 1851 году, въ 7-й день августа, Высочайше утверждены правила, коими постановлено: 1) производить въ селахъ, во время вьюгъ и мятелей, днемъ и ночью, по согласію сельскаго начальства съ церковнымъ причтомъ, охранительный для путешествующихъ звонъ до тѣхъ поръ, пока буря не утихнетъ; для отличія же отъ церковнаго благовѣста и отъ пожарнаго набата, мятельный звонъ производить не постоянно, но прерывисто, съ нѣкоторыми промежутками времени; для производства этого звона мѣстное пачальство назначаетъ нѣсколько человекъ въ помощь церковному сторожу для удобства и безопасности. Правила эти, къ точному исполненію сельскими причтами, объявлены циркулярнымъ указомъ святѣйшаго Синода 15 сентября 1851 года. Въ 1876 году святѣйшій Синодъ слушали предложенное синодальнымъ Оберъ Прокуроромъ, за № 4798, отношеніе предсѣдателя общества подачи помощи при кораблекрушеніяхъ, въ которомъ изъяснено, что главное правленіе общества, воспользовавшись указаніемъ святѣйшаго Синода о томъ, что колокольный звонъ въ сельскихъ церквахъ во время вьюгъ и мятелей учрежденъ Высочайше утвержденными 7-го августа 1851 года правилами, обратилось циркулярно ко всѣмъ губернаторамъ съ просьбою о принятіи ими надлежащихъ мѣръ къ неотложному выполненію со стороны административныхъ властей всего изъясненнаго въ упомянутыхъ правилахъ о колокольномъ звонѣ во время мятелей. Имѣя же въ виду, чтобы, при могущихъ быть во время мятелей частыхъ случаяхъ къ примѣненію означенныхъ правилъ, со стороны духовныхъ властей не встрѣтилось какого-либо затрудненія при примѣненіи оныхъ, генералъ-адъютантъ Посєтъ просилъ напомнить, особымъ циркуляромъ, по всѣмъ епархіямъ о существованіи вышеупомянутаго законоположенія. И, по справкѣ, приказали: согласно просьбѣ главнаго правленія общества воданія помощи при кораблекрушеніяхъ, поручить епархіальнымъ преосвященнымъ подтвердить сельскому духовенству о точномъ исполненіи объявленныхъ по духовному вѣдомству циркулярнымъ указомъ святѣйшаго Синода, отъ 15 сентября 1851 г., Высочайше утвержденныхъ 7-го августа того-же года правилъ. Опред. святѣйшаго Синода 10 декабря 1876 г. — 10 января 1877 г., № 2158. Напомявъ объ этихъ распоряженіяхъ высшаго правительства, газета выражаетъ желаніе, чтобы мятельный звонъ производимъ былъ не только въ селахъ, но и въ городахъ, съ колоколенъ церквей, стоящихъ на окраинахъ.

— Въ церкви села Филина, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской епархіи, хранится старопечатное евангеліе. На выходномъ листѣ евангелія значитъ, что оно начато печатаніемъ „въ лѣто 7113 (1605), марта въ 30-й день на память преподобнаго Отца нашего Іоанна, списавшаго лѣствицу, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, при державѣ Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василя Ивановича всея Руссіи, въ первое лѣто Богохранимаго его царствія, при наствѣ Святѣйшаго Ермогена, патріарха Московскаго и всея Руссіи, въ первое лѣто святительства его, совершенно-же бысть въ лѣто 7114 (1606) іюня въ 29 день, на память святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла“...

Извѣстно, что глаголемые старообрядцы, между прочимъ, не признаютъ православнымъ именованное благословеніе святительское и начертаніе имени Христа Спасителя чрезъ двѣ гласныя буквы Іисусъ. Между тѣмъ въ означенномъ евангеліи находимъ обличеніе ихъ заблужденій. 1) Изданное въ Москвѣ при Святѣйшемъ патріархѣ Гермогенѣ, за 45 лѣтъ до патріаршества Никона, когда, по словамъ самихъ старообрядцевъ, русская Церковь, во всей чистотѣ православія, сіяла благочестіемъ, это евангеліе представляетъ, между прочимъ, такой печатный рисунокъ св. Іоанна Богослова: Св. Евангелистъ, указуя лѣвою рукою на раскрытое евангеліе, которое пишетъ со словъ его Прохоръ, правою рукою благословляетъ своего ученика. Персты для благословенія сложены такъ: два перста, указательный и великосредній, являются простертыми; перстъ мизинца, склоненъ внутрь къ длани, мизинецъ же простертъ, а не согнутъ и не сложенъ въ троеперстіе, какъ того требуютъ старообрядцы. Изображеніе это, при собесѣдованіяхъ съ старообрядцами въ семеновскомъ Вознесенскомъ соборѣ, неоднократно было имъ показываемо. Глаголемые старообрядцы не находили что возразить противъ такого свидѣтельства въ пользу православія именованнаго благословенія. 2) Начертаніе имени Спасителя „Іисусъ“ встрѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ означеннаго евангелія. Именпо, во 2-мъ зачалѣ евангелія отъ Матѳея напечатано: „Іисусъ Христово рождество сиде бѣ“. Въ евангеліи отъ Луки, въ концѣ 8-го зачала, читается „Іисусъ пресигъваше премудростію и возрастомъ“; въ зачалѣ 10-мъ: „Іисусу крещъшуся“; въ концѣ 99-го зачала напечатано: „Іисусъ рече имъ, ни Азъ глаголю вамъ, коею областію сія творю“.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

ВСЕНОЩНОЕ ВДѢНІЕ,
ВЕЧЕРНЯЯ И УТРЕНЯ

— И —

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГІЯ

Св. Іоанна Златоустаго, Св. Василя Великаго и Пржедосвященныхъ Дарозъ
Св. Григорія Двоеслова.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ
КРУГА

ОБЫЧНАГО ПРАВОСЛАВНАГО ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ,

положеннаго на ноты на три голоса партитурою для хора, фисгармоніи и
фортепіано

Священникомъ Даніиломъ АБЛАМСКИМЪ.

Г. Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа рекомендованъ Гг. Директорамъ и
Инспекторамъ народныхъ училищъ ввѣреннаго учебнаго округа, какъ пособіе
для учителей при обученіи церковному пѣнію.

Собственность издателя, сына автора, учителя Николая Даніиловича Абламскаго.

Цѣна 1 р. 75 к. (съ пересылк. 2 рубля).

Съ требованіями обращаться къ издателю: Кіевъ, учителю Николаю Даніиловичу
Абламскому.

ОСНОВЫ НАРОДНИЧЕСТВА.

Часть I. Второе дополненное изданіе.

Соч. Я. Коблиця (Я. Юзоби).

С.-Пб. 1888. Цѣна 2 руб.

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

Сост. Е. Воскресенскій.

МОСКВА. 1888. Цѣна 60 коп.

СТАРОРУССКІЕ СОЛНЕЧНЫЕ БОГИ И БОГИНИ.

Историко-этнографическое изслѣдованіе

М. Е. Соколова.

Симбирскъ. 1887. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ СИМБИРСКѢ У АВТОРА.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы ~~и~~ лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, ~~и~~ должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Въ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Братировъ.